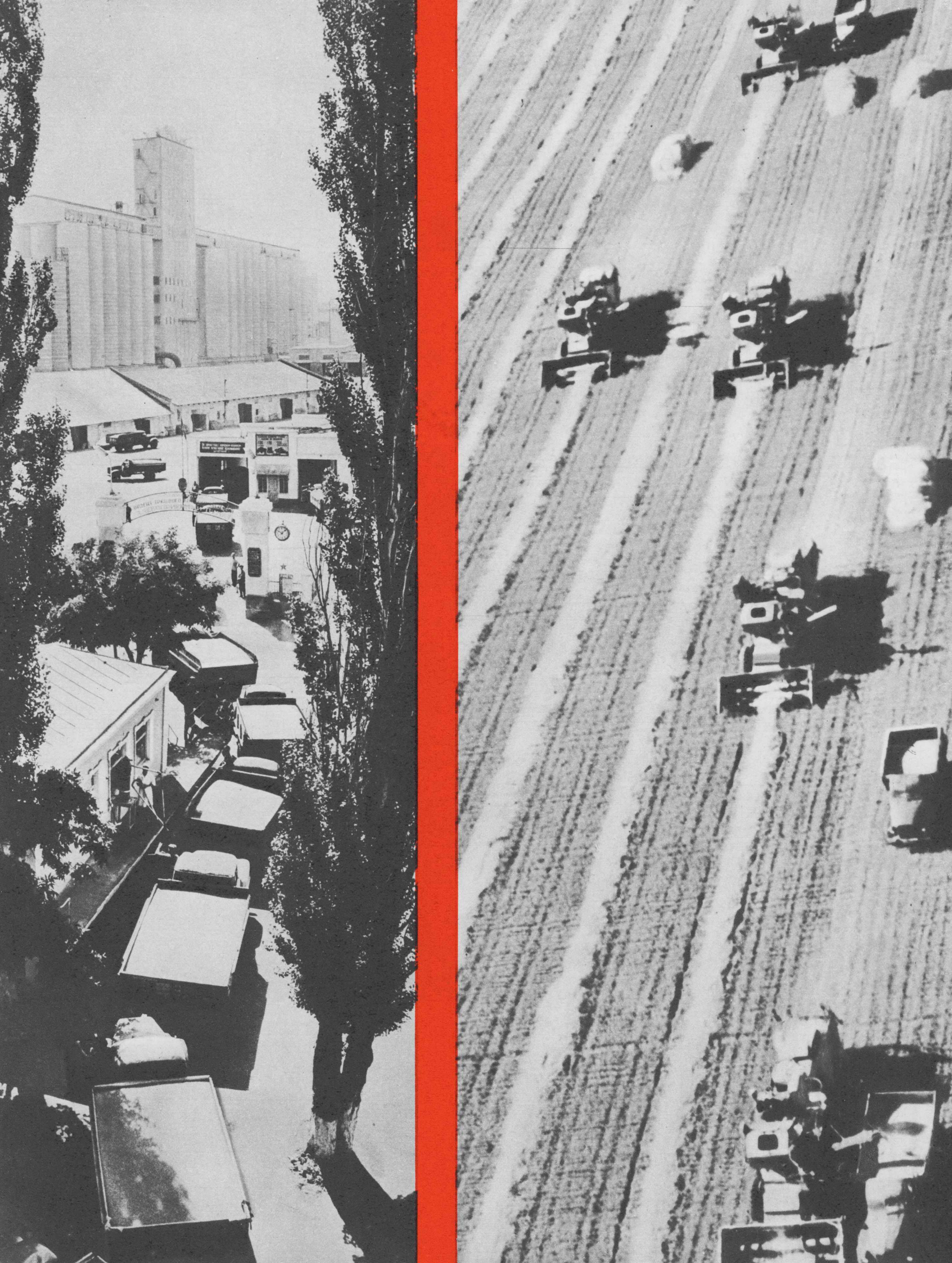

ПРИВЕТ ДЕЛЕГАТАМ ТРЕТЬЕГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА КОЛХОЗНИКОВ!

КОЛХОЗНЫЙ СТРОЙ — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. ЭТО НАМЕЧЕННЫЙ В. И. ЛЕНИНЫМ, ИСТОРИЧЕСКИ ПРОВЕРЕННЫЙ, ОТВЕЧАЮЩИЙ ОСОБЕННОСТЯМ КРЕСТЬЯНСТВА ПУТЬ ЕГО ПОСТЕПЕННОГО ПЕРЕХОДА К КОММУНИЗМУ.

ИЗ ПРОГРАММЫ КПСС

Три фотографии. Кубань, Казахстан, Поволжье. Лабинский хлебоприемный пункт. Уборка на полях Ново-Покровского совхоза, Кустанайской области. Мастер машинного доения Валентина Тягнирядно из колхоза «Оленевский», Волгоградской области. Три мгновения из жизни советского села.

Фото В. Давыдова, Н. Суровцева, Е. Шулепова (ТАСС).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 47 (2212)

22 НОЯБРЯ 1969

Основан 1 апреля 1923 года

ПРЕЗИДЕНТ ТУРЦИИ В СССР

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в Советском Союзе с официальным визитом гостил Президент Турецкой Республики Джевдет Сунай.

Во время своего пребывания в СССР Президент Турецкой Республики нанес в Кремле визиты Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному и Председателю Совета Министров СССР А. Н. Косыгину. Беседы проходили в дружественной обстановке.

На завтраке, данном Президиумом Верховного Совета СССР и Советским правительством в честь Президента Турецкой Республики Джевдета Суная, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный отметил, что, несмотря на различие социально-общественных систем СССР и Турции, отношения между ними развиваются в благоприятном направлении. Они основываются на принципах взаимного уважения суверенитета, национальной независимости, территориальной целостности, равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга.

В ответной речи Джевдет Сунай подчеркнул, что добрососедские отношения, развитию которых не препятствует различие социальных систем, вносят значительный вклад как в обеспечение стабильности в том районе мира, где расположены обе страны, так и в укрепление международного сотрудничества.

Высокий турецкий гость и сопровождающие его официальные лица совершили поездку по Советскому Союзу. Они побывали в городе-герое Ленинграде, в столице Украинской ССР Киеве, столице Грузинской ССР Тбилиси и столице Азербайджанской ССР Баку.

На снимке: переговоры в Кремле.

Фото А. Устинова.

С ДРУЖЕСКИМ ВИЗИТОМ НА КУБУ

По приглашению министра Революционных вооруженных сил Республики Куба Рауля Кастро Рус с официальным дружеским визитом Республику Куба посетил министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

А. А. Гречко осмотрел вместе с министром вооруженных сил Кубы военные училища. Затем встретился с Первым секретарем ЦК Компартии Кубы, премьер-министром Революционного правительства Фиделем Кастро.

Министр обороны СССР ознакомился с осуществлением планов сельскохозяйственного развития на Кубе. В сопровождении Фиделя и Рауля Кастро он посетил расположенные близ Гаваны опытное рисовое хозяйство, животноводческую ферму, кофейные и цитрусовые плантации.

АГРЕССИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

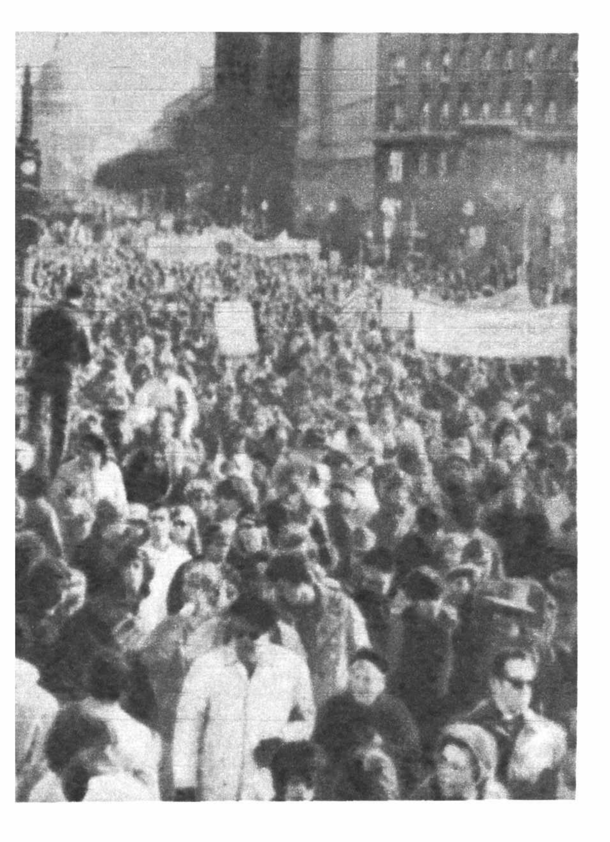
Опираясь на поддержку международного империализма, экстремистские круги Израиля развязали в июне 1967 года войну против арабских государств и захватили часть территорий Объединенной Арабской Республики, Сирийской Арабской Республики и Хашимитского королевства Иордании.

22 ноября 1967 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию, которая явилась основой мирного урегулирования на Ближнем Востоке. В качестве первого шага на пути к миру она предусматривает вывод всех израильских войск с захваченных арабских земель.

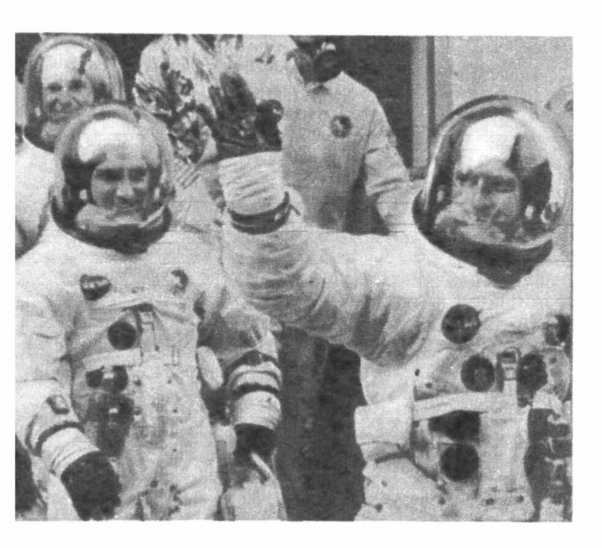
Два года мировая общественность настаивает на претворении в жизнь ноябрьской резолюции Совета Безопасности. Однако Израиль не только не выполняет требования мировой общественности, но и делает все возможное, чтобы накалить обстановку в этом районе, готовится к новым провокациям против арабов.

Это фото ЮПИ совсем не говорит о стремлении Тель-Авива к миру с арабами. Моше Даян заявил, что его устраивает новая карта Израиля именно такой, «какой она стала после июня 1967 года».

Это было 15 ноября в Вашингтоне, столице Соединенных Штатов Америки. Здесь, у монумента Джорджа Вашингтона, состоялся грандиозный митинг, явившийся завершением массового марша протеста против войны во Вьетнаме. В «Походе против смерти» в Вашингтоне приняли участие свыше трехсот тысяч американцев. «Такого Америка еще не видела за всю историю»,— свидетельствуют газетные обозреватели. Многочисленные демонстрации состоялись также в Нью-Йорке, в Сан-Франциско.

Последние минуты пребывания на земле экипажа «Аполлона-12», в состав которого входят Чарльз Конрад — командир корабля, Ричард Гордон (слева) и Алан Бин (сзади).

Как известно, космический корабль «Аполлон-12» был запущен 14 ноября с полигона на мысе Кеннеди. В программе полета — высадка на Луне, где американским космонавтам предстоит провести более суток.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ИНДИРА ГАНДИ И «СИНДИКАТ»

Николай ПАСТУХОВ

В одном из последних номеров советского еженедельника «За рубежом» была помещена весьма любопытная публикация — интервью Индиры Ганди западногерманскому журналу «Шпигель». Любопытная потому, что это интервью было дано главой индийского правительства еще задолго до недавних драматических событий в Индии.

После того, как Индира Ганди поделилась с корреспондентом своими мыслями о мерах по оздоровлению правящей в стране партии Индийский национальный конгресс (ИНК), он спросил ее:

— Не рискуете ли вы таким образом постом премьер-министра?

— Конечно,— ответила она.— Но не только этим. Ведь мне дали понять: «Если будете действовать заодно с нами, останетесь премьером, если же нет...»

«Заодно с нами»! Но с кем именно? Наверное, с теми, кто в столь ультимативной форме обратился к Индире Ганди. Дело, конечно, не в конкретных именах, их нетрудно назвать, а в политических процессах, которые происходят внутри партии ИНК. Речь, видимо, идет, как справедливо заявила на днях сама Индира Ганди, о столкновении двух тенденций — демократической и консервативной, борьба между которыми началась еще при жизни Дж. Неру.

Действительно, с каким напряжением сил Дж. Неру приходилось добиваться от Конгресса кардинальных решений по аграрному вопросу, планированию, индустриализации в рамках государственного сектора, миролюбивой внешней политике. Дж. Неру побеждал своих политических оппонентов огромным авторитетом как в партии, так и в стране. Открытая борьба против курса Дж. Неру была начата в те дни за пределами ИНК. Ее возглавили крайне правые партии — «Сватантра» и «Джан Сангх», политика которых всячески поддерживалась и инспирировалась империалистическими кругами Запада.

Враждебные Индии силы действовали, происходили глубинные зловещие процессы. Правые партии пытались перебросить мосты в ряды консервативно настроенных членов Конгресса, всячески содействовали процессу политической поляризации внутри ИНК. Наконец, в Конгрессе четко обозначились консервативное крыло («синдикат»), которое возглавил председатель партии Нидждалингаппа, и демократическое крыло во главе с премьер-министром Индирой Ганди.

Первое серьезное столкновение двух политических группировок партии ИНК произошло во время недавних президентских выборов, когда Индира Ганди и ее сторонники не поддержали кандидатуру «синдиката». Уже тогда Нидждалингаппа начал угрожать ей дисциплинарными взысканиями. Затем Индира Ганди и ее последователи бросили «синдикату» новый вызов: несмотря на отчаянное сопротивление правых сил, индийское правительство приняло решение о национализации четырнадцати крупнейших коммерческих банков страны. Общественность Индии горячо приветствовала этот смелый и далеко идущий шаг. В области внешней политики правительство Индиры Ганди продолжало следовать курсом неприсоединения, выступать за мирное решение вьетнамской проблемы, осуждать агрессию Израиля и выражать солидарность с арабскими народами.

Вот почему сопротивление этой политике со стороны индийской реакции, тесно связанной с империалистическими кругами, достигло своего апогея. Не случайно в эти дни на страницах некоторых западных органов печати промелькнули нотки злорадства в связи с последними событиями в Индии. Подтверждаются выводы международного Совещания коммунистических и рабочих партий, состоявшегося летом этого года в Москве: империалисты «упорно оказывают давление на Индию с тем, чтобы она отказалась от своей позиции неприсоединения и независимого экономического развития».

Одним из проявлений этого давления и явились действия «синдиката», протащившего (большинством в один голос!) так называемое решение Рабочего комитета ИНК об «исключении из партии» Индиры Ганди. Это решение ставило своей целью сместить ее с поста премьер-министра. Но, как известно, парламентская фракция ИНК не поддержала провокацию «синдиката».

Семнадцатого ноября в Дели открылась зимняя сессия индийского парламента. Партия ИНК явилась на сессию расколотая на две группировки. По данным газеты «Хиндустан таймс», группа премьер-министра имеет в Народной палате 210 сторонников, а группа Нидждалингаппы — 65. В Совете Штатов Индира Ганди имеет 104, а Нидждалингаппа — 46. Таким образом, в индийском парламенте как бы создалась новая парламентская фракция ИНК, находящаяся в оппозиции к Индире Ганди. Руководители этой группы идут на сговор с крайне правыми силами. Однако первые маневры оппозиции в парламенте не увенчались успехом. Большинством в 166 голосов правительство Индиры Ганди получило вотум доверия в Народной палате.

Коварный заговор правых сил Индии провалился. Прогрессивный курс Индиры Ганди встречает все большую поддержку в стране.

УРОКИ ДЛЯ КР

Нет сомнения, что в будущем наши историки наряду с иными знаменательными событиями в жизни Советского государства не раз вспомнят и этот день: год революции 53-й, канун 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, в Москве собрался Третий Всесоюзный съезд колхозников. Непростым и нелегким был путь, теперь уже пройденный нашей деревней от самого года «великого перелома» до нынешних дней, когда стала очевидной потребность обновить основной закон колхозной жизни.

Велики успехи колхозного строя. Осуществление принятых партией решений, осуществление комплекса мер, намеченных партией, самым благотворным образом сказалось на развитии нашего сельского хозяйства. Среднегодовой объем его валовой продукции за время, прошедшее после мартовского (1965 год) Пленума ЦК КПСС, увеличился против предыдущего пятилетия примерно на 19 процентов. Рост этот теперь в значительной степени идет за счет интенсификации, повышения урожайности полей, продуктивности скота и птицы.

В Москве в эти дни собирается цвет советской деревни. Делегаты съезда съехались, чтобы еще и еще раз засвидетельствовать жизненность великого плана кооперации, завещанного крестьянам России Лениным. Среди делегатов много опытных, убеленных сединами вожаков колхозного крестьянства, жизнь, биографии которых — живая история нашей страны. Специальный корреспондент «Огонька» Н. БЫКОВ попросил пионера колхозного движения АКИМА ВАСИЛЬЕВИЧА ГОРШКОВА поделиться мыслями в связи с открытием очередного съезда колхозников. Итак, слово имеет

Интервью «Огонька»

А. ГОРШКОВ,
Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза «Большевик», Владимирской области, делегат Третьего Всесоюзного съезда колхозников.

Да, большой это праздник — открытие в Москве нашего колхозного съезда. И праздник и начало серьезной, ответственной работы.

Посланцы колхозных сел, деревень, кишлаков, аулов собрались в Кремле, чтобы сообща обсудить насущные требования времени, принять новый закон колхозной жизни. Понимаете ли, можно сказать, что идет заседание Всесоюзного Правления!.. А я еще и еще раз оглядываюсь на прожитый путь — от первых коммун революционных энтузиастов, от первых товариществ по совместной обработке земли до нынешних крупноотраслевых сельскохозяйственных артелей. Совсем недавно мне была оказана честь — открыть во Владимире нашу областную конференцию колхозников. Подойдя к трибуне, я обратил внимание на то, как много в зале молодых лиц, как по-городскому одеты делегаты колхозной Владимирщины, какие перемены — даже внешние — в нашем деревенском миру. А я вот уже ветеран и вроде бы старейшина колхозного движения... Как быстротечно время! И все же, говоря словами поэта «избяной Руси», как прекрасна земля и на ней человек!..

...Родная моя Мещера, исконно русская земля, леса, да болота, да тесные пашни... И жажда жить, жить непременно по-новому, и потрясающая власть земли! Мне было восемнадцать, когда буря революции прогудела над Россией, мне было девятнадцать, когда я получил винтовку в отряде красногвардейцев, мне было двадцать, когда умчал меня красный эшелон на фронт — бить Колчака и Деникина. Потом огненные годы в рядах ЧК... Но вот, знаете ли, голоса земляков позвали назад, в родную Мещеру, в лесную деревеньку Нармучь. Сильнее всего оказался зов земли. Растревоженным ульем гудела деревня! В избах, на сходках, в поле — всюду звучал один мучительный вопрос: как мужику жить дальше? Земляки, собственно говоря, ждали ответа и от меня, ведь я прошел «огни и воды» великой гражданской, был грамотен, и должен же я был знать заветное слово Ленина. Я ответил землякам: «Коммуна». Вместе пахать, вместе сеять, вместе жить и строить социализм в деревне. Другого выхода нет. «Мелким хозяйством из нужды не выйти» — так сказал Ленин!

Слушали. А поверили не сразу и не все. Что ж, мужицкий ум не скор на выбор. Ленин и это предвидел, учил не торопиться, учил действовать убеждением, примером. А мы, молодые да горячие, собрались однажды в избушке Якова Федоровича Смирнова и договорились организовать артель. Вступить в нее отважились семь бедняцких семей, у кого не было ни кола ни двора, кому надеяться, кроме как на самих себя, не на кого. Семь семей — сорок восемь душ, а только семнадцать трудоспособных, остальные ребятишки... Я запомнил тот день, 21 августа 1928 года. Меня артельщики тогда же избрали председателем. Потом мы назвались: колхоз «Большевик». Коротко, ясно и гордо!

Все было, знаете ли, не просто. Организовать колхоз в родной деревне в тот год не удалось, мужики в Нармучи находились под влиянием тугодумов и богатеев, да и земли у односельчан было мало. В общем, мы расстались с отчим домом, перебрались на Нечаевскую пустошь. Артельщики уходили пешком. Все как один в лаптях, лишь я имел ботинки. Помню, Федор Гусев, самый многодетный, поднялся на бугор, на котором еще мой отец, когда-то отбывший более двух десятков лет в работниках у мельника, мечтал поставить свою мельницу, так вот Федор ударил картузом оземь:

— Прощай, старая проклятая жизнь! Если я вернусь сюда, то не иначе, как на автомобиле!

Так начинался колхоз. Между прочим, Федор прикатил как-то в Нармучь на первом автомобиле! А его сыновья стали первыми трактористами... Но тогда у нас не было ни семян, ни настоящего тягла. Только, знаете ли, сорок рублей членских взносов, пара лошаденок да четыре коровенки. Среди мелколесья, почти на болоте, соорудили коммунары шалаш с нарами в два этажа — наверху спали бабы с ребятишками, внизу — мы, мужики. Тут тебе и правление, и столовая, и клуб...

Я берегу немало фотографий; в них да еще в строгих бухгалтерских отчетах большая история нашей артели, все ее муки и победы, все ее сорок два года... Сегодня на месте вырубки 1928 года — прекрасный поселок, а в нем все удобства так называемой городской жизни: асфальт, улица коттеджей, скверы, конечно, электрический свет, радио и телевизоры, газ и водопровод, паровое отопление и канализация... Нет, не в один день и не в год, не в пять добились всего этого наши колхозники. За этим благополучием десятки лет титанического труда, неустанной борьбы, собственно говоря, на два фронта — с пережитками частнособственнической психологии и с попытками управлять важнейшими процессами социально-экономического переустройства деревни методами поспешательства, нетерпеливого наскока, нажима и всяческих, хоть и временных, ограничений беспокойной коллективной инициативы артельщиков. А ведь становление такого хозяйства требовало времени, огромного труда и дерзости, знаете ли, революционной дерзости, неуспокоенности. Тем более дороги нам прекрасные плоды наших усилий! Теперь в колхозе 550 семей. У нас более 14 тысяч гектаров угодий — пашни, луга, леса. Общественный фонд составляет более двух миллионов рублей. Успехи колхоза всеми признаны, он имеет большую прессу! О нем говорят по радио, мы часто видим себя самих на экранах телевизоров. И вот что любопытно еще. Когда наши колхозники рассказывают о своей жизни, обо всем достигнутом где-нибудь на стороне, то в ответ нередко слышат: «Уж больно вы все приукрашиваете!»

Но мы не приукрашиваем. Добрый пример колхоза «Большевик» заразителен. Мы пережили, именно пережили, восемь объединений с соседними хозяйствами, терпевшими неустройства, бедствия по самым различным причинам. Восемь! Ничего, выдержали — платили чужие долги, оснащали заново техникой новые бригады, постепенно выравнивали урожаи «своих» и «чужих» полей, а главное—настойчиво подтягивали до привычного для нас, бывших коммунаров, уровня сознательное отношение к труду у тех, кого принимали в свою большую семью. Да, знаете ли, мы горды и такой работой с людьми, с бывшими соседями, а не только урожаями и надоями. Ибо на наших глазах рождались новые коллективисты, на глазах претворялась в жизнь мечта В. И. Ленина о том времени, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу.

Мне посчастливилось принять участие в разработке проекта нового Примерного Устава сельхозартели. Более того, я и сам в силу неостывающей потребности докопаться до истины много лет неотступно думал о том, каким же должен быть он, закон нашей колхозной жизни. Так вот, собственно говоря, в проекте нового Устава немало таких положений, к которым мы шли не один год, и нередко ощупью. Взять отношение к колхозным промыслам. Земля у нас бедная, не сразу мы добились сегодняшних урожаев и надоев, земля требовала мощных капиталовложений, и мы не обижали ее, колхоз наш всегда был денежным. Откуда же деньги, а значит, и высокая оплата, машины, удобрения, фермы? Все это давали промыслы. То, что вызывало нарекания, сомнения, стало несомненным, поощряется проектом нового Устава. Так и с другими нашими поисками. Мы, знаете ли, никогда не шли на поводу моды и скороспелых рекомендаций. В нашем колхозе никогда не посягали, например, на личные хозяйства, на приусадебные участки, на личный скот. Наоборот, уставом колхоза «Большевик» давным-давно узаконены 40 соток земли для личного пользования, и это несмотря на испытывавшееся среди лесов и болот малоземелье. Отрезанный в наказание огород — это укор колхозу и незаживающая рана у колхозника. Штрафами многого не добьешься. А вот прямые убытки прощать нельзя никому. У нас, кстати, не рубились и сады из-за обидных налогов, личные доходы помогали их покрывать, а сады мы всячески поощряли и поощряем, например, саженцы лучших сортов каждый год выдаем бесплатно. Мы и личных коров никогда не «ликвидировали» под горячую руку, хотя и слышали упреки в свой адрес. Напротив, наш колхоз всегда обеспечивает личный скот сеном, сочными кормами и даже продает колхозникам жом и концентраты. Мы всячески помогаем построиться, но, конечно, в соответствии с давно утвержденными планами застройки сел.

Еще до известных постановлений колхоз своим уставом обеспечил наших стариков пенсиями, а всех остальных и другими социальными благами: давно оплачиваем мы и отпуска и больничные листы.

Так что каждый из нас с удовлетворением и понятной гордостью встретил в проекте нового Устава знакомые рекомендации, которые были претворены в жизнь колхоза «Большевик». Все, что найдено коллективом людей, заинтересованных в развитии своей деревни, всегда верно.

Уезжают ли от нас? Конечно. И мы гордимся выходцами из нашего колхоза. Например, у Кондратия Ивановича Иванова из восьми детей шестеро получили высшее инженерное об-

КОММУНИЗМА ЕСТЬЯНСТВА

разование; да таких семей десятки, сотни. Но и колхоз неизменно получает пополнение — к нам едут. У нас остаются только те, кто любит землю, сельский труд, для кого радость — прожить жизнь в деревне. К нам из города приехали и мой заместитель, в прошлом заводской шофер, Иван Федосеевич Романенко, и главные специалисты А. Н. Попов, Т. В. Горшкова, В. А. Манаев и многие другие. И сейчас лежит груда писем, заявлений с просьбой принять в колхоз. В чем притягательность его? Человек ищет себя и своего счастья — каждый человек. Мы делаем все, чтобы у нас было хорошо,— жилье, удобства быта, условия труда, уровень техники. И когда нас в прошлом иногда порицали за развитие промыслов, за расточительства в оплате ли, в строительстве ли, то я не обижался, я знал, что тенденция доброго развития ленинских идей в кооперативном хозяйстве одолеет и недоразумения, и косность, и боязнь «излишней» экономической самостоятельности сельхозартели. Торжество ленинских начал в нашем сельском хозяйстве — главное, что отличает проект колхозного Устава, представленного на утверждение съезда.

Остановлюсь на особенностях нашего хозяйства. Есть смысл, знаете ли. Рамки Примерного Устава, принятого в 1935 году, давно стали узкими. В реальной жизни невольно приходилось нарушать те или иные писаные законы. Свободное развитие производительных сил колхозной деревни порой властно повелевало перешагивать барьеры иных устарелых инструкций. А все дело в том, что у нас в сельском хозяйстве от века очевидная сезонность работ. Вот убрались в полях, в садах, на огороде, а дальше что? Бывало, мужик в наших лесах кормился отхожим промыслом, в поисках рубля мещерские лапотники разбредались по всей Руси. Ну, а в наше время тем более грех лезть зимой на печь, бездельник ценностей не создает. Под лежачий камень не течет живая вода экономики!

Поиски мощной компенсации в условиях малоурожайной в прошлом Мещеры не могли не побудить нас более активно использовать природные богатства края. Вокруг нас государственные лесоразработки. Могли ли мы не воспользоваться сложившейся ситуацией! Тогда-то колхоз и подрядился убирать отходы древесины после лесорубов. Наши люди вязали метлы для столичных дворников, корчевали пни и выжигали из них столь дефицитный древесный уголь для металлургов, а попутно удовлетворяли спрос на топорища, черенки для лопат и на прочие изделия. Не только земля, но и лес кормит нас. Научились делать штукатурную дранку, кровельную щепу, стружку для упаковки знаменитого хрусталя наших земляков. Спрос на все эти прибыльные поделки, по существу, неограничен. И вот продукция в то время полуподпольного колхозного промысла пошла по железным дорогам всей страны. Поступить как-то иначе было бы не по-хозяйски. Не воспользоваться окружающими природными богатствами означало бы изменить хозрасчетной сущности сельхозартели. А деньги позволили почти полностью механизировать труд в поле. И главное, на фермах! Колхоз развернул строительство, которое сегодня восхищает наших гостей. Мы не откладывали до лучших времен культурно-бытовое строительство и поэтому давно имеем, например, электричество, свою АТС. И, знаете ли, большая правда заключена в той шутке, что наши женщины не судачат у колодцев — в селе водопровод! И по соседям-то они не всегда ходят: по телефону переговариваются!

Мы всемерно использовали и такую существенную особенность сельхозартели, как демократизм, а также силу коллективного разума. В самые тяжелые дни моей личной жизни меня неизменно поддерживал именно коллективный разум артельщиков, доверие и воля колхозников, выраженные демократическим способом — открытым голосованием. Для меня и моих единомышленников колхоз — самое дорогое детище. Мы все вместе и каждый в отдельности чувствуем себя его подлинными хозяевами. А сознание этого дорого стоит!

Но ошибется тот, кто подумает, что наши колхозники, живя в довольстве, не знают никаких забот. Напротив, заботы эти множатся. Таков закон экономической жизни, и это лучшее свидетельство того, что хозяйство развивается так, как диктуют интересы колхозников — а они у нас вовсе не ограничены личным благосостоянием! Но как же нынешние нужды отличаются от тех, что не давали спокойно спать лет тридцать или даже еще лет пять назад! Сегодня нас волнует уже совсем иное. То, что слишком маломощна межколхозная строительная организация или разрыв между нашими экономическими возможностями и реальными возможностями «Сельхозтехники» и других снабжающих нас организаций. Вот пример. Построена два года назад теплица, а газ к ней до сих пор не подключили. Но это же огромный убыток! Тут конфликт совсем иного рода, чем раньше. В чем же дело? Газ у нас природный, стройматериалы наши, и договор давно подписан... Оказывается, специалисты «только» подключают, а трубы, все оборудование вплоть до гаек, как и встарь, доставать должен колхоз. Доставать — вот что пора изжить! Фонды, лимиты ограничивают хозяйственный разворот, возрастающие потребности в новых производственных и культурно-бытовых объектах. Потому-то и новая механическая мастерская строится несколько лет, и теплица и котельная годами бездействуют. Все это экономически нецелесообразно.

Или другой пример. Мы «пробили», можно сказать, по частям, на десятках заводов современный детский комбинат. А привезти, собрать и сложить по проекту его «детали» не можем. Для этого колхозу необходимы вагоны в нужном количестве и в нужные сроки. А также необходима строительная организация обязательно с подъемным краном. Это только один-два примера того, как усложняется экономическая жизнь высокоразвитого хозяйства с миллионными доходами. Проект нового Устава развязывает руки, инициативу хозяев артели. Деньги не могут ждать, лежать, они должны быть в постоянном обороте. Рубль ценится отдачей. И они, деньги, у колхоза сейчас немалые, следовательно, торгующие организации, финансовые органы, строители и наши промышленные предприятия должны перестраиваться, быстрее поворачиваться, чтобы не терять экономических контактов с развивающимся сельским хозяйством.

Я уверен, что многие хозяйства, окрепшие экономически, скоро окажутся перед лицом обратного движения людей из города в деревню, это необходимо предвидеть. Уже сегодня надо готовить для колхозного пополнения жилье, культурно-бытовые учреждения, строить и строить.

Коллективизм и хозрасчет — вот наша вера. На доброе дело — на механизацию, мелиорацию, на прогресс во всем, и прежде всего в научно организованном труде,— никаких денег не жалко. Да мы и не жалеем. В колхозе 62 специалиста: агрономы, зооветработники, инженеры, учителя, техники, механики, специалисты по электросварке, газовики и связисты. У нас более двухсот машин, в том числе бульдозеры, экскаваторы, автокраны,— они заменяют, грубо говоря, тысячу лошадей и не менее двух тысяч людей, которые должны были бы при этих лошадях «состоять». Мы теперь в год потребляем до тысячи ста киловатт электроэнергии! У нас на каждую семью приходится до 27 гектаров угодий. Немало! И люди у нас отличные. Каждый четвертый колхозник награжден орденом либо медалью. На всю область известны такие доярки, как А. И. Ульянова, Т. В. Касаткина, Н. С. Демина, и наши мастера на все руки Иван и Петр Гусевы (сыновья старого Гусева, мечтавшего вернуться в родную Нармучь не иначе, как на автомобиле!), Петр Хоршунов, Василий Улыбин, Виктор Арбузов и многие-многие другие.

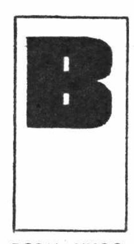
Получило образование, вступило во владение огромным хозяйством второе поколение колхозников, и это тоже предмет нашей гордости. На подходе — третье!..

Так как же не рассказать мне о том, что заветы великого Ленина и в наших двенадцати деревнях одного из колхозов Владимирщины претворены в жизнь! Как не рассказать о тех праздниках, которые были у нас на долгом пути! Это и пуск электростанции еще в 1934 году, и открытие когда-то первого общежития, а потом Дома культуры, это и первый наш трактор, купленный, кстати, для колхоза рабочими Московского медеплавильного и медеэлектролитного завода; это и телефоны, и газ в быту и на производстве, и первый телевизор. А знаете ли, какой был душевный праздник в один поистине прекрасный день еще в 1936 году, когда присоединилась к нам наша родная Нармучь, та самая, что когда-то заставила семь бедняцких семей покинуть ее, уйти в необжитый лес! И как памятен для нас день, когда колхозу «Большевик» вручили орден Трудового Красного Знамени!

Думаю, что мы вправе гордиться тем, что наш опыт организации высокоразвитого хозяйства сыграл и сыграет еще не последнюю роль в переустройстве деревни на социалистических началах. Таковы исторические уроки в нашей школе коммунизма для крестьянства. Добрые уроки. Нелегкая, но прекрасная школа.

ЩЕДРОСТЬ ЗЕМЛИ И СЕРДЦА

А. СОФРОНОВ

эти дни над Кубанью дули буйные ветры. Серые, обрывистые тучи ползли низко над землей. Ползли над щедрой, благодатной кубанской землей, пострадавшей и истерзанной в этом году от черных бурь, злобных ураганов, что срывали почву, поднимали к небу желто-грязную завесу пыли. А еще летом стояла знойная сушь, без дождей, без влаги. Всегда обидно и печально смотреть на искалеченную землю. Одно дело — в пустыне, в безводье, в солончаках. Там словно бы так и положено. Но и там, как, например, в Голодной степи Узбекистана, уже видишь совсем иное. Промытые от соли почвы, тысячи гектаров возвращенной людям земли под посевами хлопка.

Я видел Кубань в разное время: и в нелегкие годы коллективизации, когда шел разворот классовой битвы — рушились богатые кулацкие хозяйства, гремели обрезы; и уже через несколько лет, очень скоро очищенную от кулачества кубанскую степь, возрожденную щедрым трудом, степь, по тем уже далеким временам, с хорошими урожаями, добытыми усилиями молодых колхозов. Звучали тогда песни по кубанским хуторам и станицам. Помню, ездил я по Кубани, записывал с ростовским композитором Тихоном Сотниковым эти песни, удивлялся их глубине и протяжности, сменяемой казачьей боевой удалью и искрометным весельем.

Видел я Кубань и в драматические годы Великой Отечественной войны, когда после нескольких месяцев кровавого террора были вышиблены с кубанской земли немецкие фашисты, задержавшиеся еще на какой-то срок в Новороссийске, укрывшиеся за высокими грядами черноморских холмов и высей на так называемой «Голубой линии», используя одно из многих фашистских оборонительных сооружений, протянутых немцами на нашей земле. Тянулась «Голубая линия» от Новороссийска до Керченского пролива, прикрывая Тамань и Крым. А потом рухнула под напором советских войск, под напором 56-й армии, которой в ту пору командовал генерал-лейтенант А. А. Гречко. Помнятся мне разрушенные станица Молдаванская и хутор Русский, находившиеся в пределах «Голубой линии». Бродил я тогда среди пепелищ хутора Русского и видел, как возвращались сюда и в соседние станицы жители из плавней, возвращались обросшие, босые, грязные, но радующиеся победе советского оружия над злобным врагом. Тогда, осенью 1943 года, глядя на разрушенные хаты и строения хутора Русского, родились у меня строки:

Враги его убить хотели,
Но он, как прежде, будет жить.
Убить и хутор не сумели,
А где же землю им убить!

И вот в октябре этого года я снова оказался возле хутора Русского и станицы Молдаванской. Как же все невероятно изменилось в этих местах, как выросло все и окрепло! Послевоенные, щедрые на труд годы не только заровняли военные пробоины и разрушения, но и заново, по существу, построили хутора и станицы, как будто и не было здесь войны. Казалось бы, и не заметишь следов. Но это не так. Есть следы, остались, и не только в сердцах тех, кто здесь живет и трудится. Мы побывали в колхозе «Сопка Героев». Поднялись и на самую Сопку Героев, что увенчана сейчас фигурой солдата, стоящего с автоматом в руке. К вершине сопки подобрались уже яблони и виноградники. И все равно отчетливо представляешь, что было здесь осенью сорок третьего года. До сих пор лежат возле постамента ржавые патроны, осколки снарядов, гранат и мин. Двадцать две тысячи советских солдат и офицеров отдали в этом районе свои жизни, чтобы прорвать «Голубую линию» и окончательно выбросить фашистскую армию из пределов Кубани. Суровый бой шел здесь днем и ночью. Танковые и воздушные сражения не прекращались. Именно тут, над Таманью, было внушительно показано наше преимущество в воздухе.

...Дуют ветры над Сопкой Героев. Ползут темные тучи с Черного моря. Председатель колхоза «Сопка Героев» Иван Тимофеевич Замковой говорит нам:

— В послевоенные годы, каждый раз в День победы, по собственному почину к Сопке Героев шли тысячи людей! Шли с узелками, располагались на склонах и поминали воинов, отдавших жизни за тех, кто живет сейчас, кто носит вечную эту память о героях в своих сердцах. Тогда и обратились мы с просьбой в Краснодарский крайисполком поставить памятник. И нашу просьбу уважили... Мечтаем мы еще о том, чтобы поставить самолет, из таких, которые обеспечили победу на «Голубой линии».

...Дуют, дуют ветры над Кубанью. Обрушивает природа злые бури на щедрую землю. Но земля живет и будет жить.

Не раз я бывал в Каневском районе, и на этот раз потянуло в колхоз коммунистического труда «Победа», туда, где уже многие годы председательствует Герой Социалистического Труда Вадим Федотович Резников. Только что в Краснодаре закончилась краевая конференция колхозников, избравшая делегатов на III Всесоюзный съезд колхозников. В числе делегатов избран и Вадим Федотович. И снова, как и несколько лет назад, Резников показывал нам новое, что появилось в колхозе. Показал и консервный завод. Овощные консервы, томатный сок, компоты хранятся в холодильниках. Колхозницы в белых халатах управляют этим новым для них производством.

— Просто обидно было,— говорит Вадим Федотович,— скармливать яблоки и овощи свиньям. Знаете возможности наших торгующих организаций? Как собирать урожай — транспорта не хватает. Решили построить консервный завод. Нам помогли оборудованием... И вот построили...

— За сколько лет окупятся затраты?

— А уже окупились,— говорит Резников.— Хотел бы вам еще показать нашу новую поликлинику... Врачи на государственном бюджете, а все оборудование приобрел колхоз.

И вот мы уже осматриваем поликлинику, кабинеты, останавливаемся в рентгеновском кабинете. Екатерина Степановна, врач, прошедшая Великую Отечественную войну, с гордостью говорит:

— Все к нам идут. А что еще важно — ребятишки со всего района проходят тут периодические осмотры. Главное—профилактика. Спасибо колхозу «Победа».

Во время этого разговора Резников стоит в стороне, но к беседе прислушивается. Я спрашиваю его:

— А не жалко было денег?

— Вначале было жалко... Но мы всё на правлении колхоза обсудили. Польза для трудящихся огромная. Кто же, как не мы, заинтересован в их здоровье...

Да, заинтересованы в здоровье колхозников. Но не только в физическом, но и в нравственном здоровье.

Иван Николаевич Переверзев, председатель колхоза имени Кирова, этого же Каневского района, встретил нас на границе своего хозяйства.

Мы ехали вдоль ровного зеленого ковра озимых посевов. Переверзев искоса смотрел на нас, а потом спросил:

— Неужели не видите?

— А что не видим?

— Посевы... Ведь у нас сушь... А тут такие всходы... Это поливные земли. Каждый год вводим по тысяче гектаров поливных. Для меня это целая симфония. Не могу не радоваться. Вот и спрашиваю вас... Культура должна быть во всем. И не только в земледелии. Конечно, культура требует затрат... И немалых... Но теперь мы экономически уже так окрепли, что можем себе разрешить такие затраты.

Мы подъехали к колхозной музыкальной школе. Был уже вечер. На улице темень, но двухэтажное здание музыкальной школы светилось яркими огнями. Шли уроки. Мы заглянули в одну из комнат. Малыш познавал музыкальную грамоту. Видимо, она давалась ему нелегко. Малыш стоял встрепанный, голубые его глаза были серьезны. Мы спросили преподавательницу, как успехи ее подопечного.

— Ничего,— ответила она,— мальчик способный. Только начали заниматься. Музыка — дело нелегкое...

Мужской казачий хор колхоза имени Кирова мы слушали накануне в Краснодаре на краевой конференции колхозников. Программа концерта была большая, и хор спел только одну песню.

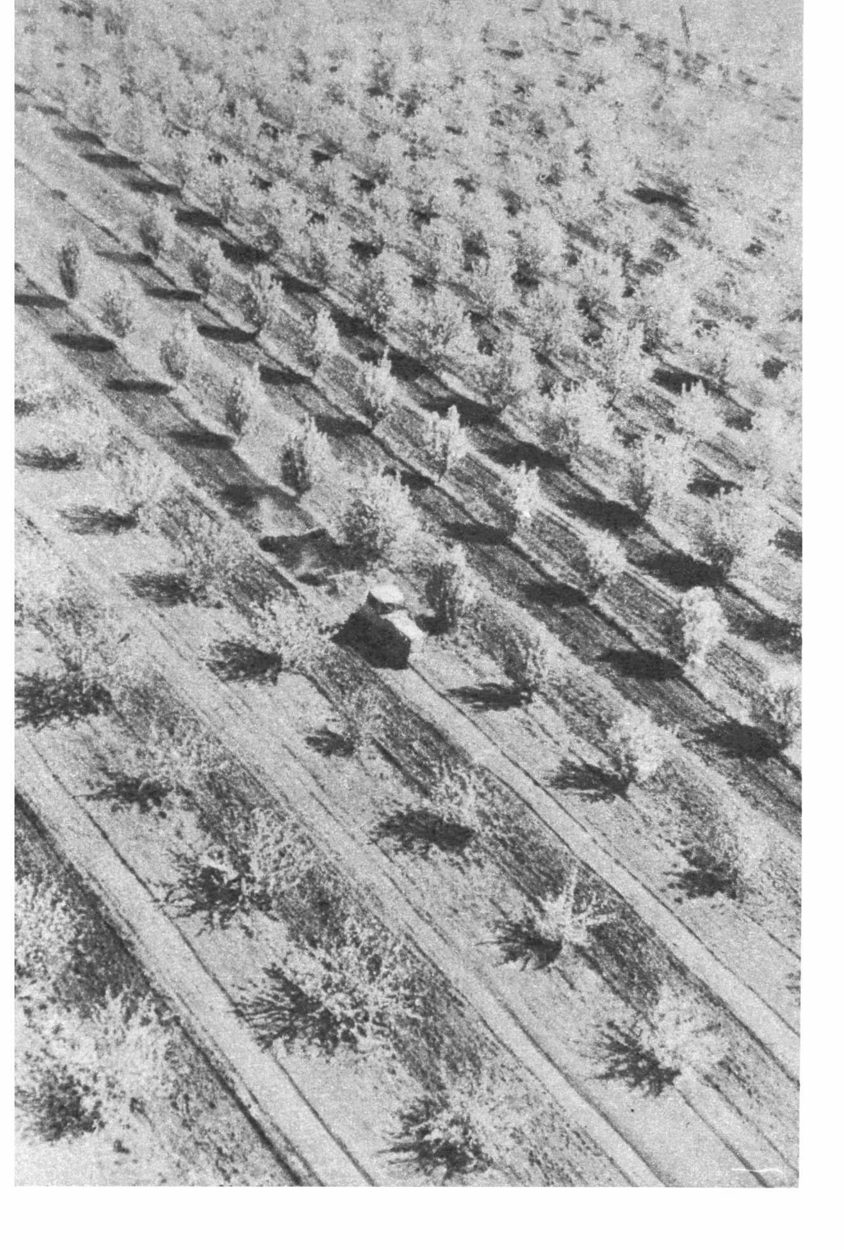
— Не дал спеть им все, что могут,— сказал недовольно Переверзев.— А поют они хорошо. Мы об этом заботимся.

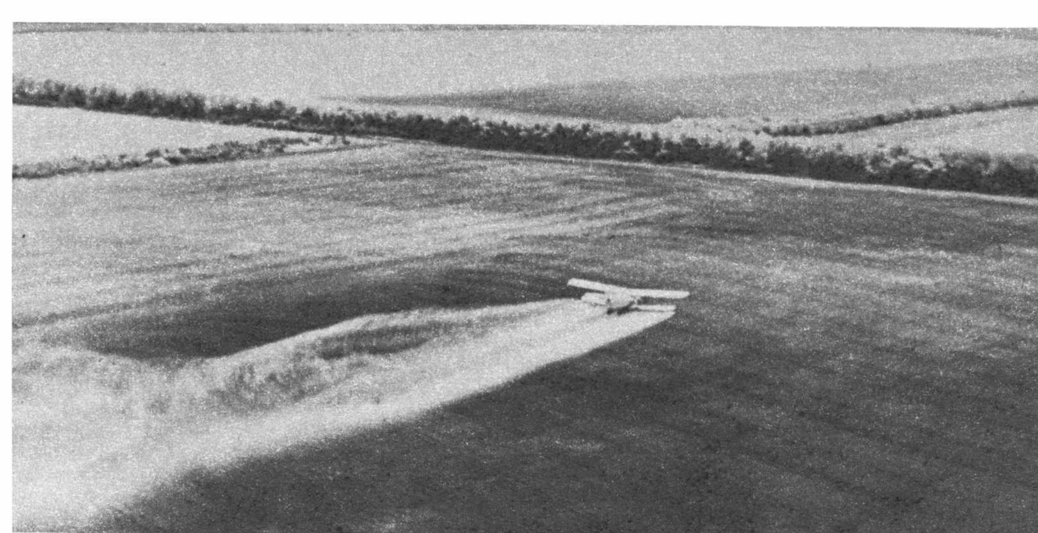
До позднего вечера сидели мы с Иваном Николаевичем Переверзевым, делегатом III Всесоюзного съезда колхозников и с его друзьями. Слушали увлекательный рассказ о культурном строительстве в колхозе.

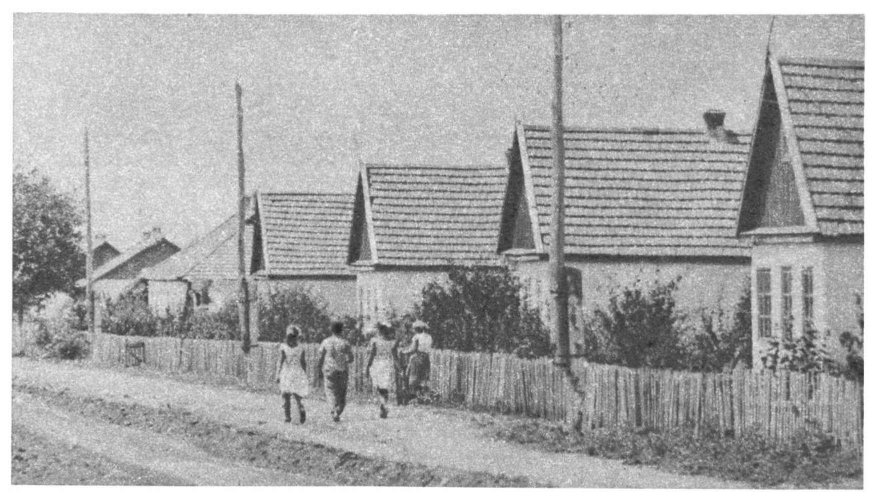
— В школах, расположенных на территории колхоза, преподают сто сорок учителей... А в столовых, что разбросаны у нас всюду — в каждой бригаде и в станице,— восемьдесят поваров... Ну и так далее...

...Да, Кубань — край щедрой земли и щедрых на труд и на ласку людей. Много она прошла, многое испытали ее широкие поля и угодья. И этот уходящий год был суровым для кубанских земель.

Политы кровью земли Кубани, горячей кровью героев. Подвиги их не забыты. Память о них свято берегут люди, выходящие на поля. Трудовые подвиги колхозников Кубани слиты прочно с великими подвигами героев Великой Отечественной войны, слиты навечно, и никому и никогда их не разъять.

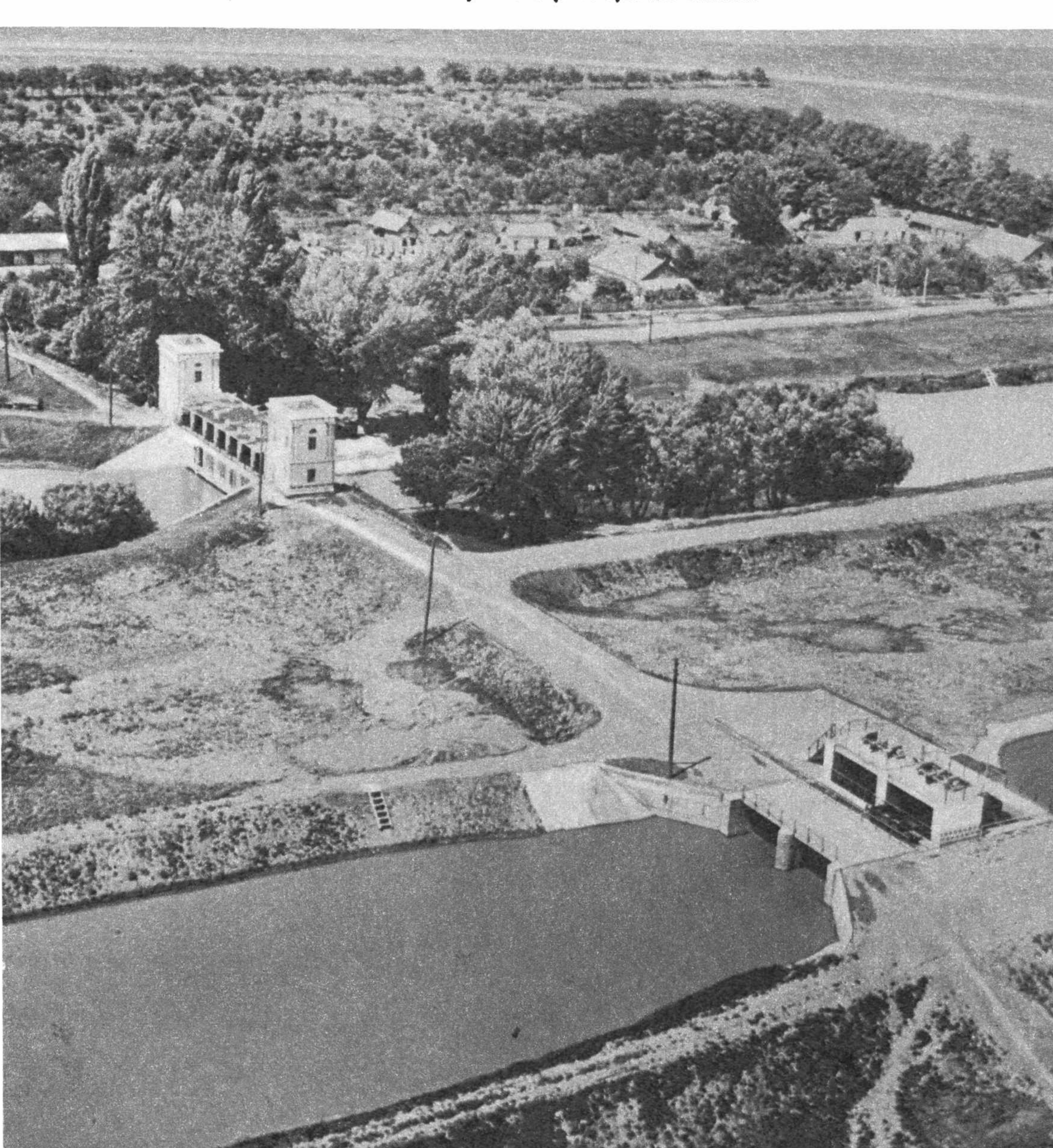

В объективе — Кубань, край щедрой земли и щедрых на труд людей. Как же все невероятно изменилось в этих местах, как выросло все и окрепло!

Фото Е. Шулепова (ТАСС) и М. Савина.

Эльвира ПОПОВА

Вечные ценности

Первая треть XVIII столетия. В скромном домике квартала, где живут ремесленники, размеренно и спокойно течет жизнь. Благонравные дети склонились над учебниками или мастерят что-то, редко нарушая царящую в доме тишину. Всему строгий час. Труд прерывается трапезами: в семь утра семейство собирается к скромному завтраку на кухне, в половине второго — обед, к восьми — ужин. И тотчас после вечерней благодарственной молитвы за хлеб насущный наступает отдых с невинными развлечениями: настольные игры, пасьянсы, чтение вслух...

Как хорошо, во всех подробностях, словно сами были его обитателями, знаем мы жизнь дома, стоявшего некогда на улице дю Фур! Не потому только, что патриархальный уклад ее полностью схож с тем, как из века в век жили ремесленники и мелкие буржуа Парижа. Главное, что хозяин домика, тот добряк, облаченный в теплый домашний халат, с белым платком на голове, который глядит на вас сквозь смешные круглые очки с цветной репродукции сегодняшнего «Огонька», был великим художником Франции.

Вместе с изысканным Ватто и гениальным Гойей история искусств считает его одним из величайших живописцев, живших в период между смертью Рембрандта и вступлением в пору зрелости Коро и Делакруа. Имя Шардена числится в предельно скупом списке великих колористов: Тициан, Веласкес, Вермеер Делфтский, Рембрандт, Мане.

А между тем Жан Батист Симеон Шарден не написал почти ничего, кроме того, что он видел дома.

Художнику позировали жена и дети. За их жестами, позами, характерами он без помех мог наблюдать годами.

Каждодневная столовая посуда, кухонная утварь, продукты — хлеб, мясо, овощи, фрукты, вино,— мебель, давным-давно сросшаяся с домом, сами стены его, неизменно дышавшие уютом,— вот и вся натура. Только с ее помощью во время коротеньких переходов из мастерской на кухню, из гостиной в столовую, со двора в погреб, либо в часы размышлений, у великого этого домоседа возникали, воплощаясь затем на холсте, его очаровательные поэмы о счастье домашнего очага. С ювелирной тщательностью прорабатывал художник каждый миллиметр холста, повторяя в живописной фактуре качества материала — бугристую плотность полива на старом фаянсе, холодную гладь металла, нежную бархатистость персика. Будто переплавлял в горниле таланта материал предметов в искусство!

У художника нет реквизита, нет предметов, специально используемых в качестве натуры. А ведь такой реквизит — роскошный, экзотический — присутствует даже в скромных голландских натюрмортах, чьи достоинства так ценил именно Шарден. Но сам он пишет только вещи, живущие единым бытием с его семьей, с его соседями, с его друзьями. Шарденовские натюрморты вызывают неизменное ощущение присутствия человека — по тому, как лежат ножницы или клубки шерсти, курительная трубка или фруктовый нож, как высыпались на стол фрукты... Предметы словно бы хранят тепло рук, касавшихся их. Каменная столешница кухонного стола, от которого только что на минутку отлучилась хозяйка; на накрытом свежей скатертью обеденном столе красуется румяный пирог, увенчанный цветком померанца, видно, по случаю маленького семейного события... Оловянные и медные кастрюли, кружки, ступки, ведра, баки, сковороды, глиняные горшки, толстостенные черно-зеленые бутылки, тонкого стекла графин, расписная фарфоровая сахарница всякий раз открывают новые красоты материала, форм в сопоставлении вещей, в их сочетаниях. Каждый предмет его дома свят для Шардена, дышит поэзией, пользуется любовью, заслуживает восхищения. Художник готов снова и снова обращать на него наше внимание. И вот красота вещей, принадлежавших некогда семье Шардена, раскрыта перед нами щедрее, богаче, чем наших собственных, стоящих у нас дома. Потому что на те смотрел великий художник! Там, где глаз зрителя не заметит ничего особенного, глаз живописца разглядит бесконечное богатство цвета и света. Даже у собрата-художника, изумленного тем, из скольких оттенков розового, желтого, светло-голубого, зеленоватого сотворен белый фартук «Кухарки», вырвалось восклицание: «Белый цвет Шардена!.. Я не могу его найти!»

Наверно, потому так дорог Шардену его скромный дом, уютный быт, что каждой простейшей частицей мира природы дорожит художник. Ведь когда пришлось писать Шардену охотничьи трофеи, он говорил себе:

— Вот предмет, достойный изображения. Если я хочу написать его правдиво, необходимо, чтобы я забыл все, что я когда-либо видел в этом роде, и чтобы я забыл о всех тех приемах, с помощью которых этот предмет был трактован другими. Необходимо, чтобы я расположил его на таком расстоянии, на каком я уже не смогу увидеть детали. Я должен прежде всего хорошо передать, и притом с наивозможно большей правдивостью, общие массы, красочные тона, округлость, светотеневые эффекты.

Натюрморты и принесли славу Шардену.

...В 1728 году на очередной «выставке молодежи», которые регулярно устраивались в ту пору в Париже на площади Дофина прямо под открытым небом, две работы никому не известного живописца — «Скат» и«Буфет» — вызвали бурю изумления и принесли автору (до того лишь члену ремесленной корпорации св. Луки) звание академика и известность. Многие европейские государи покупают у Шардена картины. По заказу Екатерины II в 1766 году для строившегося в Петербурге здания Академии художеств был написан мастером натюрморт с атрибутами искусств, хранящийся ныне в Эрмитаже. На вкладке вы видите картину Шардена на этот же любимый его сюжет, которая находится в музее изобразительного искусства.

А начинал Шарден путь в живописи с жанровых произведений, с восхищенного подражания изысканной и правдивой живописи Ватто.

Признанный мастер, академик Шарден снова обращается к жанровым сценам. И так же, как натюрморты, жанровые картины пишет он в своем доме, со своих домочадцев, с самых близких друзей. На скольких холстах повторено скромное домашнее платье мадам Шарден в голубую и сиреневую полоску!

Но к точному сходству персонажей картин с моделями мастер не стремится. Он решает все обобщенно, создавая гармоничные, очаровательные в своей простоте, чистоте и поэтической прелести возвышенные образы — символы.

Еще не сняла руки с положенной на стол ноши «Вернувшаяся с рынка», улыбается своим мыслям, на миг замедлив работу, «Кухарка», загляделся на что-то «Мальчик-слуга», «Прачка» обернулась на чей-то зов... Вот так превращал любую, самую обыденную сцену в поэму о нравственной чистоте человека, о достоинстве простоты. Шарден к лозунгу современников: «Жизнь средних горожан столь же интересна, как и жизнь великих мира сего» — добавил: значимость и истинное величие основаны на трудолюбии, уважении к человеку.

...Высот творческой мудрости и мастерства Шарден достиг к пятидесяти годам.

По-прежнему художник работает чрезвычайно медленно, с ювелирной тщательностью отделывая живописную поверхность. Часами в одиночестве (никто никогда не видел Шардена за работой!) перекладывает он предметы, чтобы добиться такого композиционного совершенства, когда уже ничто не может быть передвинуто в картине, являющейся абсолютной гармонией. Обдумывать долго нужно мастеру еще и потому, что пишет он свои картины непосредственно в холст, без предварительных зарисовок. Рисунки Шардена — величайшая редкость! Натура, жизнь для него первая и единственная законодательница.

В поте лица растирает Шарден краски, бьется над рецептурой, приготовляя лишь ему одному известные составы, добывая, по выражению Гонкуров, «душу из краски». Чтобы после, послушно ложась на холст то пастозной, шероховатой массой, то прозрачным до акварельности слоем, то мельчайшими, похожими на стежки вышивки мазками, то заплывая пятном густой поливы, сотворить из магии светотени, трепета валеров, игры рефлексов волшебство шарденовской живописи!

Восторженны строки Дидро: «Вот кто понимает гармонию красок и рефлексов. О, Шарден! Это не белая, красная и черная краски, которые ты растираешь на своей палитре, но сама сущность предметов; ты берешь воздух, и свет на кончик твоей кисти и прикрепляешь их к полотну... В этом колдовстве все непонятно... Иной раз кажется, что это пар, которым дохнули на полотно, иной раз это воспринимаешь как брошенную на него легкую пену...»

Завистники в свое время желали бы видеть причину совершенства и великолепия живописи непостижимого Шардена лишь в таинственных красочных составах.

Одному из своры злобствующих бездарностей сдержанный, доброжелательный Шарден однажды резко заметил:

— Но кто вам сказал, что пишут красками?

— ...А чем же?!

— Пользуются красками, но пишут чувством!

...Шарден невысокого роста, сильный, мускулистый крепыш, любезный и рассудительный, практичный и самолюбивый, скрытный и доброжелательный, уравновешенный и сердечный, соединивший здравый смысл с гениальностью. Он многие годы казначей Парижской Академии художеств, более двадцати лет кряду регулярно бывал на заседаниях ее совета. Любил товарищей, много консультировал молодежь, настоятельно советуя начинающим живописцам приучать глаз видеть природу. Учил:

«Те, кто не осознал трудностей искусства, не сделают чего-либо путного; те же, как, например, мой сын, кто осознал их слишком рано, не сделают ничего...»

Никогда не поступался мастер своими художественными убеждениями и не стремился к почестям и наградам, расточаемым двором.

«Добрым дедушкой человечества» назвали потомки Шардена. Ведь не к одним критикам Салона,— ко всем грядущим поколениям обратился старый мастер на последнем для него заседании совета академии с мудрыми, сердечными словами: «До свидания, господа. Мягкости, побольше мягкости».

Ж. Б. С. Шарден. 1699—1779. АВТОПОРТРЕТ С ЗЕЛЕНЫМ КОЗЫРЬКОМ. 1775 год. Париж, Лувр.

Ж. Б. С. Шарден. КУХАРКА. 1738 год. Вена, Галерея Лихтенштейн.

Степан **ЩИПАЧЕВ**

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Из дневника

1

Я сознаю, для дневника
давно упущены те сроки,
когда, легко слагая строки,
я знал: дорога далека.
А что теперь? Хотя и начат
дневник и он писать велит,
о чем писать? Сижу на даче.
Дожди. Кляну радикулит.
Свернулся пес у ног. Мы оба
состарились. Мелькают дни.
На переделкинские тропы
я все Америки сменил.
А впрочем, не хочу про это!
К чертям! О старости скулить
хватает без меня поэтов.
Мне с ними славу не делить.
Я не бодрюсь, когда с разбега
пролеты лестниц не беру,
но отдаю и трудность века
и молодость души перу.

Боксер, мой непутевый пес,
о возрасте своем порою
забудет, тешится игрою,
кружась на месте, ловит хвост.
Но хвост недлинен, и его
поймать не часто удавалось,
как счастье нам, хоть до него
рукой подать порой казалось.
Жена еще полуодета.
Шаги по комнате легки.
Над «Медицинскою газетой»
стола коснулись локотки.

В больнице белые палаты,
и кабинет ее пустой,
где дышит чистота халата
подснежниковой чистотой.
Мне мил больничный персонал.
Я в долгих недугах узнал
сестер прилежных и сиделок.
А о врачах давно хотелось
найти достойные слова:
у них на почесть есть права.

Дверной звонок. В такой-то рани?
Спускаюсь в тапках на крыльцо.
Лицом к лицу со мною пьяный,
дух перегара бьет в лицо.
«Я, гражданин, не здешний житель
В дороге,— он махнул рукой,—
обворовали... Поддержите.
Верну, как штык... Я не такой...»
Нам жизнь иною мерой мерить,
не по старинным временам:
когда не будем людям верить,
им трудно будет верить нам.
Но тут я не поверил все же!
Стою, в упор гляжу в глаза.
Он повернулся и, поежась,
мне что-то «нежное» сказал,
чего б, наверно, и Есенин
на точки заменил в строке.
Калитка настежь. Дождь осенний
пылит в нагом березняке.

Гравюры
Ю. КОСМЫНИНА

2

Сажусь за стол, блокнот листаю.
Передо мною письма стаей,
утыканные штемпелями,
морями пахнут и полями.
Но вот пакет лежит. Вскрываю,
вернее, рву наискосок.
Опять стихи... (Порой бывают
поэмы тысяч в восемь строк.)
Стихи! Их кто теперь не пишет!
Хоть издаваться нелегко,
наверное, полсотни книжек
выходит в день, а сколько в год?
Да я и сам, пора признаться,
хоть есть ли в том моя вина,
от них не в силах оторваться,
как алкоголик от вина.

Еще о почте. Не в отраде
я от прочитанных тетрадей.
Беру листок. На нем сонет.
Все то же — божьей искры нет.
И вдруг... Весной пахнула осень,
и дрогнул карандаш в руке.
«На паутинках между сосен
спит месяц, словно в гамаке».
Всего две строчки, но они
все остальное оттеснили
и как-то враз меня сроднили
с собою в пасмурные дни.
Чего б в расчет ни принималось,
хочу судить без закавык.
Чужой удаче, даже малой,
я радоваться не отвык.

3

Иные к ямбу стали строже,
бранят: зализан-де, запет.
Я сам хулил его, и что же —
сломал ли кто ему хребет?
И в нашем веке он послужит
не раз упругою строкой.
«В избушке мать над сыном
тужит»[1],
найди-ка тут размер другой.

Хоть не скрываю, не скрываю,
что мне — я прям перед собой —
мила раскованность живая,
стиха крылатый перебой.

Обычна жизнь под тихим кровом.
Поля, леса не просят виз.
Меж сосен телефонный провод
намок и чуточку провис.
Звонить пытаюсь. Мир огромный,
его любой меридиан
в мембране трубки телефонной,
как в раковине океан.
Над столиком склоняюсь низко
то добродушен, то сердит,
а где-то там телефонистка
в короткой юбочке сидит.
Она не ангельского сана,
сидит без крылышек, проста,
но неприступно «город занят»
твердят небесные уста.

На стеклах мутные потеки
дождя, но в комнате светло,
как будто небо протекло
в невидимые поры стекол.
В обычный этот день земной
легко мне — отчего, не знаю.
Сижу, все грозы вспоминаю,
что отсияли надо мной,
тропинки все, дорожный ветер,
поля, где больше не бродить.
Какое счастье жить на свете
и даже душу бередить...

4

Слова легко ложатся в песню,
и все же чувствую — не те.
Не солнца — золотые перстни
теряла вечность в темноте,
теряла, чтобы обручались
планеты с жизнью, чтобы мы
могли родиться, дни встречали,
как дети света, а не тьмы.
О наша милая планета!
Лесами, травами нежна,
горячим солнышком согрета
и грозами орошена.
Взгрустнет и пожалеет каждый,
на снимки странные взглянув,
окаменевшую от жажды,
нам близкой ставшую луну.
Она пустынна, только тени
кладут сухую черноту...
Всегда ль достаточно мы ценим
Земли живую красоту?
Живую: в тополиной дрожи,
в пыльце цветка, в крутой росе,
неповторимую, быть может,
не где-то — во Вселенной всей.

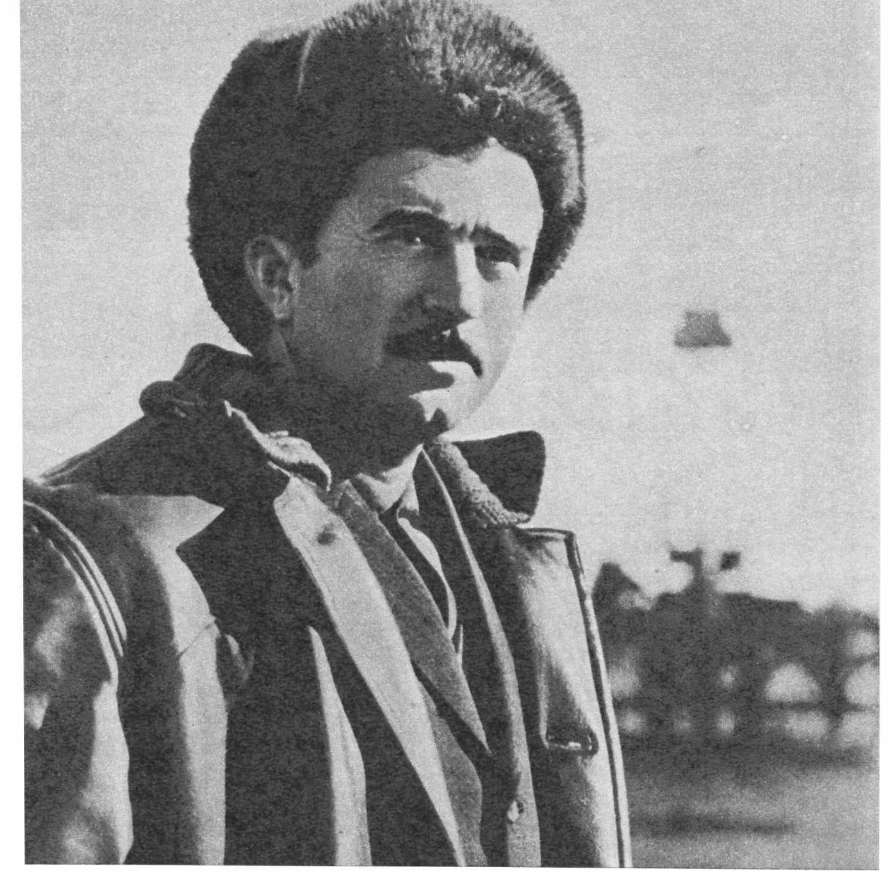
5

Уже за полдень. У крыльца
роняет лапчатые листья
широкий клен. Все так же мглисто,
и мелкий дождик без конца.
Но вдруг, откинув капюшоны,
в калитку — люди. Всё идут,
толпятся у крылечка, ждут,
и вот я с ними. Окруженный,
снимаю кепку. Их глаза
светло встречаются с моими.
Мое им нашептала имя
не ты ли, осени краса,
что и в дождях не перестала
пылать багрянцем и, тиха,
вливаешь в душу не усталость,
а радость тихую стиха.
На этом и кончаю день,
да вот и сумерки мутнеют.
Листву опавшую задень —
земля еще суха под нею.

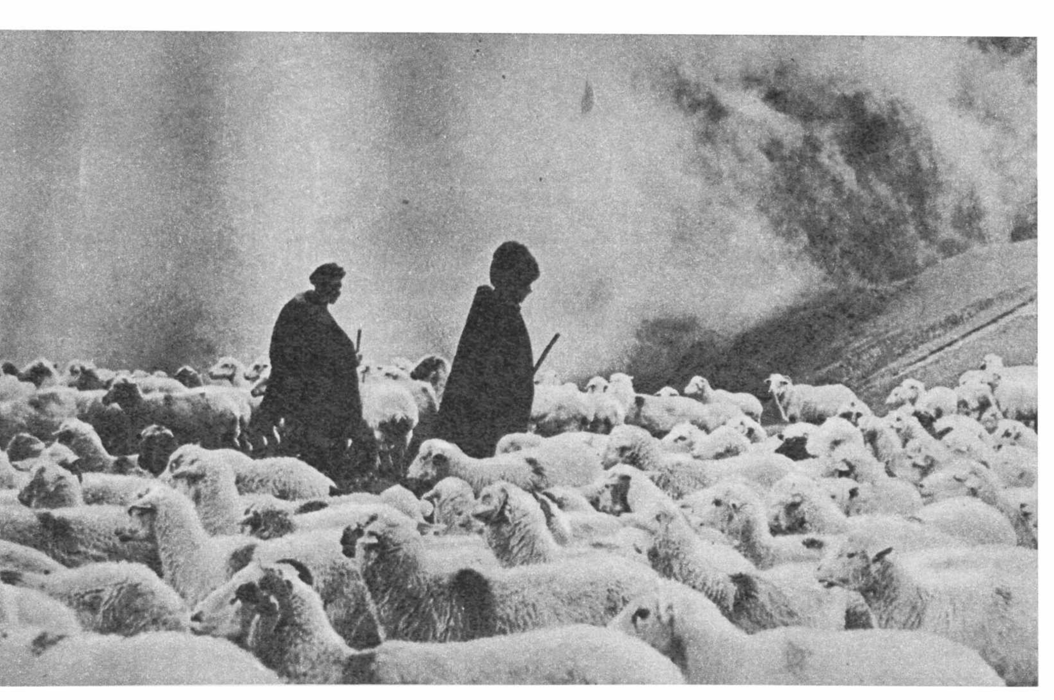
Переделкино,
сентябрь 1969.

---

[1] А. Блок.

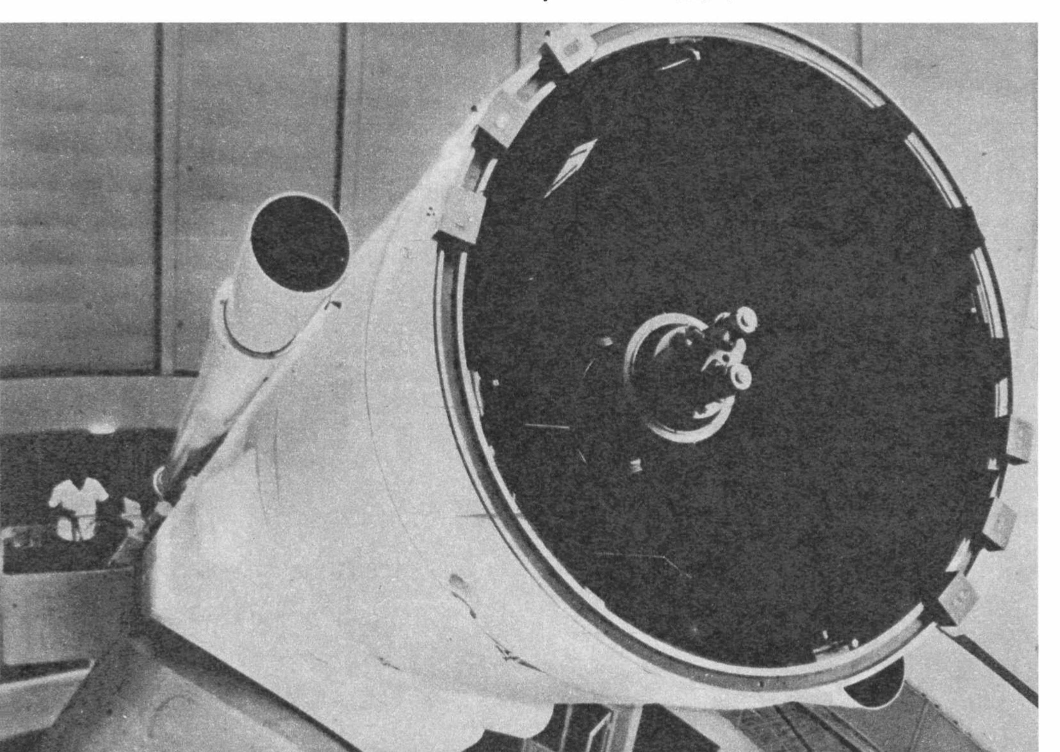

Нефтяные Камни. Мастер по добыче нефти — Кейфеддин Казаханов.

На пастбищах в горах Кадабека.

«Шемаханская царица» — астрофизическая обсерватория в Шемахе с ее мощным телескопом.

«Стальной лес».

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

ПРИГЛАШЕНИЕ В РОДНОЙ ДОМ

Несколько месяцев назад к нам в редакцию приехал японский корреспондент. Ну и дотошный же был гость! Интересовался буквально всем.

Говорили, показывали и, конечно, спорили. А расстались если не единомышленниками, то друзьями. Наш гость, уезжая, говорил, что увозит в своем сердце теплоту азербайджанского гостеприимства, что расскажет у себя на родине о нашем народе, о многонациональном Баку, его жителях и самое главное — об удивительном энтузиазме людей. Вот так действует старинная поговорка: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

И поэтому, если бы я имел возможность, с превеликим удовольствием пригласил бы каждого, кто хочет побольше узнать о нашем солнечном крае — Советском Азербайджане. Пригласил бы на ореховые плантации Закаталы, на Ново-Бакинский нефтеперерабатывающий завод имени Владимира Ильича, показал бы молодой Сумгаит и древние рисунки на скалах Кобыстана, повел бы в Астаринский субтропический совхоз. Сказал бы только одно:

— Вот наш Азербайджан! Полюбуйся. Вот что дала нам Советская власть. Вот что дал нам Ленин!

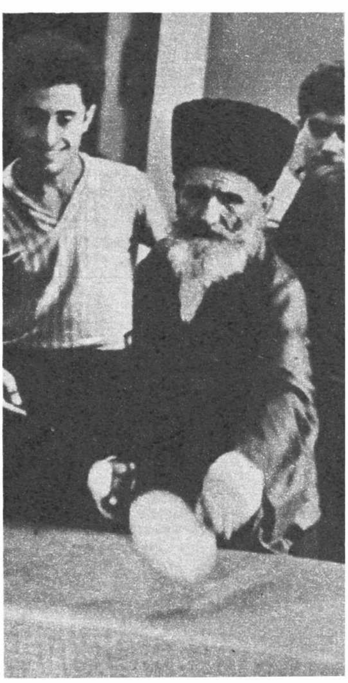
«Свет ленинских идей»,— говорим мы, когда речь идет об успехах республики.

Мне эти успехи видятся в разном. И в том, что геологи обнаружили богатейшие залежи полезных ископаемых и рядом с этими залежами будет построен мощный комбинат. И в том, что сестры Аббасовы — Рахиля, Эльмира и Халида,— оставшиеся без отца, с помощью государства окончили среднюю школу и в настоящее время все трое учатся в Азербайджанском медицинском институте.

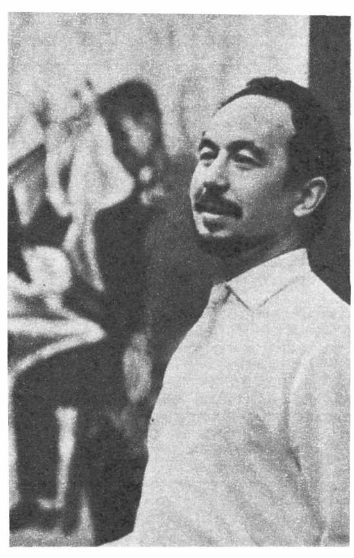
Всего пять десятков лет назад старик из деревни, приехав в Баку, увидел электрическую лампочку и потерял покой. Он похитил маленький стеклянный шар и, ликуя, отвез домой, объявив всем, что покажет чудо. Чуда, конечно, не получилось. Односельчане смеялись над ним. А теперь внуки этого человека строят заводы в Индии, тренируют спортсменов в Африке. Маленький Алигасан любил слушать своего отца, садовода, когда тот с упоением читал ему бессмертные стихи Низами, Физули, Сабира. Теперь же инженер-нефтяник из «Ленин-нефти» Алигасан Наджафов, окончивший институт нефти и химии, а также институт иностранных языков, пишет стихи, переводит Гейне и Манна.

«Предо мною распахнулись твои города!» — писал Самед Вургун, воспевая Азербайджан. Да простит меня поэт, если я чуточку изменю его строку: «Перед вами распахнуты наши города, дорогие гости!» Азербайджан не оставит никого равнодушным.

А. С. РЗАЕВ,
редактор республиканской газеты «Коммунист»

164-летний колхозник Ширали Мислимов, вероятно, самый старый на земле поклонник настольного тенниса.

Народный художник Азербайджана Тогрул Нариманбеков.

Фото Ю. Рахиля и С. Кулишова.

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

ЧУДО В ОТКРЫТОМ МОРЕ

«...Мы, строительные рабочие, собравшись на I Азербайджанский съезд, от имени 2.569 товарищей шлем свой привет VIII Всероссийскому съезду и клянемся положить все силы в трудовой борьбе с разрухой нашего народного хозяйства, тем самым показав мощь пролетариата всем соседним с нами народам Востока...»

Под этим письмом, адресованным В. И. Ленину в дни работы VIII съезда Советов, стоит дата — 29 декабря 1920 года.

Немного тогда было строителей в Азербайджане, но они верили, что одолеют разруху и молодая Советская республика на Востоке станет примером для всех соседних государств.

Прошли годы, и строители-нефтяники, верные своему слову, воздвигли вышки у острова Артема и близ Гюргян, создали большой промышленный город в открытом море — Нефтяные Камни. На двести с лишним километров протянули они по морю мосты-эстакады.

Их подвигу воздали должное самые разные люди.

— Сегодня я видел фантастику, воплощенную в действительность. Этот чудо-городок в открытом море восхищает и изумляет смелостью технического решения, мужеством людей,— отметил побывавший на Нефтяных Камнях депутат Национального конгресса Бразилии Паулино Минкароис.

— Во имя чего вы строите? — спросил зарубежный гость бригадира эстакадостроителей Ханоглана Байрамова.

— Во имя лучшей жизни. Дело у всех наших рабочих одно — приблизить коммунизм, а строить — значит идти вперед,— ответил Ханоглан Байрамов.

Биография бригадира может подтвердить его слова. Герой Социалистического Труда Байрамов не искал в жизни легких путей. Он первым научился строить железобетонные эстакады, ставил пролеты на глубинах, прежде недоступных нефтяникам. И когда болгарские друзья решили соорудить морской нефтепромысел Тюленово, к ним на помощь поехал Ханоглан. И на Черном море, в новых, сложных условиях, добился рекордных результатов.

Сегодня Ханоглан Байрамов со своими товарищами из бригады прокладывает эстакады — мосты в районе Сангачалы — Булла — Дуванный. Там, к югу от Баку, создается еще один промышленный центр, младший брат Нефтяных Камней. А многие друзья Ханоглана трудятся далеко от Баку: на Кубе, в Объединенной Арабской Республике, в Индии... Строители-нефтяники твердо выполняют обещание, данное Владимиру Ильичу около полувека назад.

Л. ПОЛОНСКИЙ,
корреспондент газеты «Бакинский рабочий»

АВТОР СКУЛЬПТУРЫ — РАБОЧИЙ

Десять лет назад Бакинский шинный завод сделал первую автомобильную покрышку.

Бакинцы много потрудились над тем, чтобы год от года росло производство шин, чтобы год от года улучшалось их качество. Прессовщик этого завода Иса Мамедханов решил увековечить подвиг товарищей по работе и создал скульптурный портрет рабочего-шинника.

Произведение Мамедханова понравилось коллективу, и вот уже пятиметровая фигура шинника стоит у входа на завод.

Фото Г. Хамашуридзе.

ПРОЧНЕЕ СВАРНОГО ШВА

Трубы, рвущиеся ввысь, и трубопроводы, стелющиеся по земле. Градирни, похожие на гигантские амфоры, и ряды серебристых шаров — хранилищ, собранных из стальных лепестков... Сумгаитский химический комбинат. Городом в городе называют его. И это не преувеличение. Уже сейчас комбинат занимает 400 гектаров, а в будущей пятилетке увеличится почти вдвое. Будет здесь более 120 цехов и служб, многие из которых смогут поспорить с целыми заводами.

— Наш комбинат,— рассказывает директор предприятия Р. А. Агасиев,— уже выпускает эпоксидные смолы, нашедшие широкое применение в электротехнической и лакокрасочной промышленности. Изготовленный на их основе клей сможет соединять металлические конструкции прочнее сварного шва. Десятки предприятий РСФСР, Украины, Грузии, Армении, Эстонии получают наш полиэтилен. Мы будем вырабатывать также искусственное волокно, мочевину, аммиак — более 40 различных продуктов. Производство некоторых из них сумгаитцы освоят впервые в нашей стране.

А. ГОЛЬДЕНБЕРГ,
заведующий отделом АзТАГ

В ИЛИСУ КЛИМАТ ОСОБЕННЫЙ

Когда жителей села Илису «упрекают» в оригинальной специализации кадров, они отвечают: «В нашем селе климат особенный, способствует развитию исследовательской жилки...» Разумеется, это шутка. Но из села Илису, что раскинулось высоко в горах Большого Кавказского хребта, действительно вышло 75 ученых. Недавно дочери колхозника Сафуре Садыховне Баладжаевой было присвоено звание доктора медицинских наук. Она сумела сказать свое веское слово в борьбе с тяжким недугом—язвой желудка: применила нафтеновые углеводороды нафталановой нефти, месторождение которой находится в Азербайджане. В экспериментальной клинике Азербайджанского научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии имени С. М. Кирова она вылечила по своему методу свыше 250 больных.

Среди ученых, выходцев из этого села,— кандидат технических наук Фикрат Сейдалиев, доцент Московского института стали и сплавов. За участие в создании и широком внедрении в промышленность гаммы высокопроизводительных универсальных станов холодной прокатки труб с комплексом новых механизмов ему присуждена Государственная премия СССР за 1968 год.

Село Илису — центральная усадьба многоотраслевого колхоза имени С. М. Кирова. В селе 450 домов. И что интересно: более 800 человек, родившихся здесь, имеют высшее образование. Большинство из них трудится в народном хозяйстве республики.

Баязит ДАМИНОВ,
корреспондент АзТАГ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛЕНИНУ

«Человек. Земля. Космос» — так называется новая симфония народного артиста Азербайджанской ССР Джевдета Гаджиева. Это заключительная часть музыкальной трилогии, посвященной вождю Октября. Две ее первые части — симфония «Памяти Ленина» и квартет-поэма — заслужили высокую оценку любителей музыкального искусства и вошли в золотой фонд азербайджанской симфонической музыки.

Ленинская тема стала ведущей в творчестве азербайджанских музыкантов.

Советскому человеку, созидателю и творцу, посвящает свое новое крупное произведение для хора и оркестра народный артист СССР Кара Караев. Славные страницы революционной борьбы бакинского пролетариата и строительства молодого социалистического государства воскрешает опера, над которой работает народный артист республики Джангир Джангиров. Эпиграфом к этому произведению служат слова из телеграммы В. И. Ленина рабочим и инженерам Азнефти: «Советская республика выйдет победителем из всех затруднений».

Кантату «Ленин и Азербайджан» для хора и оркестра народных инструментов создает народный артист республики Сеид Рустамов. Поэма «Ленин» народного поэта Азербайджана Расула Рза легла в основу одноименной кантаты народного артиста республики Тофика Кулиева. Цикл хоровых миниатюр на слова азербайджанских народных дастанов, воспевающих любовь трудящихся Азербайджана к Ильичу, пишет заслуженный деятель искусств республики Ашраф Аббасов.

Гамид АББАСОВ,
корреспондент АзТАГ

ГЛАС АШУГА — ГЛАС НАРОДА

Ашуг един в шести лицах: он поэт-импровизатор, композитор, танцор, певец, сказитель и чтец. Ашуг, может быть, брат-близнец вещего Бояна, а может быть, и постарше его. Только в древности он назывался озаном. А современного ашуга Азербайджана зовут Панах Панахов.

Ашуг Панах родился в степном городке Сальяны на берегу Куры, а объездил полмира — побывал в Румынии, Венгрии, Чехословакии, Пакистане, Афганистане и других странах. В финляндском городе Тампере, в музее В. И. Ленина, ашуг Панах сложил свои первые строки о Ленине. Потом он поехал на Волгу, чтоб поклониться дому, в котором родился великий вождь. И снова зазвенел его семиструнный саз. Так Панах Панахов стал создателем азербайджанской Ленинианы.

А глас ашуга — глас народа, так можно перефразировать известную пословицу.

Владимир КАФАРОВ,
поэт, переводчик

ПЕРЕЖИТОЕ, УВИДЕННОЕ

В 1929 году в Москве проходил Всероссийский съезд крестьянских писателей. На нем выступали А. В. Луначарский, А. М. Горький, многие другие видные литераторы. Их жадно слушал молодой в ту пору делегат съезда Михаил Бубеннов.

Родившись на Алтае, в селе Второе Поломошново, в крестьянской семье и окончив школу-девятилетку, он около пяти лет работал учителем в сельских школах Сибири и Татарии. В конце двадцатых годов по следам горячих событий написал повесть о коллективизации в сибирской деревне «Гремящий год», которая была опубликована в 1932 году.

Перед войной, в течение нескольких лет, Михаил Бубеннов активно сотрудничал в газетах, альманахах и журналах Татарии. Там, в Казани, вышел первый сборник его рассказов, «В половодье» (1940). В том же году была опубликована повесть «Бессмертие», посвященная событиям гражданской войны на Каме.

С 1942 года Михаил Семенович — на фронтах Великой Отечественной войны. Сначала сражался солдатом-минометчиком, потом работал военным корреспондентом в дивизионной и армейской газетах.

Находясь в действующей армии, начал писать роман «Белая береза», первая книга которого была опубликована в 1947 году. Отмеченная Государственной премией, она вошла в золотой фонд советской литературы.

Автор «Белой березы» первый из советских литераторов сосредоточил внимание на художественном изображении одного из ответственнейших периодов в истории нашей Родины — начальном этапе Отечественной войны, когда дело шло о жизни и смерти Советского государства. Несмотря на весь жестокий драматизм описываемых событий, писатель сумел передать глубокую веру русского народа в победу, раскрыть сущность советского патриотизма, показать героизм и моральную чистоту воина-победителя.

В центре романа — могучий русский солдат, человек с богатой и красивой душой, беспредельно любящий Родину, Андрей Лопухов. В нем раскрываются существенные национальные черты русского характера, которые не смогли понять фашистские мракобесы и которые явились основной причиной победы русского оружия.

Через весь роман проходит лирический образ белой березы — символический образ русской национальной традиции, выступающий в книге олицетворением Родины.

За два десятилетия роман «Белая береза» выдержал десятки изданий, переведен почти на все языки народов СССР, выпущен во многих зарубежных странах.

Затянулись раны Великой Отечественной войны. В пятидесятые годы советский народ осваивал целинные и залежные земли. Михаил Бубеннов жил и трудился вместе с целинниками. Там, на целине, был написан роман «Орлиная степь» (1959).

Основным достоинством книги является полнокровный и цельный героический характер нашего русского современника. Главный герой романа Леонид Багрянов — комсомолец с высокими принципами в жизни. Человек сильного характера, богатырской натуры, он покоряет душевной стойкостью, нравственной чистотой.

М. Бубеннов в отличие от некоторых других литераторов, писавших о целине, увидел главного героя современности — большого человека, пришедшего на большую землю. Нельзя без волнения читать сцены, рисующие штурм вековой степи, когда высокое и благородное чувство первооткрывателей окрыляет героев. Писатель умеет убедительно раскрыть процесс внутреннего обогащения человека в труде, расцвет его дарований.

Шестидесятые годы... Грандиозная всенародная стройка на Ангаре. Михаил Бубеннов там. Пережитое и увиденное на великой сибирской реке легло в основу романа «Стремнина», который недавно закончен писателем.

Перед тем как начать заполнение Братского водохранилища, там проводилась с целью сохранения судоходства реконструкция водного пути: спрямлялся и углублялся судовой ход. Строители взрывали подводные скалы и камни, а заодно удаляли немало «подводных камней» и из своей жизни. Борьба за «чистоту судового хода» на Ангаре сливалась с борьбой за нравственную чистоту человеческих отношений. Все это составляет сюжет «Стремнины».

Михаил Бубеннов всегда там, «...где скрещены трассы свинца, где труда бескорыстного невпроворот...». Он всегда с русским народом. Все шестьдесят лет.

М. ЛАПШИН

ВЕЧНО МОЛОДОЙ

К семидесятилетию композитора Дмитрия Покрасса

На торжественном заседании, посвященном годовщине Первой Конной, которое проходило 20 ноября 1920 года в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), впервые прозвучала песня «Марш Буденного». Написал ее молодой красноармейский музыкант Дмитрий Покрасс на стихи поэта А. Д'Актиля.

Песня сразу завоевала огромную популярность у бойцов, понравилась К. Ворошилову и С. Буденному, а вскоре запелась по стране. И сейчас, в дни всенародных праздненств, демонстраций, воинских парадов, она звучит и напоминает о гражданской войне.

С легендарной Первой Конной молодой музыкант прошел весь ее боевой путь. А когда война окончилась, стал профессиональным музыкантом — пианистом, дирижером, композитором.

Кто не знает песни Д. Покрасса (написанные совместно с Даниилом Покрассом) «По военной дороге», «То не тучи, грозовые облака» (стихи А. Суркова), песню «Москва майская», созданную с В. Лебедевым-Кумачом?!

«Старые» комсомольцы с волнением вспоминают свою юность, напевая одну из первых молодежных песен, «Дан приказ ему — на запад» (стихи М. Исаковского), которую до сих пор исполняют наши и зарубежные артисты.

Тридцать пять лет руководит Покрасс эстрадным оркестром Центрального дома культуры железнодорожников (ЦДКЖ), выступает с ним и на лучших площадках больших городов и на самых глухих полустанках.

Народному артисту РСФСР, лауреату Государственной премии СССР, орденоносцу, почетному железнодорожнику Дмитрию Покрассу — 70 лет.

Я от имени старых друзей и себя лично горячо поздравляю старейшего композитора, основоположника советской массовой песни, вечно молодого, и желаю ему долгих лет жизни и новых песенных удач!

Композитор Сигизмунд КАЦ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

А. КОВАЛЕНКОВ

НЕСКОЛЬКО СТРОК...

Жил я когда-то на странной планете:
Были там лес, с васильками поля,
Тихие плёсы, рыбацкие сети,
В теплой пыли тополя.

Ранней весной вечерами шумела,
Освобождаясь от снега, река;
Лаяли псы, и луна леденела,
Глядя на крыши домов свысока.

Запах черемухи, гроздья сирени...
Снова вернусь к изначальной строке:
Жил я на странной планете... там тени
Светятся, ночью летя вдалеке.

«Кроткая»... этот рассказ Достоевский
Не по заказу, конечно, писал.
В бедности умер чудак Лобачевский,
И Циолковский не слышал похвал.

Режет алмаз, свéрлит сталь луч лазера,
Взят из пространств в микроскоп
электрон;
Древней поэзии новая сфера,
Ритм кинокадров, событий циклон...

Памятник

Вл. ПАВЛОВ,
Герой Советского Союза

Я смотрю на эту почтовую марку и вспоминаю Николая Никитича Попудренко...

Чем-то он напоминал Чапаева — смелостью, порой переходящею в лихость, простотой, какой-то непримиримой исступленностью, коль приходилось отстаивать точку зрения, которую считал верной. Даже во внешнем его облике — в прямом взгляде, в крутом подбородке с ямочкой, в деревянной колодке маузера, в заломленной набекрень кубанке с красной лычкой на тулье, в кожанке и плащпалатке, которая, когда он мчался на коне вдоль нашей партизанской колонны, развевалась за плечами, как казачья бурка,— даже в этом тоже было что-то от гражданской.

Сейчас мне трудно представить, что до войны был Николай Никитич руководящим партийным работником — секретарем Черниговского областного комитета партии, что сидел он в большом просторном и тихом кабинете, внимательно выслушивал собеседников, сам говорил неторопливо и веско, звонил по телефону, заседал на бюро. И что никто не знал и не подозревал, быть может, что за этим внешним спокойствием и невозмутимостью, за вниманием, с которым он относился ко всякому делу, таились до поры беззаветное мужество и чистая солдатская верность.

В последний раз видел я его верхом на коне. Всадник и конь застыли на пригорке. А за пригорком рос лес, и нам снизу были видны только вершины деревьев. Тонкие, ломкие крестики еловых вершин казались черной травой под конскими копытами. И конь, и всадник, и его прощально поднятая рука казались отлитыми из чугуна. А сам пригорок — черной чугунной глыбой. Потому что за пригорком и за лесом густело синее полотнище вечернего неба. Было одиннадцатое марта 1943 года. Мы уходили в рейд за Днепр, к польской границе, к Ковелю. Попудренко — секретарь Черниговского обкома, заменивший на этом посту нашего командира А. Ф. Федорова, оставался в родных местах.

И хоть шла война и здесь, во вражеском тылу, каждый шаг по лесной партизанской тропе грозил смертью любому, никому из нас и в голову не приходило, что больше мы не увидим Николая Никитича живым...

В каких только переделках он не бывал! Сколько раз дрался с врагом врукопашную, грудь с грудью — всегда выходил из боя целым и невредимым, без единой царапины.

В районном центре Гордеевка, в котором мы громили вражеский гарнизон, Николай Никитич первым ворвался в немецкую комендатуру. Немец-комендант выстрелил в него, но впопыхах промазал. Попудренко кулаком выбил парабеллум из руки гитлеровца, выстрелил сам. И не промахнулся.

В бою под селом Жукля, когда гитлеровцы неожиданно ворвались в расположение нашего лагеря, Попудренко из маузера в упор свалил командира немецкого батальона...

Помню трудное лето сорок второго. Гитлеровцы преследовали нас по пятам. За короткую летнюю ночь нам требовалось проскочить через открытое болото, под самым носом у немцев, и до свету войти в спасительный лес. Передовые подразделения, ведомые местными проводниками, знавшими как свои пять пальцев все стежки-дорожки, уж давно миновали болото. А обоз застрял. Наскоро уложенная гать не держала коней. Жерди выскальзывали из-под копыт, кони грузли по брюхо, и, как ни бились ездовые, вытащить их не удавалось.

А совсем рядом, в каком-нибудь километре, а то и меньше, перемигивались огоньки районного центра Холмы. Там, в Холмах,— крупная воинская часть врага. Ежели немцы обнаружат нас в этом треклятом месте — не уйти...

С окраины местечка медленно поднялась и поплыла в воздухе белая ракета. Через мгновение ветерок донес сухой щелчок ракетницы. Скорее всего немецкий часовой пустил эту ракету просто так — не дремлет, мол, охрана. Но меж ездовыми искрой проскочило страшное здесь, на открытом месте, слово: «Заметили!»

— Бросай все к бису!— уже не таясь, крикнул кто-то.— Спасаться надо!..

Тот, кто был в партизанах, знает, что значит обоз. Здесь наше нехитрое, но жизненно необходимое имущество — взрывчатка, боеприпасы, продовольствие, рация, походная типография. А главное — наши раненые товарищи. Бросить никак нельзя.

И все-таки кое-кто, чавкая сапогами в болотной жиже, кинулся было прочь. Не знаю, что случилось бы дальше, если б в этот момент из темноты не вынырнул всадник. Лица его не разглядеть, но вся его слившаяся с конем фигура дышала решительностью и отвагой. Это был Попудренко.

— А ну, назад!— крикнул он, наезжая грудью коня на бегущих. В воздухе тонко просвистела плеть.— Назад! Потопчу!..

Ездовые остановились. Попудренко спрыгнул с коня и кинулся к повозкам.

— Все ко мне! Будем вытаскивать по одной. Навались!

Через час все повозки были по ту сторону болота. Ездовые, нахлестывая лошадей, мчали к лесу. А когда совсем рассвело, по тому месту, где застрял в трясине наш обоз, ударили немецкие пушки.

Под руководством Николая Никитича наше партизанское соединение выходило из обложенного блокадой зимнего, неприютного Клетнянского леса: командир соединения, первый секретарь подпольного Черниговского обкома партии Алексей Федорович Федоров был в это время в Москве, в Украинском штабе партизанского движения.

Вражеское кольцо вокруг отрядов и соединений, расположенных в Клетнянском лесу, замкнуто плотно, но разведчики все-таки нашли щель. К ночи мы вышли на опушку — впереди расстилалось заснеженное поле. Это поле было чистым, как свежестираная простыня, но мы знали, что слева и справа, в Николаевке, в Каталине, в Каменске, Соловьяновке, Лукавице, стоят гитлеровские части, готовые в любую секунду перерезать нам путь.

Но пока все спокойно. Разведчики доложили, что по большаку, который нам предстояло пересечь, только что прошла патрульная рота. Следующий патруль — через полчаса.

Попудренко глянул на часы.

— Вперед!

Скрипнул, заскрежетал, заплакал снег под полозьями и под сапогами, партизанская колонна темной полосой углубилась в поле. Головная походная застава благополучно пересекла большак, спустилась к Ипути, выбралась на противоположный крутой берег и втянулась в лес. А замыкающие отряды не прошли и половины расстояния. И вдруг разноцветная трасса пуль прошила темноту. Разом в нескольких местах взмыли осветительные ракеты. Бешеный грохот в клочья разодрал тишину. Поле вспухло взрывами, закурилось пулеметной и автоматной поземкой...

Кричали люди, исступленно ржали раненые кони, сталкивались и опрокидывались сани... И среди этого дикого хаоса метался всадник. Да, это был Попудренко... Может, и неверно, что он, командир такого ранга, подставил себя под пули, вместо того чтобы укрыться в лесу и руководить боем и движением колонны из безопасного места. Но в тот критический момент лучшего решения быть не могло... И Попудренко своим бесстрашием успокоил людей и вывел к лесу, за непробиваемую стену деревьев...

Лишь два отряда остались в Клетнянском лесу: их отсекли немецкие танки...

В одном из этих отрядов был и я...

Мы вернулись в холодный, промороженный насквозь Клетнянский лес и еще добрых две недели бродили по его заснеженным чащобам, последними патронами и гранатами отбиваясь от немецких лыжников. Чуть живые от голода, бросив обоз и коней, переложив раненых на носилки, вырвались мы наконец из кольца.

Где наше соединение, в какую сторону оно двинулось, как его разыскать? Никто не знал. Потому-то командир отряда имени Щорса Федор Тарасенко и комиссар этого отряда Аким Михайлов выслали четверых разведчиков под командой Геннадия Мусиенко, чтоб найти своих, установить связь со штабом. Я был одним из них...

В конце февраля в большом селе Соловьевка мы наконец догнали соединение. Командир нашей группы Геннадий Мусиенко отправился в штаб — докладывать Попудренко, а я сразу же побежал разыскивать подрывной взвод, своих товарищей, с которыми не видался более месяца: в тылу врага этот срок равен году.

По совести говоря, я не думал, что понадоблюсь в штабе. Однако не успел я вырваться из объятий друзей, как в хату, в которой расположился подрывной взвод, вошел связной.

— Давай к командиру!

Николай Никитич не стал расспрашивать о подробностях нашего похода — он уже все знал из доклада Мусиенко.

Он просто крепко пожал мне руку, обнял меня и сказал только четыре слова:

— Молодец! Все вы молодцы!.. Потом усадил за стол, пододвинул миску холодца и буханку хлеба, налил в кружку самогона и, когда я выпил, добавил еще чуток.

— Больше не дам: молод еще...— сказал он, вытаскивая из планшета потрепанную книжку в картонном переплете.— Читал?

Это был «Евгений Онегин».

— Все равно надо перечитывать,— продолжал Попудренко.—Я вот сколько ни читаю — каждый раз будто заново!..

— Пушкин для войны больно нежен...

— Эх ты, нежен! Да на войне без лирики никак нельзя, если хочешь быть в равновесии... Я вот как вспомню своих — жену да ребят, как задумаюсь: где-то они там, под Оренбургом, в эвакуации. А Пушкина почитаю, будто с дочкой, со Светкой моей, поговорил!

Он внимательно взглянул на меня своими добрыми глазами, которые в тот момент мне почему-то показались немножко близорукими, и вздохнул:

— Так-то, сынок... Хоть и война и смерть кругом, а человеку надо про жизнь думать!

И от этих слов, от его голоса и взгляда на меня повеяло чем-то полузабытым, домашним, теплым и родным, далеким и недоступным отчим моим домом...

Уже после войны я узнал, что Николай Никитич с первого же дня партизанской войны, одним из организаторов которой на Черниговщине он был, вел дневник...

Вот несколько выдержек из этого документа, которые, как мне кажется, дадут читателю некоторое представление, каков Н. Н. Попудренко.

«13 СЕНТЯБРЯ 1941 г. Этой ночью было много дел: под селом Камкою отремонтировали мост и провели три автомашины — это в тылу врага. Группа товарищей во главе с Васюком и Майстренко провели операцию. В селе Камке уничтожили 120 (сто двадцать) немецких новых седел, угнали около сотни немецких коней и уничтожили немецкого ставленника — старосту. С 1906 года по 1916-й он (староста.— В. П.) состоял старшиной Холменской волости и до 1936 года был лишен права голоса».

«20 СЕНТЯБРЯ 1941 г. Группа во главе с тт. Громенко и Толчко уничтожила семитонную машину (автобус), в которой было полно немцев. Машина сгорела. Уничтожено не менее 35 (гитлеровцев.— В. П.). Все действовали хорошо. Пулеметчики Остроумов и...* перед выходом не проверили пулеметы, и они отказали. Это безответственность.

Демченко Н. Г. я из отряда отпустил. Все время хныкал.

Працуна послал к тов. Федорову».

«21 СЕНТЯБРЯ 1941 г. Вернулись разведчики из Сосницы и Семеновки. Секретарей райкомов не нашли. Плохо».

«24 СЕНТЯБРЯ 1941 г. ...Громенко с группой в десять человек уничтожил одну машину с немцами, человек 25—30, один мотоцикл и на нем фашиста-эсэсовца с крестом. Принес два пистолета, разные документы и письма. Хорошо стрелял из пулемета тов. Бибик. Смело действовал тов. Громенко...»

«25 СЕНТЯБРЯ 1941 г. Месяц, как работаю в подполье. Переехали на новое место... Два дня тому назад наладили типографию, сегодня выпускаем вторую листовку. Яременко В. Е.** руководит пропагандой и агитацией. Новиков С. М.*** ездит в отряды, как представитель обкома».

«1 ОКТЯБРЯ 1941 г. Тов. Родимченко вернулся из разведки. Прошел он много и решительно, но результаты плохие: обстановка в Тупичеве мне ясна, в Добрянке и Городне — нет.

Что сделали партизаны этих районов?

Городнянский: пустили под откос один эшелон, уничтожили две грузовых машины и один мотоцикл, убито много немцев. В Дроздовице убиты один офицер и четверо солдат.

В Тупичеве сожгли лесопильный завод. В Добрянке уничтожили водокачку. Безусловно, это далеко не все...»

«3 ОКТЯБРЯ 1941 г. Совинформбюро сообщило о действиях черниговских партизан... Послал 16 человек в районы с директивой обкома КП(б)У и для связи с райкомами. Пошли: ТОЛЧКО, ЗАЛЕССКИЙ, ТУПИЦЯ, МУХА — в Чернигов, Михайло-Коцюбинское, Борзну; ГУРЬЯНОВ, ДЕМЧЕНКО Ю. Л., ФЕДОСОВ — Щорс, Городня, Добрянка; КАЩЕНКО, РОДИМЧЕНКО, ЧЕТВЕРИКОВ — Тупичев, Любеч, Репки; БАЛИЦКИЙ — Мена, Сосница, Бахмач; МИТЬКО, ОНИЩЕНКО — Новгород-Северский, Гремяч; КОНАШ, СЛИЗКОУХ — Понорница, Короп.

Сегодня две группы пошли на операцию».

«15 ОКТЯБРЯ 1941 г. По радио передали, что наши войска оставили Мариуполь. А несколько дней тому назад — Орел, Брянск, Полтаву, Вязьму. Передовые «Правды» тревожны и мобилизующи. Надо сделать выписки для отряда. Откровенно говоря, мы сделали еще очень мало в борьбе с врагом. Надо посылать людей на железные дороги, рвать мосты, связь. Побольше б взрывчатки и мин».

«18 ОКТЯБРЯ 1941 г. Выдающийся день. К нам прибыли Капранов, Герасименко, Дружинин...

Принесли «новость» о том, что я и Новиков «дезертировали». Какая сволочь могла такое сказать? Хорошо, что не поверили этим слухам. Плохо, что нет тут тов. Федорова и других товарищей. Еще горше, что в общем неведома их судьба...»

«22 ОКТЯБРЯ 1941 г. Четыре месяца войны. Бои идут на подступах к Москве. Это решающий период борьбы с фашизмом. Решающий, но не последний. Я допускаю (хоть и борюсь с этой мыслью), что Москва будет оставлена. Но победа все равно будет за нами. Кто-то сказал: «Большевики могут отойти до Волги, но победят». За нами правда, за нами народ. Нужны воля, выдержка, сплоченность, организованность, а это у нас есть и будет».

«12 НОЯБРЯ 1941 г. ...В Понорнице вели уличные бои... Убили четырех полицейских. С нашей стороны убиты двое — Хоменко Вася и Веретельников Сеня. Жаль. Хорошие и храбрые были хлопцы...»

В марте сорок третьего из Москвы вернулся командир соединения и первый секретарь обкома Алексей Федорович Федоров и привез приказ разделить наше соединение на две части. Большая, под командованием А. Ф. Федорова, уходила в далекий рейд на запад, к важному железнодорожному узлу Ковель, работу которого нам предстояло парализовать или по крайней мере основательно нарушить. Триста человек — партийный и советский актив под руководством Н. Н. Попудренко — оставались на Черниговщине продолжать партизанскую войну, а потом, с приходом Советской Армии, восстанавливать разрушенное хозяйство.

И хоть и грустно было расставаться, все мы верили, что видимся не в последний раз, что еще повстречаем тех, кто остается, и, конечно, Николая Никитича, которого все мы считали заговоренным от пули...

И потому мы не сразу поверили страшной вести, которую принесло нам радио, когда мы уже ставили мины на линиях Ковельского железнодорожного узла...

В радиограмме говорилось, что в ночь с 6 на 7 июля в лесах под местечком Злынка, которое лежит на рубеже России и Украины, в бою с гитлеровскими дивизиями, специально снятыми с фронта, чтоб расправиться с черниговскими партизанами, Николай Никитич Попудренко погиб.

Он вел в ту ночь партизан на прорыв вражеского кольца. Головная походная застава наткнулась на гитлеровскую оборону, и партизаны залегли, прижатые к земле сплошным пулеметным огнем. В этот критический момент Попудренко верхом на коне рванулся вперед, подняв руку с маузером, что-то крикнул...

Быть может, по этому решительному голосу узнали враги в силуэте всадника знаменитого партизанского командира, секретаря подпольного обкома, за голову которого была назначена огромная награда.

Струи вражеских пулеметных трасс скрестились в том месте, откуда слышался этот горячий, бесстрашный голос. И Попудренко вдруг осекся на полуслове, склонился набок, рухнул с седла. Он был убит наповал...

Нынче на центральной площади в Чернигове, на могиле Николая Никитича, стоит гранитный обелиск.

Но я и сейчас, четверть века спустя, не могу представить себе его мертвым.

---

* В дневнике вторая фамилия не указана. Вместо нее многоточие (В. П.).

** В. Е. Яременко — в то время комиссар Черниговского областного партизанского отряда.

*** С. М. Новиков — заместитель командира областного отряда по разведке.

Теодосис ПИЕРИДИС

Кипр

ТОВАРИЩИ ВО ВСЕМ МИРЕ

Тот дом стоял на самом берегу.
Как голуби, взлетали руки пианиста,
и в звуках «Патетической» вдали,
под звездным куполом, скользил кораблик,
едва касаясь звездной глади вод.
Казалось нам, что звезды — это ноты,
покинувшие клавиши рояля.

Он был молчальником, наш белокурый друг,
наш пианист задумчивый и строгий.
Другой наш друг, восторженный и шумный,
писал стихи и спорил с третьим другом
о назначении поэзии и долге.
Я примирить хочу их в этих строчках,
союз поэзии и долга заключив.

Их имена я называть не буду,
они не умещаются в строке.
Не назову я скромную студентку,
что революции и химии училась.
И ту, с короной золотистых кос,
принцессу нежности и доброты,
что изливала боль свою в улыбке
и рисовала нищих ребятишек.
Не назову курносую девчушку,
которой так хотелось танцевать,
а приходилось прокламации печатать.

Мы называть не будем их имен,
их перечесть нам просто не под силу,
друзей из мира музыки и трезвой мысли,
из мира действия, из мира красоты,
из всех миров, что вместе поднимают
из океана жизни новый мир.
Об этих людях скажем лишь одно мы:
они такие же прекрасные, как прежде,
и те, кого уж нет, и те, кто жив.
Прекрасны те, кто превратился в память,
кто посещает ночью наши сны,
чтобы услышать подтвержденье клятвы
любви и верности всем людям на земле.
Прекрасны те, кто собирает щебень,
чтоб человечеству построить новый дом.
И те, кто дни тюрьмы, как зерна, собирает
и, выждав миг, когда в дверном глазке
глаз сторожа исчезнет ненадолго,
бросается к окну и сквозь решетку
в ту щель, что связывает их могилу с жизнью,
кидает собранные семена,
чтобы земля по-матерински их взрастила.
Они такие же прекрасные, как прежде,
они останутся прекрасными навечно.

Перевела с греческого
С. Ильинская.

Хлеб Карелии

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Февраль восемнадцатого. Морозно. Не вьются дымки над крышами петроградских домов. Не дымят покрытые инеем фабричные трубы. Останавливаются поезда. Люди, выскочив в легкой одежонке из вагонов, бегут в лес нарубить дров для паровозных топок. Недостаток топлива лихорадит молодую Советскую республику. Недостаток топлива и нехватка хлеба. В стране голод.

Совсем рядом с революционной столицей — безбрежное лесное море Карелии. Громадные запасы топлива, крепежного леса для восстанавливаемых шахт, богатейшая кладовая сырья для бумажной, деревообрабатывающей и других отраслей промышленности.

Но не стучат здесь топоры, не звенят пилы. Голод.

В феврале восемнадцатого по указанию Ленина в Карелию направляют поезд с хлебом, выдают наряды на получение продовольствия с Юга и из Сибири.

«Хлеб, посланный нам по Вашему распоряжению, тов. Ленин,— телеграфировал губернский комиссар продовольствия И. Ф. Петров,— дает нам новые силы в трудной борьбе...»

С этой поры Владимир Ильич внимательно следит за маршрутами продовольствия, посылаемого лесорубам. Требует энергично помогать Карельской Трудовой Коммуне, подвергающейся нашествию интервентов. Интересуется развитием экономики.

По окончании работы VIII Всероссийского съезда Советов, в самом конце двадцатого года, Ленин принимает в кремлевском кабинете одного из руководителей Карелии — большевика Э. А. Гюллинга.

— Мы говорили о создании в Карелии бумажной промышленности и постройке гидроэлектростанции,— вспоминал Гюллинг.— В. И. Ленин послал меня к товарищу Кржижановскому, с которым договорился о сооружении Кондопожской гидроэлектростанции.

Исполнительный Комитет Карельской Трудовой Коммуны разработал и представил в апреле 1921 года в Совнарком два проекта экономического развития края. Ознакомившись с ними, Владимир Ильич направил письмо в ВСНХ, наркоматы внутренних дел и внешней торговли:

«Препровождая два проекта, вносимые Исполкомом Карельской Трудовой Коммуны, прошу Вас организовать при участии предисполкома Карельской Трудовой Коммуны тов. Гюллинга совещание для изучения и согласования этих проектов, с вызовом представителей других заинтересованных ведомств, с тем, чтобы в окончательном виде оба проекта были внесены в СНК во вторник 26.IV. 1921.

В принципе оба проекта я всецело поддерживаю.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)».

Вскоре после письма в ВСНХ и наркоматы В. И. Ленин написал записку секретарю: «Хозяйственный план Карельской коммуны (прислал мне Гюллинг 2 недели назад) найти, дать прочесть Н. П. Горбунову (пусть он найдет... Гюллинга — председатель Карельской Трудовой коммуны — и поможет ему по части электр. плана и пр.)».

На заседании Совнаркома под председательством В. И. Ленина 26 апреля 1921 года было принято постановление об основных направлениях хозяйственного развития Карелии.

...Самолет летит в Петрозаводск — столицу Карельской автономной республики. Обычный рейс. Как всегда, стюардесса предлагает свежие газеты, минеральную воду. И, как обычно, пассажиры, возвращающиеся из отпусков и командировок, с нетерпением прильнули к иллюминаторам: встреча с родной землей, даже после короткой разлуки, всегда волнует. Рядом со мной, в кресле,— загорелый, средних лет мужчина с Золотой Звездой Героя Социалистического Труда на лацкане пиджака. Тоже не отрывается от иллюминатора: «Вот она, наша Карелия!»

Познакомились. Федор Федорович Кошкин. Бригадир из Верхне-Олонецкого лесопункта. Депутат Верховного Совета КАССР. Родился и вырос в Карелии. Возвращается с женой из Алушты:

— Как отдохнули?

— Море — это здорово! Но по лесу настоящему соскучился.

Самолет пробежал по светло-серому бетону, остановился. Аэродром окружен со всех сторон, словно стенами, лесом. И с этой минуты, куда бы мы ни отправлялись — в любую точку Карелии,— всюду леса, леса и леса. Почти три четверти территории республики — вечнозеленое море. На одного жителя Карелии приходится 12 гектаров леса. В экономике республики лес — то же, что хлеб для Кубани, уголь для Донбасса. 65 процентов населения Карелии занято в лесном хозяйстве. «Лес — наш хлеб»,— говорят карелы.

...Верхне-Олонецкий поселок появился неожиданно, словно выскочил на дорогу из леса. Чистые, светлые, с веселыми окнами деревянные дома. Телевизионные антенны на крышах. Людей в поселке не видно. Все в лесу, на работе.

Дорога вывела на вырубку. И вдруг — знакомое лицо. Ф. Ф. Кошкин, с которым я познакомился в самолете. Теперь я увидел его в кабине трелевочного трактора. Федор Федорович спрыгнул на землю, пригласил сесть на толстый ствол сосны, очищенной от сучьев.

Прежде чем стать бригадиром, Кошкин работал обрубщиком сучьев, поперечной пилой срезал вековые деревья, пользовался и волокушей. Вскинет, бывало, веревку на плечо и тащит бревна...

Сейчас все по-иному. В лесу стоит гул и рокот. Мощные трелевочные тракторы. Подъемники. Грузовые автомашины... Лесорубов в полном смысле этого слова уже нет. Есть вальщики. Вот, скажем, Леонид Федотов из бригады Кошкина. В руках у него не поперечная пила, а бензомоторная «Дружба». От дерева к дереву переходит он с ней, выбирает удобную позицию и прикидывает, откуда и как лучше свалить сосну или ель. Федотову нравится эта профессия. Отслужив в армии, так же как и раньше Кошкин, он вернулся в лес и теперь не расстается с «Дружбой». Первое время было трудновато, особенно в выдлицких лесах — там шли жестокие бои с фашистами. Осколки снарядов со временем глубоко вросли в тела деревьев. Зубья пилы со звоном ломались.

Музейной редкостью стали теперь волокуши. Лошадей заменили тракторы. А началось все с Путиловского — Кировского, создававшего когда-то первые советские тракторы-землепашцы. В конце сороковых годов кировцы освоили выпуск лесных машин «КТ-12». Потом они получили новое важное задание, а трелевочные тракторы стали выпускать в Минске. Белорусы сделали шаг вперед — появились дизельные трелевочные «ТДТ-40». Затем родиной трелевочных тракторов стала Карелия. В Петрозаводске, на Онежском заводе, был создан новый модернизированный гусеничный вездеход. Он легко преодолевал пересеченную местность, механизировал многие лесозаготовительные операции.

Используя основные узлы своих серийных тракторов, онежцы создали целое семейство. Один из «членов онежской семьи» — лесохозяйственный трактор «ЛХТ-55» — удостоен на международной выставке золотой медали. Этот трактор — мастер на все руки. Он может быть и культиватором, и кусторезом, и лесопосадочной машиной, может выполнять работы по восстановлению леса...

— Вы знаете, сколько наша республика дает древесины? — говорит Ф. Ф. Кошкин.— Восемнадцать с половиной миллионов кубометров в год. За время Советской власти заготовки карельского леса выросли более чем в десять раз! Из древесины делают несколько тысяч видов разных изделий. А в самой Карелии лес — это прежде всего источник сырья для целлюлозно-бумажных предприятий.

В то время, когда Владимир Ильич подписывал постановление о строительстве в Карелии бумажной фабрики и ГЭС, известная теперь всем Кондопога была деревушкой в несколько ветхих деревянных изб, окруженных огородами картофеля. Да и название говорило о многом: Кондопога — по-русски Медвежья берлога. Некогда место это было знаменито тем, что служило перевалочным пунктом тавдийского мрамора, который везли по Онеге, Свири, Ладоге и Неве в Петербург для украшения дворцов. Теперь только Успенская церковь, возведенная в 1774 году, памятник русского деревянного зодчества, осталась от старой Медвежьей берлоги. Сегодня с берега открывается панорама большого современного города, виден и гигант целлюлозно-бумажной промышленности, а начинался этот гигант с маленькой, построенной по указанию В. И. Ленина бумажной фабрики, выдавшей сорок лет назад первую карельскую бумагу.

Утром вместе с дневной сменой рабочих вхожу на территорию Кондопожского комбината. Четыре леспромхоза питают его цехи. В сплавную навигацию рейд лесной биржи принимает свыше миллиона кубометров древесины.

Центральный диспетчерский пульт. Большой зал. Световая схема, табло, пульты, приборы-контролеры, двусторонняя радиосвязь с фабриками, заводами, цехами. Есть телевизионная установка. С ее помощью совершаю небольшое путешествие по комбинату.

На экране — один из участков завода, где вырабатывается белая древесная масса для газетной бумаги. Поворот рычажка — и на телеэкране древесно-подготовительный цех целлюлозного завода: древесина движется по ленточному транспортеру на ножевые рубительные машины... Еще картинка — варочный цех, где в котлах приготовляется целлюлоза. В очистном цехе она тщательно очищается, сортируется, сгущается на вакуум-фильтрах. В целлюлозе, как и в хлебном тесте, не должно быть ни одной соринки...

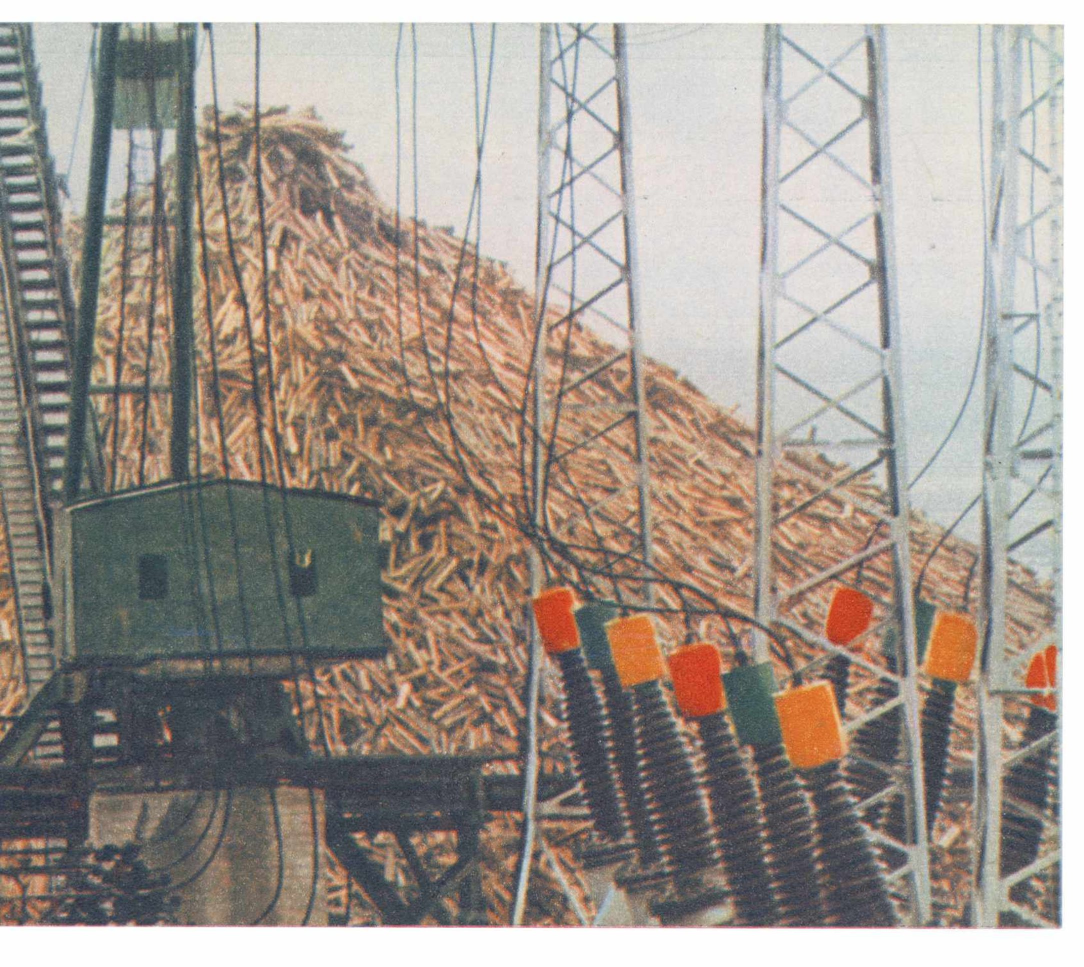
Сейчас только Кондопожский комбинат выпускает бумаги намного больше, чем потребляла ее вся дореволюционная Россия. На этой бумаге печатается в СССР каждая третья газета. В Карелии не одно такое предприятие. Крупнейший в Европе Сегежский целлюлозно-бумажный комбинат. Целлюлозный завод «Питкяранта». Суоярвская картонная фабрика...

...За мостом, перекинутым через канал, белоснежное здание Кондопожской ГЭС. В двадцатом году здесь, на глухом полустанке, высадились энтузиасты — коммунисты и комсомольцы. Они прорыли канал, соединили Нигозеро с Онежским и на месте водосброса, по ленинскому плану ГОЭЛРО, построили эту, одну из первых в Стране Советов, гидроэлектростанцию. Ее энергия питала первую в Карелии бумажную фабрику, ставшую ныне гигантом целлюлозно-бумажной промышленности.

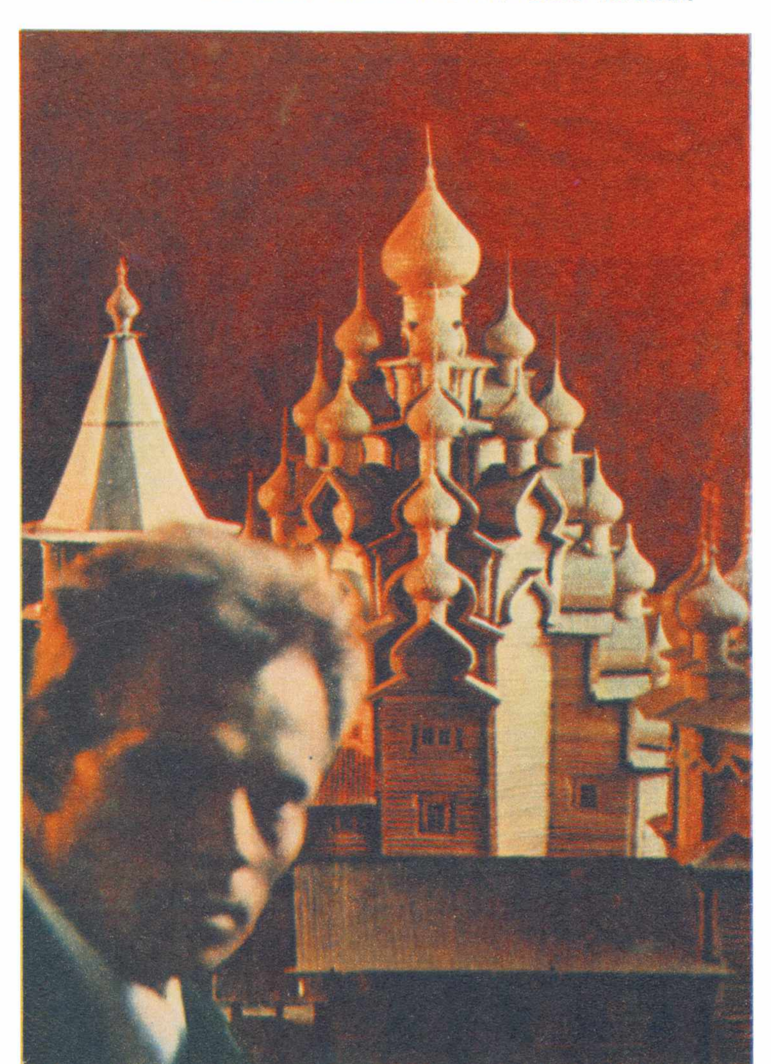
Леонид Федотов — вальщик Верхне-Олонецкого лесопункта.

На лесной бирже Кондопожского комбината, точно терриконик на шахтном дворе, высится балансовая древесина — основное сырье для производства целлюлозы и древесной массы.

Из различных пород дерева художники В. Моисеев (его видите на снимке) и И. Медников создали уникальный макет знаменитого «Кижского погоста».

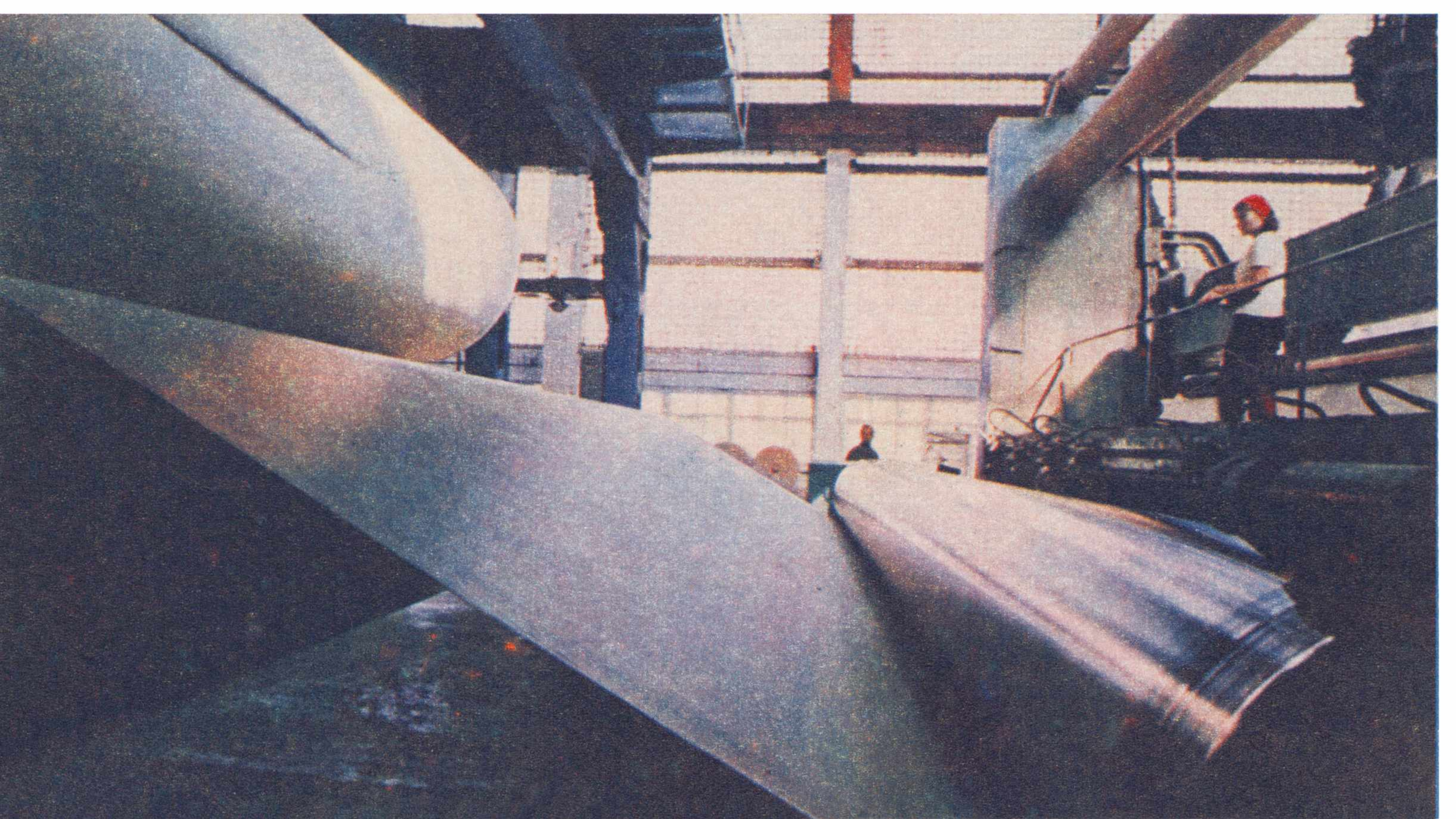
Интерьеры в кафе Государственного финского драматического театра выложены из бревен. Иногда с разрешения хозяйки благодарные посетители оставляют на бревнах свои автографы. Этот своеобразный автограф принадлежит кисти художника Тамары Юфа. Она изобразила «Айно на камне» — героиню из национального эпоса «Калевала».

На Онежском тракторном заводе создано целое семейство машин, позволяющих комплексно механизировать многие трудоемкие процессы на лесозаготовках.

Сплав древесины по реке Суне.

Круглые сутки, как сталь в мартенах, в Карелии непрерывно льют бумажные полотна.

Корреспондент «Огонька» Н. П. Толченова взяла интервью у секретаря Карельского обкома партии Александра Николаевича Шлямина.

В разговоре о делах народа, празднично вступающего в год ленинского юбилея, о строительстве коммунистической культуры, о людях, отдающих все силы становлению и развитию нового человека, наделенного богатой и красивой душой, упоминались многие творческие коллективы. В Петрозаводске два театра — финский и русский музыкально-драматический. Замечательный ансамбль «Кантеле». Филиал Ленинградской консерватории. Музыкальное училище, отпраздновавшее 30-летний юбилей. Дом народного творчества, располагающий хорошо подготовленными кадрами консультантов. Художественные мастерские, где делаются изумительные сувениры...

Но главным стала тема художественной самодеятельности, тема широкого эстетического воспитания народа.

— До революции,— говорит А. Н. Шлямин,— так называемая «Олонецкая епархия» по плотности населения занимала среди других епархий европейской России предпоследнее место.

Земля для обработки здесь трудная; безлошадному мужику хлеб доставался ценой тяжких усилий. Впрочем, о жителях края, о золотых их руках всякий раз припоминали, когда требовался, скажем, мачтовый лес для кораблей русского флота, редчайший мрамор для роскошных петербургских дворцов...

Культура обходила стороной наш северный край. И хоть находились самоотверженные русские люди, старавшиеся что-то сделать для обездоленного народа при помощи земств,— все попытки оставались почти безрезультатными. «...Мы ежегодно с 1897 по 1909 год,— писали авторы статистического сборника,— продвигались вперед только на 0,8 процента прироста грамотности, только с такой тягучей медленностью отвоевывая пядь за пядью крупицы, небольшие и тончайшие полоски света от всё окружающей нас тьмы, от всё окружающего (более чем на 2/3) почти полного и круглого невежества».

В нынешней — сплошь грамотной — Карелии люди узнают о подобных сторонах прошлого из учебников и книг. Постараюсь назвать немного цифр, но одну непременно хочется привести: в 1967 году в наших библиотеках насчитывалось более 7 миллионов книг.

Конечно, подобные сопоставления, как бы ни были они разительны, все-таки мало что изменят в представлениях человека предубежденного, а к нам в Карелию порой являются такие... Они обычно жалуют из-за рубежа. Многих может удивить сегодняшняя Карелия — прекрасная страна трудолюбивых патриотов. Поэтому-то обязательно надо увидеть ее собственными глазами, и глазами влюбленных в нее художников: и тех безвестных мастеров прошлого и, конечно, глазами нынешних художников, таких, как коммунист Суло Юнтунен и его сыновья-комсомольцы, запечатлевающие облик современной Карелии. Облик этот полон жизни, созидания и творчества и в то же время сохраняет неповторимую прелесть своих исконных черт — особой задумчивости, неповторимых природных красок, то ярких и звонких, то сдержанных и строгих.

Я убежден, что прелесть и своеобразие родного края входят в душу человека с детства.

Живое чувство восприимчивости к свету и добру всегда свойственно людям труда. Но раньше красивая душа, а точнее выражаясь, талант, способность к творчеству могли проявиться лишь у отдельных самородков вопреки гнетущим условиям существования.

Теперь мы строим жизнь, в которой труд неотделим от счастья. Неотделим от творчества, от полного и глубокого выявления всех душевных сил, всех скрытых способностей человека. Строим жизнь, где любовь человека к Родине, к окружающему миру с самого раннего возраста носит ярко выраженный патриотический характер и вместе с тем характер **интернациональный.**

У нас ведь республика тоже представляет собою братский союз многих национальностей. Я уж не говорю об основном народонаселении — карелах, финнах, русских, вепсах. У нас живут и представители многих других национальностей.

Владимир Ильич Ленин утверждал, что «для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе полнейшего национального равенства и братства». Воплощая великий ленинский завет, мы стремимся к тому, чтобы все граждане Карелии были советскими патриотами.

В одной из наших песен хорошо сказано:

«Моя Карелия,
душой красивая...»

В этих словах каждый житель Карелии выражает отношение ко всей советской земле. К Родине.

Хорошая, очень выразительная, светлая песня. Написали ее поэт Михаил Сысойков и композитор Николай Мишуков; оба наши, карельские. И, пожалуй, никто не споет эту песню лучше, чем самодеятельный хор учащихся профтехобразования: их молодежный ансамбль «Руны» — гордость Петрозаводска!

Руководители ансамбля Владимир Иванович Пячин и Василий Иванович Кононов сумели так серьезно, требовательно и вместе с тем интересно построить работу творческого коллектива, что «Руны» для многих юношей и девушек становятся как бы родным домом.

Незаметно, исподволь совершает искусство свою благородную задачу, формируя молодые сердца, приучая молодых людей чувствовать и понимать прекрасное. А это вовсе не такая уж легкая задача! Парень или девушка, приезжая в Петрозаводск из далеких деревень, поступают в профтехучилище, чтобы получить хорошую профессию, или, попросту говоря, «стать на ноги». Профтехучилища, конечно, дают молодежи такую возможность. Швеи, обувщики, пекари, маляры, парикмахеры, слесари... Пожалуй, нет такого дела, которому в училище человека не обучили бы! С первых же дней учебы всех подростков приглашают в зал, каждого послушают: «Ну-ка, спой, что знаешь»... Проверят слух и голос; предложат: «Пройдись по кругу под баян,— покажи, как танцуешь»... И что ж вы думаете, в каждом профтехучилище непременно есть свой хор, свои танцоры. А «Руны» — это уже как бы высшая ступень самодеятельности, высший ее класс. Сюда берут людей наиболее талантливых, преданных искусству. Глядишь, они уж и учиться кончили, и на производстве давно работают, и семьей обзавелись, и заочно высшее образование получают... И все же не расстаются с самодеятельностью. Вот хотя бы Валерий Гаврилов, председатель художественного совета ансамбля «Руны». Несколько лет назад он поступил в 7-е петрозаводское техучилище, где готовят монтажников для ком-

бинатов бумажной промышленности. Сразу же его взяли в танцевальную группу. С тех пор Валерий побывал в армии, вернулся, стал мастером и теперь уже сам воспитывает в училище молодых рабочих. А «Руны» привлекают Валерия по-прежнему.

— А если спросить у Валерия, не хочет ли он стать артистом профессиональным?..

— Мы спрашивали. Не хочет. И не только он один отвечает на такой вопрос отрицательно, а почти все его друзья: и певцы и танцоры — Шура Чернышева, Валерий Тиначев, Катя Рыбалкина... На вопрос о том, почему они не хотят учиться «на артиста», почти всегда следует ответ несколько неожиданный: «Так жить интереснее».

Давайте вдумаемся в эти совсем непростые слова. Ведь людям и правда становится интереснее жить, когда они вдруг почувствуют с гордостью и радостью, что владеют и сознательно выбранной профессией и к тому же могут, как говорится, выразить себя в творчестве, душу излить в песне или танце.

Человек ощущает жизнь свою полнее, глубже — значит, и сам становится богаче, красивее.

И сколько же у нас в Петрозаводске такой молодежи!.. Тут, знаете ли, когда слышишь иногда всякого рода сетования и укоры по адресу молодых, что, мол, чуда им до нас, да что, мол-де, в свое время мы не такими были, я всегда испытываю чувство протеста. Чудесная растет у нас молодежь! Только надо вовремя помогать ей найти и выразить себя. А это снова и снова требует своих умельцев, своих мастеров, своих энтузиастов — людей, влюбленных в творчество. А уж тут, как шутя говорит народная поговорка, почти всегда на ловца и зверь бежит!.. Если творческий человек твердо знает, что он нужен другим, то он всего себя им отдаст, откуда только и силы возьмутся!

Вот уже шла речь о Кононове, неистощимый это человек, удивительной доброты и щедрости! Ему ведь седьмой десяток идет, он же сам словно и не вспоминает об этом!.. Таков же по характеру и Василий Иванович Шашкин. Сейчас он работает в Кондопоге, а если поговорить с ним,— где-где только не собирал он народные таланты! Знакомился с ними по всей республике, растил, пестовал их...

Да и никто из них не мечтает об отдыхе, никто не собирается уйти на покой.

Еще один неугомонный человек, тоже будто бы не ведающий ни усталости, ни болезней, а на самом деле преодолевающий их силой духа, упорством натуры. Это Георгий Эрвандович Терацуянц, заслуженный деятель искусств, председатель Хорового общества республики. Через его руки так или иначе проходят все дела, связанные с дальнейшим ростом культуры и творчества, вся работа по дальнейшему расширению любительских самодеятельных хоров, да и самая учеба дирижеров-хоровиков... Удалось ли вам побывать на занятиях созданного им академического хора в университете? Ну, если удалось, значит, можно представить, какое при этом было испытано наслаждение!.. Где только ни побывали наши студенты со своими концертами, всюду люди диву даются: «Это — чудо!» Но мы-то знаем: это не чудо, а работа Терацуянца с молодежью.

Но вот удивительное дело,— Терацуянцу словно мало этих успехов. Не дают ему покоя огромные певческие аудитории таких республик, как, скажем, Эстония. Упрямо повторяет он слова Ушинского о том, что, мол, весь народ запоет только тогда, когда запоет школа. И вот уже создана у нас на базе обычной городской школы № 17 опытная школа-студия, где ребята — все до одного! — начинают петь с первого же класса. Вы там тоже побывали?.. Не правда ли, даже на уроке пения у первоклашек видишь в этих ребятишках по степени их увлеченности музыкой, песней таких же будущих пропагандистов прекрасного, какими являются комсомольцы ансамбля «Руны». Ведь у каждого из них такой неписаный закон есть: сам идешь заниматься, приведи с собой друга!..

Терацуянц — бывший ленинградец. Ленинграду мы вообще-то многим обязаны. У нас создан и уже третий год работает филиал Ленинградской консерватории. Из Ленинграда приехал — и тоже как будто прочно, навсегда обосновался в Петрозаводске — замечательный музыкант, дирижер нашего симфонического оркестра Александр Сергеевич Дмитриев. Мы гордимся им как победителем Всесоюзного конкурса молодых дирижеров. Проникновенный его талант всегда привлекает множество слушателей. И в том, что любителей серьезной симфонической музыки в республике становится с каждым годом все больше, немалая заслуга коммуниста Дмитриева. Попасть на его концерты становится теперь не так-то уж легко: случается, народ приезжает даже из дальних сел.

В селе Спасская Губа народным карельским хором руководят молодые Курашовы—муж и жена; видели эту славную дружную пару?.. Видели. Ну, конечно, они не могли не понравиться! Кстати, они тоже воспитанники Терацуянца.

Окончив музыкальное училище, Курашовы на новой, более высокой основе поистине творчески работают с этим давно уже существующим интересным народным коллективом. Альберт Курашов — способный музыкант-композитор, баянист, а Галя, его жена,— дирижер-хоровик. На их работу бывает и смотреть приятно; они передают людям свои музыкальные знания мягко, спокойно, будто играючи. А это ведь не так-то легко — работать с народом в деревне, в осеннюю пору, когда еще полно работы по хозяйству и темнеет рано, да и детишки у всех, чуть не в каждом доме... Но запаздывающих на репетицию певцов Галя и Алик Курашовы никогда не бранят, не попрекают: они ведь и сами только что управились со своим трехлетним сынишкой... Куда сложнее им приходится, когда Курашовы едут в Петрозаводск на концерт или на творческое совещание. Но все равно молодая пара везде неразлучна! Кстати сказать, мы их обоих хотим послать на учебу в Москву, в институт Гнесиных, на народное отделение. Такая молодежь — это завтрашний день нашей Карелии, наши творческие перспективы.

В начале беседы мы условились называть не цифры, а только имена людей, имеющих отношение к культуре и искусству республики. Но сколько же осталось не названо! А чтобы всех назвать, пришлось бы составлять длиннющие списки, и все равно места не хватило бы. Но вы, наверное, заметили самую интересную сторону творческой жизни нашего народа: у нас профессиональное искусство и самодеятельная творческая жизнь как бы переплетаются.

А как наши коллективы встречают всегда в селах и городах нашей страны и за рубежом! Особенно в дружественной Финляндии, с которой мы связаны тесными творческими отношениями.

Карелия всегда была страной людей, красивых душою, и «Калевала»—эпос поразительный по философской глубине и силе обобщения — образно выражает мысль о том, что человеческое счастье вообще невозможно вне труда. Счастье — это и труд и творчество, слитые воедино, вот скрытое значение главного образа «Калевалы» — образ Сампо... Кто забыл «Калевалу», пусть перечитает, как кует Сампо неутомимый Илмаринен. Кует,

Взяв конец пера лебёдки,
Молока от той коровы,
Что яловою осталась,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив...

Почему он взял все это для Сампо? Да потому, что Сампо требует самых ценнейших продуктов человеческого труда!.. И все равно не достигает Илмаринен желанной цели: ему удается выковать лук, плуг и лодку—тоже вещи, необходимейшие для жизни людей,— но он снова переплавляет их, и снова начинает ковать Сампо — счастье Родины.

Но долго, очень долго лежала самомолка Сампо на дне морском. Так гласило предание.

Наконец, приходит время,

Дал всю власть народу Ленин...

Это уже сегодняшние, народные сказители Карелии продолжают складывать руны нового времени. Осмысливая образы «Калевалы», они наполняют их нынешним, революционным содержанием, стремясь сохранить их вечную, нетленную красоту.

...Дал всю власть народу Ленин!.. Эти слова народ Карелии перелагает на музыку; поет их; воплощает в сценическом творчестве. Иначе говоря, отражает многоцветно и многосторонне высокую культуру, обретенную благодаря Ленину, благодаря партии Ленина... И невольно вспоминаешь ленинские слова, имеющие ко всему этому разговору прямое отношение:

«Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный «уровень культуры», ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы».

Вот откуда идет душевная красота Карелии!.. Она растет и множится, по вещим ленинским словам, на основе родной рабоче-крестьянской власти. На основе советского образа жизни, вовеки нерушимого.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Гамбург — старый, темнобурый, островерхий, шпилевой, портовый, сырой.

Гамбург — современный, пастельный, невесомый, стеклянный. Новый центр — как светлая начинка в темном шоколаде старого Гамбурга.

Гамбург — вечерний. Слепящий, маскарадный, неузнаваемый, калейдоскопный. Медлительный и суетливый.

Мои гиды водят меня по Гамбургу. Мои три добровольных гида. Три студентки с факультета славистики. У каждой из них есть свой любимый маршрут, своя любимая улица, переулок, дом. У каждой свой самый любимый, самый прекрасный Гамбург. Три самых прекрасных Гамбурга, три пары ревнивых глаз — куда же: направо, налево? А у меня только полтора часа свободного времени. Все перекрестки, повороты, разветвления улиц вызывают у моих гидов панический вскрик: «Момент!» — после чего я минуты две озираюсь одна по сторонам, а гиды мои тихо, но страстно переругиваются, стоя неподалеку. Наконец моя участь решена. Дора, потная, взъерошенная, прерывисто дыша, как после трудного поединка, берет меня под руку и, победно глядя на Беату с Марьям, ведет к платановой аллее.

Дора очень хорошо говорит по-русски. Она собирается заниматься историей Восточной Европы. Юбка у Доры длиннее, чем у большинства ее сверстниц. Ходит она очень решительно, при каждом шаге вытягивая вперед шею, выставляя плечи, будто желая отделиться от мерно спешащих ног. Глаза у Доры под толстыми стеклами очков боязливы и безресничны.

— Вы уже видели нашу ратушу? — спрашивает она меня.

— Да,— говорю.— Очень красивая ратуша.

Дора прекрасно говорит по-русски. А вот я... Никак я не ожидала, что мой русский доставит мне столько трудностей...

— Ну, как здорово! Как хорошо! — обрадовалась я, когда меня познакомили с тремя девушками, изучавшими русский язык.

— Беата, Дора, Марьям.

— Беата, Дора, Марьям,— повторила я в восторге; теперь мне не придется пояснять нелепыми жестами с трудом подыскиваемые слова, округлять для выразительности глаза и время от времени суетливо и жалко переспрашивать: «Вы меня понимаете?»

Но радость моя оказалась преждевременной. Увлеченная разговором, я вдруг заметила перемену в выражении лиц моих собеседниц. Только что оживленные, общительные, они как бы затормозились в недоуменной, смущенной полуулыбке.

— Слишком быстро говорю? — догадалась я.

ЧЕТВЕРО И ГАМБУРГ

— Да.— Дора поправила очки.— Если можно, чуть медленнее.

— Ну, конечно.— Я сбавила темп, старательно выговаривая слова, после каждой фразы делая маленький люфт — вдох, выдох, придерживая себя, чтобы не пуститься в бешеную скачку.

Как трудно! Как, оказывается, трудно говорить медленно! Как трудно заботиться, чтобы каждое твое слово было понято, и важно, чтобы правильно понято. Как, оказывается, много накопилось у меня «неправильностей» в русском языке, тех «неправильностей», без которых речь моя задыхается, как астматик, но которые я вынуждена избегать, так как лицо у Доры напряженно и внимательно, а улыбка все застенчивей, смущенней.

— Мы, конечно, плохо еще владеем русским...

Нет, честное слово, нет! Вы прекрасно говорите по-русски, милые Беата, Дора, Марьям. Это я виновата, что вы не всегда меня понимаете. Я спешу, сбиваюсь на скороговорку... Я постараюсь говорить медленнее. Да, да, я буду говорить медленно и разборчиво. И терпеливо ждать при переходе зеленого света. Правда, когда нет машин, как-то странно дожидаться разрешения от светофорного автомата. Но вы так почтительно взираете на него и так послушно стоите у пешеходной «зебры», что я, конечно, тоже обожду. Раз так у вас положено... Ведь я гость... И говорить буду медленно-медленно, чтобы вы меня поняли. Мне очень важно, чтобы вы меня поняли...

Мне нравится ваш город. Мне кажется, что я поняла его, хотя сегодня впервые встретилась с ним. Но ведь первая встреча — самое важное в знакомстве. Мне так кажется. Как с людьми, так и с городами. Все последующие подробности — поступки, улицы, переулки — это только подтверждения угаданного в самом начале. И мне кажется, что я правильно угадала город Гамбург. Есть города-музеи. Сказочно красивые. Посмотрите направо, посмотрите налево... Будто листаешь рекламный проспект. Интересно, но утомительно. И стараешься запомнить все памятники, все достопримечательности и шныряешь по такому городу нерадивым учеником, бестолковым туристом. А есть города, в которых не боишься заблудиться. В которых чувствуешь себя свободно, по-домашнему. Такие города могут быть большими или маленькими, красивыми или некрасивыми. Но в них каждый закоулок, каждый тупичок продуман, обжит заботливыми жильцами. И нет гостевой показухи, то есть, может, и есть, но она не бросается в глаза. Вот поэтому мне нравится Гамбург. Я бы не заблудилась в таком городе.

Я почти гамбуржец. Я знаю, как добраться до порта, знаю, где находится ратуша, где собор св. Михеля, где консерватория. Мне уже все привычно в этом городе. Еще немного — и я обнаглею настолько, что буду объяснять прохожим, как скорее дойти до центра. Я забрасываю монетку в настенный автомат с жевательными резинками, подставляю ладонь, кладу резинку в рот и следую дальше, лениво поглядывая по сторонам. Прямо — коренной житель Гамбурга, налево — памятники, направо — витрины магазинов. Голубоватые манекены в судорожно-балетных позах. Башенные постройки консервных банок.

Марьям, маленькая, тоненькая, с детским выпуклым лобиком и светлыми колечками волос на голубоватых висках, останавливается у магазина с женскими украшениями.

— О,— говорит она,— как красиво!..

И приподнимается на цыпочки, чтобы заглянуть в глубь витрины. На лице у нее тот наивный восторг, какой, наверно, был у героини гофманского «Щелкунчика», когда она смотрела на подарок волшебника-крестного. «О, как красиво!..»

— Мы еще успеем показать вам Альсту,— говорит Дора.

Голос у нее недовольный, глаза осуждающе смотрят на Марьям. Марьям поправляет свои красивые волосы и улыбается. Дора, не взглянув больше в ее сторону, уходит, при каждом шаге как бы с силой выбрасываясь вперед всем своим нескладным, худым телом. Неумолимая, строгая Дора...

— Мы поедем на метро,— говорит она мне.— Правда, оно у нас не такое красивое, как ваше, московское.

В прошлом году Дора побывала в СССР с туристской студенческой группой. И теперь, показывая мне свой родной город, она все время прерывает свои объяснения воспоминаниями о Москве, Ленинграде, Киеве. Мы входим в метро. Дора сует мелочь в окошечко кассы, пропускает меня вперед к контрольному барьеру. С лица у Доры сегодня не сходит выражение напряженной озабоченности. Есть такие люди, которые самым серьезным образом искренне болеют за то, чтобы все прошло «в лучшем виде», без, боже упаси, каких-то там экспромтов, неожиданностей. Вот Дора из таких. Она все время забегает вперед, будто желая предупредить все эти неподготовленности, срывы. Она так переживает за все недостатки, несовершенства, что мне постоянно приходится ее успокаивать.

— Ну что вы, Дора, очень красиво,— говорю я.

А она, как занудливая хозяйка, ожидая похвал своему кулинарному искусству, начинает извиняться за подгоревший пирог.

— Да,— скорбно качает она головой, глядя на огрызок яблока у себя под ногами,— грязно. А у вас в метро — мрамор, чистота...

— Ничего, это не имеет значения,— говорю я, боясь, что сейчас Дора, вдохновленная хозяйским рвением, заставит меня подождать у входа в метро, пока она наведет там порядок.

— И эскалаторы у вас гораздо длиннее...

Действительно, эскалаторы в гамбургском метро короткие. И очень длинные туннельные переходы. Идешь — и конца такому переходу не видно. И людей в метро мало, не то что у нас. Правда, сегодня суббота, короткий рабочий день закончен. Может, переходы и кажутся такими бесконечными, потому что пусты и гулки. И только наши шаги слышны — цок, цок. В бетонной, серой, гулкой тишине длиннющего туннеля — наши шаги. Странно и неловко. Будто тебя неожиданно вытолкнули на сцену, под яркий свет юпитеров, в выжидающую тишину зала.

Я совсем отвыкла от тишины. Все дни моего путешествия были хлопотливы, волнительны, постоянно подстегиваемые боязнью пропустить что-нибудь интересное — музей, памятник, уличную сценку. И все это время я не замечала своего громкого голоса, шума своих шагов. Я была вместе со всеми, вместе со всеми смотрела, бежала, опаздывала. Мы делились между собой новостями, увиденным и услышанным. И получалось так, что все эти новые страны, новые города и люди были для нас почти сновидениями, реальность которых мы пытались установить, бросаясь к сувенирным ларькам, скупая открытки. Но мы постоянно были вместе. И каждый из нас был частицей того, что давало нам уверенность и спокойствие, доброжелательность к увиденному и гордость тем, что ждет нас дома. Все было тогда легко, понятно и привычно. И я совершенно не прислушивалась к звуку собственных шагов. Громок он был или тих? Установить это было трудно. Я шла вместе со всеми. А сейчас мне казалось, что к шагам моим прислушиваюсь не только я. И именно сейчас я как-то неожиданно поняла, что я не дома и что каждый шаг мой ответствен...

Я шла, справа от меня шли Марьям и Беата, слева — Дора. Туннель бесконечен, и только наши шаги слышны.

Вдруг с другого конца туннеля, позади нас, послышался грохот. Он подкатывался все ближе к нашим спинам, становился все отчетливей. Сначала это был просто грохот. Потом можно было уже разобрать отдельные выкрики, хохот, визг труб. Но все эти звуки тонули и заглушались мерным, все более и более приближавшимся к нам вышагиванием десятков ног. Очень организованным вышагиванием. Так не ходят п р о с т о подвыпившие компании, так не хохочут п р о с т о пьяные, загулявшие люди. Нет, эта организованность и мерность, с которой они шли, и какая-то особенная оголтелость песни, которую они распевали, напомнила мне, напомнила мне...

Да, я знала, что в то время, когда наш теплоход «Мария Ульянова» прибыл в Гамбург с миссией мира, когда сотни немцев пришли встречать нас с цветами и музыкой, что в это время другие немцы здесь же, в Гамбурге, здесь же, недалеко от порта, участвовали в съезде фашистской организации. Я слышала за своей спиной мерное вышагивание и вспоминала улыбающиеся лица встречавших нас немцев и как немцы эти гадливо морщились, говоря о т е х, которые там, на фашистском митинге.

— Вы не думайте, и х совсем мало,— говорили они нам, как бы оправдываясь.— Вы не думайте, их совсем маленькая горсточка.

За моей спиной раздавалось мерное вышагивание, будто тысячи пуль, эти шаги ударяли мне в спину. Мы шли не оглядываясь. Ни я, ни Марьям, ни Дора, ни Беата не оглянулись ни разу. Я только видела, как напряглось лицо Доры и как Марьям нервно смахнула прядку волос с детского, выпуклого лба. Я знала, что нельзя оглядываться. Я помнила, что нельзя оглядываться. Меня никто этому не учил. Наверное, этому вообще не учат. Я просто п о м н и л а, что значит такое мерное вышагивание, помнила такие оголтелые голоса. Я все это помнила. И знала, что оглядываться нельзя...

Мы шли по бесконечному туннелю, и впереди ни одного человека, а сзади только десятки шагающих ног. Все ближе, ближе. Так. Уже можно обернуться. Уже все. Спокойно, медленно обернуться и посмотреть им в лицо. Если есть у них лица, у этих десятков ног...

Я обернулась, и одновременно со мной обернулись мои спутницы, будто только и ждали этого моего движения вполоборота, медленно, туда, назад...

— Ой! — Дора рассмеялась.— Ну и смешные у нас болельщики! Вы знаете, наши болельщики, возвращаясь с футбола, так ужасно шумят! — Она еще раз рассмеялась. Как-то нарочито громко, с облегчением.— Посмотрите, какие смешные!

Действительно, очень смешные мальчишки, в ярких майках, кедах, с потными, загорелыми лицами, прошли мимо нас, трубя в свои дурацкие игрушечные дудки, возбужденно размахивая руками, обсуждая прошедший матч.

И мы заговорили о спорте, о том, кто какой вид его любит, заговорили все разом, смеясь и перебивая друг друга.

И я вспомнила, что за все время, пока мы шли по бесконечному туннелю, никто из нас не произнес ни слова.

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ САХАРУ

А. ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Из столичного аэропорта Шереметьево по новой трассе Москва — Лагос отправился воздушный лайнер ИЛ-62. На его борту — первые пассажиры и делегация работников Аэрофлота во главе с заместителем министра гражданской авиации СССР Николаем Петровичем Быковым. В состав делегации входила и группа московских журналистов.

Новая воздушная трасса — одна из самых протяженных — 12 часов 30 минут пути с посадкой в Тунисе. Именно для таких дальних дорог и создан ИЛ-62. Ведут наш самолет экипажи командиров кораблей Марселя Владимировича Тихонова и Николая Ивановича Рубцова. Старшим на борту — командир подразделения заслуженный пилот СССР Николай Алексеевич Сафронников. Я спросил его:

— В чем особенности нашего рейса?

— Мы в какой-то степени первопроходцы. Раньше в Лагос на ИЛ-62 никто не летал, взлетно-

посадочная полоса там маловата для таких гигантов, как наш лайнер. А это требует особой точности при посадке и взлете.

...Приземляемся в Тунисе. Заправляемся горючим — и снова в воздух. Под нами Сахара.

Час за часом летит самолет, а внизу все те же безбрежные пески, застывшие в мертвой зыби. Спрашиваю штурмана Героя Советского Союза Владимира Федоровича Рощенко: «Когда кончится Сахара?» «Через пятнадцать минут»,— отвечает он. И вот под самолетом тропические леса, полноводный Нигер. Прыжок через Сахару свершен. Еще несколько часов пути — и наш ИЛ-62 приземлился на лагосском аэродроме. Вышли из самолета. Небо хмурое, вот-вот пойдет дождь, а жара — 30 градусов.

Приветствуя делегацию Аэрофлота, министр транспорта Нигерии господин Тарка сказал о большом политическом значении, которое имеет для его страны открытие прямого воздушного сообщения между Лагосом и Москвой. Открытие новой авиалинии будет содействовать дальнейшему расширению контактов между нашими странами и укреплению дружбы между ее народами.

Николай АСАНОВ,
Юрий СТУРИТИС

ЧАЙКИ ВОЗВ

РОМАН

Рисунки В. ВЭТРА.

14

В самолете за кабиной стрелка-радиста и его спаренными пушками оказался штабной салон, рассчитанный на четырех пассажиров. Казимир увидел Малого Джона, но даже знака ему не подал. Два других места занимали офицеры, недоброжелательно поглядывавшие на штатских, тем более что Малый Джон, по привычке, был даже без шляпы, как будто вышел просто прогуляться по весеннему Лондону. Зато Казимир был одет франтом — это ему посоветовала Нора. Плащ-пальто, отличный костюм, полушляпа-полукотелок, узкий темный галстук, золотое кольцо на пальце — все как у крупного коммерсанта-вояжера или видного чиновника. Даже чемодан не подделка под кожу, как у военных, а настоящий кожаный — все говорило о респектабельности Казимира.

Он посмотрел на серо-сизые воды Ла-Манша, нашел взглядом дуврский маяк, а потом и паром, на котором переправлялись пассажирские поезда в Европу, но тут же замелькали линии виноградников, белые строения — это уже была Франция.

Границы между Германией и Францией он так и не заметил, просто увидел под ногами голубую линию, догадался: Рейн.

Самолет начал падать, под ложечкой стало посасывать, но вот зашуршали шины по бетону, в ушах застыла вязкая тишина, и самолет остановился.

Машины подкатили прямо к самолету — «виллисы». Шоферы с сержантскими знаками застыли у трапа, каждый ждал одного пассажира. Когда Лидумс появился на трапе, снизу позвали: «Господин Казимир?» И Лидумс уселся в военный автомобиль, не оглядываясь. Шофер-сержант сунул чемодан назад, сел на свое место, и машина пошла со скоростью в семьдесят миль, так что Лидумс не успел даже прочитать название города на дорожном указателе.

Он увидел только название отеля: «Альдона». И тут шофер затормозил, вынес чемодан и поставил у конторки, после чего откозырял и исчез. А портье уже вопросительно спрашивал: «Герр Казимир?» — с ударением на первом слоге и протягивал ключ. Подросток-бой подхватил чемодан, провел к лифту, нажал нужную кнопку, и Казимир вознесся на двенадцатый этаж. Там его передали с рук на руки коридорному, щелкнул замок, и он оказался в довольно приличном номере, только тут вместо копий с Тернера висели копии с картин Дюрера: какой-то ад, какой-то рай и еще что-то жирно-поповское или библейское, только физиономии у всех запечатленных на картинах были подлинно бюргерские, вот сейчас поднимут высокие кружки с пивом и потребуют боквурст. Лидумс опустился на стул и вздохнул: приключения ему уже надоели, а уйти от них он не мог.

Было десять часов утра. Что он будет делать до шести вечера? Пожалуй, спать...

Перед вечерним выходом он побрился еще раз, принял душ и был готов к действию.

Он понимал, что этот предоставленный ему день отдыха Малый Джон провел совсем иначе. Наверное, связался с теми, кто их вызвал или пригласил, может быть, провел длительную проверку Казимира, а может, согласовал цены, по которым будет продавать себя и того же Казимира. Так или иначе пора было идти на условленное свидание.

Однако до этого он позвонил портье, передал телеграмму Норе. Никаких особо нежных слов не писал, просто сообщил, что прибыл благополучно. Но Малому Джону не вредно знать, что его подопечный герр Казимир имеет возможность общаться непосредственно с секретаршей начальника «Норда». А что Малый Джон об этом узнает, Лидумс не сомневался.

Он еще раз оглядел себя в зеркало: ничего, подходяще. А теперь держись, Малый Джон и вы, господа ами!

Он спустился в знакомый вестибюль, увидел справа украшенные огнями двери бара и прошел туда. У стойки остановился, заказал виски со льдом и всмотрелся в зеркало, опоясывающее верхнюю часть буфета за стойкой. Эти зеркала придуманы недурно. Можно видеть весь почти зал, не показывая своего любопытства. И тотчас увидел Малого Джона. Тот сидел со скучающим видом один за столиком и потягивал мюнхенское пиво. Казимир отошел со своим бокалом к столику, спросил: «Не позволите ли присесть?» — на что Малый Джон только сердито ответил: «А да бросьте вы все эти инструкции! Это вам не Лондон, папаша Маккибин за нами не присматривает!»

Лидумс не очень верил тому, что папаша Маккибин не присматривает, но улыбнулся дружелюбно, спросил, может ли Джон оплатить его рюмку виски, он, видите ли, забыл деньги в Лондоне на столе в своей городской квартире...

Джон тоже заулыбался, даже такая избитая шутка оказалась нужной ему в этот скучный час. Заказав себе виски, он перешел к делу.

Ами еще не готовы принять их. Весь вечер сегодня и полдня завтра свободны. Не соблаговолит ли мистер Казимир разделить с Джоном компанию за неимением лучшего? Он, Джон, часто бывает здесь, а совсем недалеко, в Миндене, у него есть подружка, которую ему, Джону, хотелось бы навестить. У его подружки, естественно,

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43—46.

РАЩАЮТСЯ К БЕРЕГУ

Ну что ж, Казимир готов испытать неведомое! Но как с деньгами?

Ну, Маккибин на этот раз не поскупился, выдал вдвое больше, чем выдавал раньше. Как видно, хотел, чтобы ами не могли упрекнуть его в скупости...

Но какое-то беспокойство еще грызло Джона. Он вдруг огляделся по сторонам и снизил голос:

— В «Альдоне» живут несколько наших сотрудников. Нам придется быть осторожными! — напомнил он.

— Слушаюсь, сэр!

— Перестаньте шутить, Казимир! Какое-то дурацкое недоверие захлестнуло весь мир! Ну, кому какое дело, где проведут свободный вечер два джентльмена? Так нет, обязательно найдется око недреманное! Но на этот-то раз мы их перехитрим!

— А что, часто не удается?

— Не будем об этом! — Джон перешел на инструкции.— Наши номера рядом. В восемь вечера я постучу вам в стенку, вы сразу выходите и идите к лифту. Ключ у портье не оставляйте, ступайте прямо на улицу. В табачном киоске купите пачку сигарет. Сейчас я разменяю деньги, а сдачу оставлю вам. Я пройду мимо киоска, и вы пойдете за мной. Когда я обернусь, можете подойти ко мне.

— К чему такие сложности? — попытался запротестовать Лидумс.— Мы ведь идем не на акцию! — Его действительно удивляло, что какую-то прогулку в ночной кабак или еще куда Джон обставляет такими таинственными приготовлениями.

— Портье и табачный торговец наверняка следят за посетителями отеля. А откуда я знаю, для кого они следят? Может быть, для нас, может, для ами, а может быть, и для немцев. Не забывайте, что мы нырнули в самый центр международного шпионажа. Конечно, это не значит, что каждый второй проходящий по улице — шпион, однако

есть своя подружка, почему бы им не развлечься с этими приятными подружками?

Лидумсу стало совсем весело. Значит, бедняга Джон не знал, как оставить своего подопечного без присмотра! А Джон продолжал все горячее убеждать:

— Вы же совсем не знаете нашей жизни на Западе! Почему бы не воспользоваться тем, что посылает фортуна? Девушки, несомненно, будут рады, а так как они работают за деньги, то за их здоровьем следят специальные доктора да и полиция, так что опасаться нечего. А мне, признаться, до смерти надоела чопорность там, дома, и уж если представился случай, не дурно бы пуститься во все тяжкие! И когда еще появится новая возможность? Теперь наша работа в ФРГ сокращается, эти проклятые ами все прибирают к своим рукам. Последний раз я был здесь как раз в те дни, когда мы ждали вашего приезда...

же в Содоме и Гоморре не нашлось и семи праведников...

— И господь бог правильно сжег эти города! — подхватил Лидумс.

— Боюсь, что теперь у него меньше возможностей! — угрюмо откликнулся Джон.

— Не скажите! А водородная бомба?

— Тут бог ни при чем!

Странно было слушать эти откровения от работника английской разведки. Должно быть, Джону изрядно надоело вечное угодничество и подчинение. Лидумс умолк, только подал знак лакею, подняв два пальца. Тот немедленно повторил заказ.

В восемь вечера они осторожно выбрались из отеля. Через четверть часа были на вокзале. Там сели в один из поездов и поехали в Минден.

Минден действительно ничем не напоминал скучный административный центр Херфорд, из которого они приехали сюда. Этот городок был словно нарочно приспособлен для разгула. На каждой улице — несколько кабаков, клубов, ресторанов. Везде толпы гуляющих, тут же «одинокие» женщины, ожидающие приключений или просто заработка. Было девять часов вечера, и этот старонемецкий город с претензией на готику словно взрывался от джазовых мелодий, автомобильных гудков, перезвона трамваев. Музыка доносилась из открытых окон, из танцевальных залов, из кабаков. И все вокруг было залито дрожащим светом реклам и разукрашенных витрин. Казалось, тут длится какой-то странный праздник, от которого все уже устали, но остановиться не могут.

Малый Джон быстро миновал ярко освещенный центр и остановился только на маленькой площади, от которой уходила темная узкая улица.

— Это улица Лох,— сказал он.— Улица, отданная любви...

Улица была узкая, темная, по ней еле-еле могла проехать автомашина. Но нижние этажи почти во всех домах пылали от яркого света. И в каждом освещенном окне восседали полуголые сирены любви. Малый Джон медленно шел по улице, подталкивая Лидумса плечом всякий раз, когда хотел привлечь его внимание к этим «живым картинам».

За окнами эти женщины были похожи на рыб в аквариуме. Они делали призывные знаки прохожим — по улице и в ту и в другую сторону шли только мужчины, останавливались, разглядывали товар, и то один, то другой вдруг нырял в мгновенно распахивающуюся и тут же закрывающуюся дверь. И окно рядом с дверью гасло, а изнутри дома слышалась музыка, чаще сентиментальная, по-видимому, там включали магнитофон...

Женщины были и молодые и пожившие, блондинки и брюнетки, так сказать, на любой вкус. Одни ели конфеты или пирожные, другие пили, третьи раздевались или одевались, но все происходило деловито, трезво, и тем более страшным казался Лидумсу этот странный парад манекенов.

Малый Джон провел своего спутника по одной стороне улицы до самого конца ее, где открывалась новая маленькая площадь, залитая безразличным светом реклам и витрин. Тут он остановился, спросил:

— Ну как, нравится?

— Нет! — Лидумс отрицательно покачал головой. Но, не желая обижать спутника, пояснил: — У нас эти жрицы любви тоже занимали несколько улиц,— Рига ведь портовый город! — но меня они никогда не привлекали.

— А я думал, что все художники любят богему...— разочарованно протянул Малый Джон.

— Я совсем не хочу лишать вас удовольствия и буду сопровождать куда угодно, только уж извините, если воздержусь от некоторых развлечений.

— Я так и знал, что вы, Казимир, свой парень! — обрадовался Джон и, подхватив Лидумса под руку, перевел на другую сторону улицы.

Их странное несоответствие: белокурый гигант в шляпе и об руку с ним маленький, простоволосый человечек — вызывало улыбки женщин за окнами. Они простирали к ним руки, манили их, смеясь, но Малый Джон упрямо шел дальше. Наконец он остановился, отыскал кнопку звонка и позвонил. Вход был рядом с широким, почти квадратным окном, за которым какая-то женщина в одном белье натягивала на длинную ногу черный чулок.

Дверь отворила высокая полная женщина лет сорока или даже больше. Увидав Малого Джона, она обрадованно улыбнулась, протянула руку и похлопала его по щеке:

— Опять здесь, мой мальчик?

— Да, на несколько дней!

Она приняла от них пальто и провела в крохотную гостиную, из которой три двери вели в другие комнаты, спальни, как догадался Лидумс, и в «витрину» с квадратным окном. Женщину он принял за «хозяйку заведения», она была несколько староватa, чтобы зазывать гостей. Каково же было удивление, когда он понял, что это и есть возлюбленная Джона!

Однако «возлюбленная» отнюдь не забывала о деловой стороне в своих отношениях с Джоном. Ее первые слова были:

— Деньги вперед, мой мальчик!

Джон вытащил бумажник и отсчитал пятьдесят марок. Лидумс видел, как жадно женщина разглядывала толстую пачку, от которой Джон отделил ей эти кредитки. Но она тут же принялась накрывать на стол, кликнула в сторону комнаты-«витрины»: «Эмма!» И женщина в пеньюаре вошла к ним.

Джон представил женщинам своего друга «мистера Казимира», старшая назвала себя Эльзой, все заговорили по-немецки, так что Лидумсу пришлось сознательно коверкать язык, чтобы сойти за англичанина хоть по акценту. Но так как их «друг» был действительно англичанином, то и Лидумс сошел за англичанина, а за хорошее знание немецкого его даже похвалили.

Пиршество сразу начало принимать угрожающие размеры. Вместо одной бутылки «корна», о которой, как помнил Лидумс, договаривался его спутник, на столе появились сразу три; кроме того, для «дам» — бутылка мозельского и бутылка шампанского, хотя «дамы» тоже предпочитали «корн», затем бутылки кока-колы, соки, какие-то консервы — одним словом, Джон «загулял».

Пить он явно не умел, а может, хотел хоть чем-нибудь похвалиться перед этими женщинами и Лидумсом, потому что выпил сразу несколько рюмок и через полчаса был уже пьян. А пьяный оказался задиристым, несговорчивым, и Лидумс понял: придется его оставить...

Лидумс простился с женщинами, напомнил, что утром Джон должен быть «в конторе», и ушел из этого «чайного домика», устроенного на такой истинно немецкий лад.

До вокзала было не больше километра, и Лидумс прошелся по затихающему городу. Толпы на улицах поредели, но рестораны, кафе и танцевальные залы, бильярдные и кино работали с тем же напряжением, как будто всем этим гулякам оставалось прожить одну только ночь.

На вокзале Лидумс узнал, что следующий поезд пойдет только через четыре часа — последний ночной поезд перед утренними рабочими поездами. Ну что ж, он найдет, чем занять это свободное время! В первый раз он оказался по-настоящему один за все эти напряженные месяцы, никто его тут не знает, никто не следит за ним, можно подумать и о своем деле...

В почтовом отделении вокзала он купил несколько открыток с видами Миндена, пожалел, что нет на этих открытках улицы Лох — вот бы посмеялся Будрис, получив такую открытку и просмотрев путеводитель по Миндену! — но и открытки со старинной ратушей и старым костелом тоже сойдут, друзья поймут, что он находился не так уж далеко от них, в центре Федеративной Республики Германии. Устроившись поудобнее, он написал несколько открыток, вписал в каждую по одной-две в Латвии еще обговоренные фразы... Открытки получились вполне милые, невинные, а то, что надо из них понять, дома поймут...

Из висевшего на стене расписания он выяснил, что скоро пройдет поезд в Восточную Германию. Этого поезда он и дождался, а потом бросил в щель почтового вагона свои сообщения и снова пошел в город.

Раз уж он все равно застрял в ночном Миндене, надо выручить Джона...

За час до отхода ночного поезда он снова был у домика с квадратным окном. Теперь окно было не освещено, но даже с улицы слышался шум продолжающейся попойки.

Лидумс позвонил. Дверь открыла Эмма. Она была сильно пьяна, но держалась на ногах крепко.

— А, это вы! — равнодушно сказала она.— Пойдемте ко мне?

— Нет, я за приятелем.

— Ну и хорошо, а то он так разошелся, что мы с Эльзой не знаем, как его выставить. Соседи сверху могут позвонить в полицию.

«Этого еще не хватало!» — подумал Лидумс и прошел в гостиную, не снимая пальто. Число бутылок значительно увеличилось, почти все были пусты. Эльза пыталась надеть на Джона его пиджак, а пьяный сопротивлялся, крича, что желает еще вина и любви. Лидумс рывком поставил «друга» на ноги, женщины помогли одеть его и, подталкивая в спину, выпроводили из дома.

На улице Джон еще пытался вырываться, но тут Лидумс уже не стеснялся: натер ему уши, чтобы хоть относительно привести в чувство, взял под руку и повел.

Джон попытался было удрать еще с вокзала, но тут подали поезд, и Лидумс втолкнул пьяного в вагон. В Херфорде он взял такси и доставил Джона в отель.

Утром Джон пришел в номер крайне расстроенный: у него пропали все деньги, выданные полковником на поездку.

— Так съездите в Минден и потребуйте их у Эльзы! — посоветовал Лидумс.— На билет у меня еще найдется из той десятки, сдача с которой осталась у меня.

— Так она и отдаст! — уныло сказал Джон.— Во-первых, она наверняка поделилась добычей с полицейским своего района. Во-вторых, полиции будет небезынтересно узнать, кто я такой. В-третьих, сегодня же к вечеру полицейская телеграмма будет лежать у Маккибина на столе...

— Да, вы, по-видимому, лучше знаете здешние порядки! — посочувствовал Лидумс.— Но все-таки пойдемте пока позавтракаем. Насколько я понял из лежащего в письменном столе проспекта отеля, стоимость завтрака входит в оплату номера?

— А на что мы станем обедать? — уныло спросил Джон.

Лидумс думал. Эта история ставила Джона в некоторую, пусть и неловкую, зависимость от спутника. Если же еще и помочь бедняге, он будет долго благодарен Лидумсу. Он взглянул на кольцо Норы, на свои золотые часы и медленно снял все это с руки.

— Хватит нам этого на первое время?

— Боже, что вы хотите сделать?

— Надеюсь, что мы избежим при помощи этих вещиц некоторых неприятностей,— возразил Лидумс.— Пойдемте поищем какого-нибудь скупщика...

— У меня есть знакомый офицер из немецкой администрации, я позвоню ему, он одолжит мне сотню-другую...

— Это тоже можно сделать, тем более что я не представляю, сколько нам могут дать за часы и кольцо. Но сначала займемся этой продажей.

Какой-то букмекер, сидевший в лавочке под вывеской «Тото», вручил за часы Лидумса семьдесят марок, а за кольцо — сто девяносто. Лидумс поинтересовался, не может ли герр покупатель переправить в течение ближайших недели-двух кольцо в Лондон. Там Лидумс выкупит его за двойную цену.

— Вы с ума сошли! — проговорил Джон.

— Видите ли, милый Джон, о том, что у меня есть это кольцо, знают в отделе. Часы я еще могу потерять, а кольцо — довольно сложно. И потом, на нем выгравированы инициалы...

Немец безразлично слушал их переговоры на английском, хотя Лидумс и подозревал, что он отлично понимает их. И действительно, немец позвонил кому-то по телефону, потом только спросил:

— Куда доставить кольцо в Лондоне?

Лидумс назвал свой адрес, условился о сроке. Немец даже скинул назначенную самим Лидумсом цену выкупа до трехсот марок.

Передав Джону деньги, полученные за часы и кольцо, Лидумс облегченно сказал:

— Ну, а теперь завтракать! И я не откажусь от рюмки виски или «корна».

— Вы меня спасли! — воскликнул Джон, укладывая деньги поглубже.— Но своему знакомому я все-таки позвоню...

— Хотите еще раз прокатиться в Минден?

— Избави бог! Но после инспекционной поездки нам придется устроить прием для ами. Полковник особенно на этом настаивал. И вообще мне, как официальному представителю отдела, просто неловко чувствовать себя бродягой без денег.

Утром в отель приехал немец-подполковник и привез Джону двести марок. Таким образом «первоначальный капитал» был восстановлен, а самое главное — печальное приключение сблизило двух новоиспеченных друзей. Оставалось лишь получить в Лондоне кольцо, а часы могут быть не золотые...

15

Они вернулись в отель к двум часам пополудни, но их никто не ждал. Малый Джон разнервничался, принялся ругать «проклятых ами», которые обращаются с англичанами, как с собственными лакеями. Лидумс понимал, что беспокоит его не только это пренебрежение, он побаивается, вдруг ами выследили их в Миндене.

Лидумс сидел в номере у Джона, читал немецкие газеты, а Джон, придвинув безмолвный телефон к дивану, угрюмо лежал, пил воду,— должно быть, похмелье еще не выветрилось. Часов в шесть он поднялся, спустился вниз, взял бутылку виски. Когда бутылка опустела, пошли ужинать.

Но и следующий день прошел в таком же напрасном ожидании. Теперь они покидали номер Джона по очереди, боясь, что их не застанут. И вдруг около восьми часов вечера в номер постучали. Валявшийся на диване Джон вскочил, кое-как пригладил волосы, бросился к двери. Вошел молодой, лет двадцати пяти, человек в штатском костюме, в пальто, без шляпы, с зачесанными назад пепельными волосами, круглолицый, веселый, воскликнул:

— Хелло, я Эал, которого вы ждете с таким нетерпением!

— Почему вы решили, что мы ждем с нетерпением? — спросил Джон.

Американец показал пальцем на переполненную пепельницу возле дивана, на разбросанные у ног Лидумса газеты, оглядывая в то же время обоих придирчивым, оценивающим взглядом. Джон смутился, представился и назвал Лидумса:

— Мистер Казимир...

— Слышал, мистер Казимир, что вы Геркулес, но не ожидал, что геркулесы бывают такого роста.

— Наполеон утверждал, что каждого человека можно укоротить на голову! — напомнил Лидумс.

Эал расхохотался, спросил:

— Не боитесь, что большевики учинят такую операцию?

Джон сердито перебил:

— Здесь еще нет повешенных, но о веревках говорить не следует! В каком вы звании?

— Лейтенант.

— Капитан Джон.

— Ну что ж, все точки поставлены! — засмеялся Эал.— Но так как мы оба в штатском, позвольте называть вас просто мистер Джон!

— Пожалуйста! — хмуро ответил англичанин.

— Машина подана!

Лидумс зашел к себе, оделся. Спутники ждали его в коридоре.

В машине сидели еще два человека, которых Эал представил как Альвираса и Би-

ля. Лидумс определил по акценту, что они оба не латыши, но расспрашивать не стал.

Ехали по дороге на аэродром. Джон, все еще возмущавшийся пренебрежительным отношением американцев, сухо сказал, что следовало бы сначала поужинать.

— Хорошо, возле аэродрома! — коротко бросил Эал и погнал машину быстрее.

В ресторане Джон спросил:

— Куда мы полетим?

— В Фюрстенфельдбрук! — ответил Эал.

Лидумс принялся вспоминать карту Федеративной Республики Германии. Да, центр американской зоны. Недалеко от Мюнхена.

Альвирас и Биль обменялись несколькими словами на каком-то языке, но Эал строго сказал:

— Вас предупреждали, что разговаривать можно только по-английски!

Молча вышли из ресторана, прошли в аэровокзал, а там — в какую-то служебную комнату. Сидели, курили. Примерно через час их пригласили на посадку.

В двухмоторном самолете оказался еще один пассажир — майор американской службы.

После получасового полета стали снижаться. Майор сухо приказал:

— Закройте шторы на иллюминаторах!

Лидумс решил, что это сказано в шутку, как подтрунивают над новичками, идущими в первый полет, а Джон вообще не обратил внимания на слова майора. Но тот еще более сурово приказал:

— В иллюминаторы не смотреть!

Шторы задернули. Но когда самолет уже бежал по бетонной полосе, Биль слегка повернул голову и посмотрел в щель между занавеской и металлической оправой стекла. Тут майор взвизгнул чуть ли не истерически:

— Я вам сказал: не смотреть в иллюминаторы!

Лидумс встал с кресла и шагнул к майору. Его взбесил этот приказной тон. Он резко сказал:

— Послушайте, майор, с кем вы разговариваете? Я, во всяком случае, не принадлежу к числу ваших солдат.

— Инструкция обязательна для всех...— уже другим тоном пробурчал майор.— Я только выполняю приказ...

— И плохо выполняете! — еще резче сказал Лидумс.— Я гость вашего командования и буду вынужден сообщить, что вы вели себя недостойно...

Майор отвернулся, пряча лицо. Лидумс видел, как Джон с восхищением взглянул, но промолчал. Остальные сидели, притаившись, как мыши. Лидумс невольно подумал: «Этот пожестче Эала! Как вы теперь себя чувствуете, милый Малый Джон? Похоже, что вас тоже относят к представителям низшей расы?»

Самолет остановился, но еще долго не давали сигнала на выход. Теперь отчетливо слышался адский шум реактивных моторов. Когда наконец дверца самолета открылась, возле трапа стояла автомашина. Майор еще раз буркнул, но уже потише, что разглядывать аэродром запрещается, лучше немедленно садиться в машину. Сам он остался у самолета.

Шофера в машине уже не было. Эал опять занял место за рулем. Лидумс насмешливо спросил:

— Что, все ваши майоры воспитываются в собачьем питомнике?

Эал обиженно пробормотал, что аэродром не гражданский, но видно было, что и его покоробили повадки старшего офицера. Джон дружелюбно подмигнул Лидумсу: так, мол, их и надо! А сам спросил:

— Куда мы теперь?

— В Кауфбейрен.

В Кауфбейрен приехали глубокой ночью. Перед ними была огороженная колючей проволокой огромная площадь, на которой виднелось множество освещенных казарм. Это была крупная американская учебная база для солдат. Охрану несли выходцы из прибалтийских стран — бывшие военнослужащие немецкой армии. Об этом предупредил Эал и снова подтвердил свое распоряжение: пассажиры в машине должны говорить только по-английски!

Они проехали по круговой дороге мимо казарм и остановились у отдельного здания, примерно в километре от ворот базы. Тут размещалась американская школа по подготовке шпионов-парашютистов. С этой именно школы и должна была начаться инспекционная работа Джона и Лидумса, хотя, в сущности, ами сразу попытались превратить их в своих подчиненных, а со своими подчиненными из иностранцев они никогда не церемонились. Эал указал им комнаты для жилья и предупредил, что первое инструктивное совещание состоится завтра утром.

16

Утром Эал зашел за ними в девять часов. Машина уже ожидала.

Биль и Альвирас куда-то исчезли. На вопрос Лидумса, будут ли они участвовать в совещании, Эал пренебрежительно ответил:

— О, они заслуживают только рассмотрения под микроскопом.

Лидумс переглянулся со своим спутником. Тот лишь покачал головой. И верно, со стороны англичан Лидумс не замечал такого презрения к людям, которые на них работали. Да, и там была стена, но то была стена сословных предрассудков. А у ами это была стена полного пренебрежения к «слугам», стена расового отчуждения, очень похожая на ту, какую пытались возвести когда-то гитлеровцы в оккупированных странах.

По дороге в город они успели позавтракать в маленьком кафе. Ни Джон, ни Эал не рискнули выпить. Из этого Лидумс вывел свое заключение: совещание предстоит на высоком уровне!

Действительно, среди американцев в штатском, собравшихся в обширной гостиной тихого особняка на окраине Мюнхена, были и военные: полковник, в котором Лидумс без большого труда распознал крупного организатора, мистера Росса, руководителя всех шпионских школ, созданных американцами на территории Федеративной Республики Германии, затем мрачный майор, с которым они летели до Кауфбейрена. Остальные, как предположил Лидумс, были чиновниками различных разведывательных организаций и, по-видимому, высокопоставленными, так как сам полковник Росс был с ними весьма предупредителен.

Конечно, эту встречу назвать совещанием можно было лишь относительно. Американцы стояли, сидели, бродили по большому залу, толпились возле передвижного бара, у которого молодой разведчик Эал смешивал коктейли, а то, что высокопоставленным ами хотелось узнать у Джона или мистера Казимира, выяснялось в простой беседе. Возле них собрались несколько человек, в том числе и полковник Росс, и принялись расспрашивать об их связях с Латвией.

Джон отвечал неопределенно, должно быть, получил особые указания от Маккибина или полковника Скотта, но когда с таким же вопросом обратились к Лидумсу, тот, прикинув про себя, что, наверно, подслушивающее и записывающее устройство установлено как раз под тем столиком, возле которого их так предупредительно посадили, спокойно сказал:

— Я полагаю, что наша беседа связана с некоторыми неудачами, которые понесли наши американские друзья? Имею в виду суд в Риге над Бромбергом и его подопечными. Я как раз вчера прочитал его показания, опубликованные в немецкой прессе...

Американцы в штатском насторожились, а Росс прямо спросил:

— Вы можете дать больному правильный рецепт, мистер Казимир?

— Рецепта, может быть, и не выпишу, но диагноз могу поставить! — сухо ответил Лидумс. Он понял, что на этих высокомерных господ может произвести впечатление только такое же высокомерие, но оправданное. Поэтому он, словно забыв все предупреждения Норы, Маккибина, Джона не открывать себя, продолжал: — Когда я уходил из Латвии, там уже были взяты чекистами по меньшей мере двое сотрудников английской разведки, только что появившиеся в Латвии. Мы, к сожалению, узнали об этом тоже с опозданием, как и вы о провале Бромберга...

— Вы были в Латвии?

— Да, я прибыл сюда осенью.

— То-то мистер Маккибин предупреждал меня, что мы узнаем от его коллег много нового! — воскликнул один из респектабельных штатских. Мало того, он окликнул через всю комнату другого джентльмена, приютившегося у бара: — Райли, подите сюда, мистер Казимир рассказывает интересные вещи!

Тотчас же вокруг Лидумса, как журналисты вокруг интервьюируемой знаменитости, собрались почти все. Только Эал продолжал колдовать у бара, позвякивая шейкером и смешивая коктейли. Можно было понять, что он тут единственный младший по чину, остальные, возможно, и генералы тайной армии разведчиков.

— Чем вы объясняете эти таинственные провалы, мистер Казимир?

— Как вы установили, что наши английские друзья в Латвии провалились?

— Правда ли, что чекисты держат на жалованье тысячи честных граждан и приказывают им следить за каждым посторонним, появившимся в поле их зрения?

— Как организовано национальное подполье в Латвии?

— Господа, господа! — Лидумс поднял руку.— Вы уже набросали мне полную шляпу вопросов!

— Да, да, господа,— это вмешался полковник Росс,— давайте по порядку. Если мистер Казимир ответит и на наши первые вопросы, уже будет над чем подумать! Мы вас слушаем, мистер Казимир!

Малый Джон, поглядывавший на Лидумса с недовольным видом, совсем притих. Кто знает, что наговорит этот взбалмошный латыш. А вдруг примется выдавать те секреты английской разведки, о которых и Маккибин и Скотт предпочли бы помалкивать?

Но он должен был признать, что Казимир держался великолепно. Спокойный, с высоко поднятой головой, выше всех ростом, он, как будто и не замечая этого, уже стал центром оживленной компании джентльменов. Если Маккибин или полковник Скотт хотели, чтобы с представителями отдела «Норд» тут разговаривали на равных, Казимир добился большего: ему прямо заглядывали в рот, словно он должен был излить божье благословение на американских рыцарей плаща и кинжала. А Казимир спокойно и вдумчиво говорил:

— Из опыта нашей подпольной работы мы выяснили, что ваши люди приходят в устойчивый мир, не зная взаимоотношений в нем, пытаются вербовать помощников и проваливаются порой просто на том, что люди устали от войны. И еще одно: у ваших да и у наших людей до сих пор нет правильного понимания того, что делается в Советской России. Нам еще кажется, что там голод, нищета, разруха, что там каждый второй или третий стремится бежать из ада, а ведь пора бы подумать и о том, что эта страна победила в величайшей войне! Так неужели нельзя представить, что она давно уже победила и разруху? В России давным-давно провозглашена амнистия за преступления, совершенные во время войны, кроме самых крупных. Действие амнистии было даже продлено. И большинство лиц, адреса которых все еще хранятся в ваших картотеках, повинились перед органами, устроены на работу. Я сужу об этом не только по личному опыту, но и по радиограммам наших сотрудников Тома и Адольфа, которые жаловались, что в одном случае их встречали, как нежеланных гостей, палкой, в другом — травили собаками, в третьем — людей, к которым они шли, было невозможно найти. А люди, жаждущие спокойствия, естественно, подозрительны ко всему, что может их этого покоя лишить. И естественно, появление постороннего человека, да еще подозрительного, поскольку каждый заброшенный из-за кордона человек держится с опаской, не знает ни новых обычаев, ни нового языка — имею в виду язык административный, так сказать, общественный,— не знает цен на продукты, на сигареты, на вино, на автобус, — а именно этим почему-то отличались все те люди, которых мы приняли в нашу подпольную группу,— вызывает внезапный и очень острый интерес. Очень тщательно подготовленный и хорошо вооруженный английский сотрудник Густав весной прошлого года утонул в реке Венте, по-видимому, пытаясь бежать от заподозривших его в чем-то хуторян. Так, во всяком случае, передали о причине его гибели нашему руководителю Будрису преданные люди...— Казимир низко склонил голову, словно отдавал покойному долг памяти.

Было очень тихо. Даже Эал перестал позвякивать шейкером. Наконец один из самых видных штатских сказал:

— Продолжайте, мистер Казимир!

— Это случай трагический. Но есть и смешное. Например, наш отличный сотрудник Вилкс пришел со своими двумя друзьями в Ригу. Они были снабжены в достаточном количестве советской валютой. Но кто-то их информировал не очень точно о подлинном соотношении денег и цен. И деньги им выдали самыми мелкими купюрами. Представьте усмешку человека, к которому они пришли в Риге и предложили пять тысяч рублей... пятерками. Но бутылка водки тогда стоила тридцать рублей, а пальто — тысячу-полторы. Вилкс рассказывал, что его предупредили перед засылкой, что человек с сотенным казначейским билетом может показаться подозрительным. Принявший его человек ответил, что он сам получает три тысячи рублей зарплаты, так неужели кассир станет выдавать ему эти три тысячи рублями? И действительно, пожелай Вилкс купить себе одежду, он показался бы подозрительным со своими пачками пятерок!

Опять наступила тишина. Хотя Лидумс и предупредил, что расскажет смешные истории, что-то никому не хотелось улыбаться.

Тот же представительный и, должно быть, самый высокопоставленный джентльмен попросил:

— Объясните, мистер Казимир, как вы улавливаете провалы вашей агентуры, если чекисты пытаются продолжать «игру»?

— Ну, в случае с Томом и Адольфом это было нетрудно. После первых передач наступило довольно продолжительное молчание. А затем Том начал передавать сногсшибательную информацию. И, кроме того, настойчиво требовать выхода на группу Будриса, которую я имею честь представлять. В то время в группе было человек шесть из Англии, и они работали из нескольких пунктов на своих рациях. Уже одно это должно было насторожить наш отдел. Однако там Тома принимали всерьез, пока я не увидел его радиограммы. Двойная и тройная проверка, господа! — улыбнулся Лидумс.— Я бы, скажем, сначала внедрял одного, в крайнем случае, не больше двух человек. И только после того, как внедренный докажет, что работает успешно, что им подготовлена крепкая база для приема других, направлял их уже по готовому адресу. Мы часто слишком торопимся, господа...

Он замолчал, словно поставил точку. И Главный понял. Приказал:

— Дадим мистеру Казимиру отдохнуть. Эал, у вас что-нибудь особенное?

Эал подскочил с небольшим подносом:

— Антарктида, сэр, Ледяная Гора, сэр!

Главный взял бокал с коктейлем и передал его Лидумсу, только потом взял и себе. И Лидумс понял: его признали. Если Главный сам угощает его коктейлем, а этот Главный по меньшей мере генерал и один из руководителей того отдела, который занимается подготовкой шпионов, засылаемых на Восток, то теперь у Лидумса положение крепкое. Остается только запомнить лица этого Главного, Росса и еще нескольких людей, чтобы попытаться потом, уже дома, зарисовать по памяти. А на родине уяснят, насколько прав он в своих предположениях. И, во всяком случае, познакомятся с его новыми «шефами».

После коктейля Главный, дружески обняв Лидумса за плечо и поманив за собой Джона, провел их в другую комнату, что-то вроде делового кабинета. Там он усадил их и принялся расспрашивать Лидумса о том, какие, на его взгляд, ошибки допускает английская секретная служба при подготовке агентуры, засылаемой в СССР. Отвечал Джон, несколько расстроенный этими расспросами. Да, у англичан есть большие традиции в этом деле. Да, англичане стараются не жертвовать людьми понапрасну, а если жертвы и случаются, то благо страны стоит того...

Лидумс не очень вслушивался в этот лицемерный разговор. Он соображал: пожалуй, именно сейчас, когда они тут «отдыхают», ами прокручивают ленту магнитофона, сопоставляют тон мистера Казимира с его высказываниями, ищут несоответствий, прикидывают, насколько искренен был рассказчик. А потом они примут должное решение, и уж это решение покажет, прав ли он был, щеголяя своей откровенностью, или набил им на затылок столько шишек, что они поостерегутся поддаваться его воздействию.

Он покуривал, изредка вставлял словогда, поддерживая Джона — все-таки он должен был доказать свой английский патриотизм,— и прислушивался к тишине за стенами этого кабинета.

А через полчаса — как будто все это время только и занимались подготовкой заключительного эффекта — в кабинет вошел полковник Росс и торжественно провозгласил:

— Господа, прошу к столу!

В ту гостиную больше не заходили. Даже сброшенное там пальто Лидумса вынес Эал. И Лидумс еще больше уверился, что там стоят еще горячие от работы магнитофоны, но все кончилось вполне благополучно, именно поэтому и накрыт торжественный стол.

И, действительно, Главный, усаживая мистера Казимира рядом с собой, тихо сказал:

— Я бы очень хотел, мистер Казимир, чтобы после посещения некоторых пунктов подготовки наших разведчиков вы нашли время навестить меня. Я прикажу сопровождающему вас молодому офицеру выбрать для этого подходящий день.

— А как быть с мистером Джоном?

— О, мистер Джон, кажется, любит повеселиться! Ему предоставят такую возможность!

«М-да, значит, они все-таки знали о похождениях в Миндене! Правда, там я вел себя по-джентльменски. Предоставил мистеру Джону развлекаться, как он того желает, а сам погулял по городу. А открытки были столь невинны и к тому же были брошены прямо в поезд, что опасаться абсолютно нечего! Если бы было что-то другое, то Главный просто смолчал бы, и только. Ну, что ж, перейдем в новые конюшни,— как говорят в таких случаях англичане...»

Он благодарно кивнул Главному и приступил к салату из каких-то заморских фруктов, который не так уж и подходил к только что выпитому виски. Впрочем, у русских и на этот случай тоже есть подходящая пословица: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят!»

Настроение за столом было ровное, благожелательное. Прислуживали несколько лакеев с отличной военной выправкой. Но это лишь подчеркивало важность только что состоявшегося заседания.

Прощаясь, Главный сказал, что Лидумс и Джон будут приняты в школе как гости. Лидумс еще раз удивил Главного.

— Я предпочел бы роль обыкновенного слушателя...— заметил он.

— Но это налагает дополнительные и порой неприятные обязанности!

— О, человек моей профессии должен почаще тренироваться! — отозвался Лидумс.— Впрочем, я говорю только о себе. Мистер Джон волен поступать по-своему.

— Хорошо, я дам соответствующие распоряжения! — согласился Главный. И задумчиво добавил: — Хотел бы я, чтобы все мои подчиненные рассуждали, как вы!

— Ну, им-то не так уж часто приходится преодолевать границы и запретные зоны! — рассмеялся Лидумс.

— А может быть, именно из-за плохого тренинга они и проваливаются чаще, чем того хотелось бы?

— По-видимому, прежде всего следует добиваться душевного равновесия. Боюсь, что плохое знание местных условий вызывает у некоторых из них неуверенность. А от неуверенности до провала один шаг. Так же, как от трусости до стрельбы из пистолета.

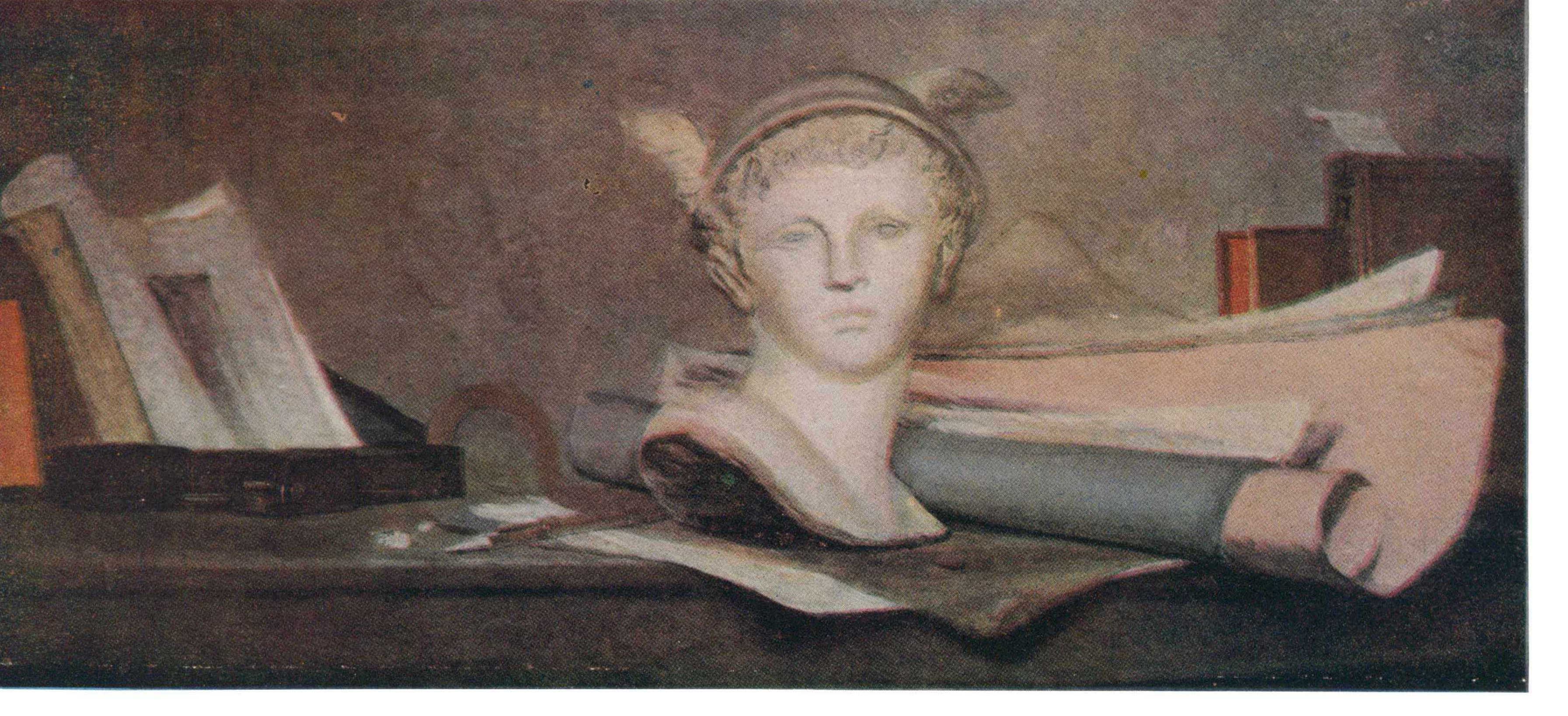
— Это ваши предположения?

— Нет, опыт! — твердо ответил Лидумс.

Продолжение следует.

Ж. Б. С. Шарден. ПРАЧКА. Около 1737 года. Ленинград, Эрмитаж.

Ж. Б. С. Шарден. АТРИБУТЫ ИСКУССТВ. **Конец 1750-х годов.**

Москва, Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

НАТЮРМОРТ.

Мартын **МЕРЖАНОВ**

«Футбол. Спортивная игра двух команд, состоящая в том, что игроки стараются ударами ноги загнать мяч в ворота противника».

С. И. Ожегов. «Словарь русского языка».

Произошел редкий случай: чемпионат страны по футболу еще не кончился, а все места — от первого до семнадцатого — определены.

Оставшиеся два матча киевских и тбилисских динамовцев ничего изменить не могут, а потому их встречи будут простой формальностью, которая заинтересует лишь статистиков.

Но прежде чем рассказать о лидерах чемпионата, хотелось бы вкратце остановиться на самых характерных особенностях уходящего сезона, на старых и новых формах игры, тактики и стратегии клубов.

Еще в прошлом сезоне можно было заметить, как некоторые наши команды начали избавляться от итальянского наваждения, соблазнявшего их «прочностью обороны», а по существу, ломавшего все принципы советской школы футбола.

Барометр показывал атаку. Лучшие наши клубы: столичные «Спартак», «Динамо», «Торпедо», а также киевляне и тбилисцы — своей игрой показали, что они не разделяют оборонительных, якобы современных футбольных идей, что они ищут и счастливо находят новые, порою оригинальные формы.

В минувшем чемпионате к ведущим клубам присоединились такие, как «Арарат», «Нефтчи», «Карпаты», «Судостроитель», «Спартак» из Орджоникидзе, «Днепр» и некоторые другие. Они приятно удивили зрителей и специалистов красивым футболом, в котором гармонично распределялись задачи атаки и обороны и вновь возникали элементы комбинационной игры, столь характерной для советской школы.

И, несмотря на то, что в годы оборонительного футбола резко сократилось в командах число форвардов, а результативность упала, в нынешнем сезоне мы увидели ярко выраженное стремление нападающих и хавбеков быстро маневрировать, врываться в штрафную арену, обстреливать прямоугольник ворот. Правда, этот обстрел еще только совершенствуется, но он, несомненно, определяет новое содержание атаки. Это и есть одна из самых заметных особенностей нашего футбола. Она ярко выразилась у победителей чемпионата спартаковцев Москвы.

Команда исподволь ковала победу. Она успешнее других московских клубов пережила годы оборонительного безвременья, распознала его сухой, деляческий смысл и пошла своим путем, хорошо изученным и полюбившимся уже давно. И хотя нелегко было освободиться от форм, принятых всем футбольным миром, все же москвичам это удалось.

Сейчас в зарубежной спортивной прессе все чаще и чаще появляются новые термины, с помощью которых обозреватели и специалисты пытаются разделить футбол на реалистический и романтический. К первому они относят игру «закрытую» бетонными построениями, а ко второй — игру «открытую», которая призывает состязаться в мастерстве, быстроте, маневренности, тактическом остроумии, в умении забивать мячи.

Наш «Спартак» — команда романтического футбола. В ней собрались люди — от руководителей до игроков дублирующего состава,— преданные «открытой» игре, ее разнообразным, оригинальным формам.

Именно такой футбол принес в прошлом сезоне первый успех «Спартаку» — серебряные медали, а в нынешнем — золотые. Он родился в коллективе, где молодые футболисты не только не успели отравиться ядом итальянского «катеначчио», но вообще не принимали его.

Новое поколение молодых игроков, влившееся в составы ведущих наших команд, по-своему перелицовывает футбол. Подбор этих игроков — большое искусство. И здесь высокой похвалы заслуживают руководители «Спартака», которые не испугались широко открыть двери молодым, одаренным спортсменам.

В команду пришли никому не известные игроки: Г. Ловчев, Н. Абрамов, Н. Киселев, В. Калинов, В. Папаев, Г. Князев, Д. Силагадзе,— а сегодня они футболисты основного состава «Спартака» — чемпиона страны, и двое из них, Ловчев и Киселев,— игроки сборной СССР.

Умение Н. Старостина и Н. Симоняна увидеть и определить способности игрока поразительно. Заметили в подмосковной Балашихе, в команде «Машиностроитель», слесаря В. Калинова, сразу же пригласили в команду, вскоре поставили в основной состав, в линию полузащиты. Еще удивительнее история появления в команде Г. Князева. Он приехал из Красноярска и начал тренироваться со спартаковцами. В одном из товарищеских матчей Князев удивил своей хитростью и настойчивостью, к тому же забил красивый гол. И вот во время ответственнейшего поединка с киевским «Динамо» Н. Симонян во второй половине матча выпустил никому не известного Князева на место центрального нападающего. Ценители футбола могли заметить у этого паренька умные тактические перемещения и хорошее обращение с мячом. К концу сезона он вошел в основной состав «Спартака».

Все молодые игроки — фанатики футбола в лучшем понимании этого слова. Точнее сказать, фанатики красивого футбола, который они вместе с тренерами создают каждодневно.

И еще одна особенность спартаковской молодежи: она играет не на публику, а для публики, отлично понимая, как приятно зрителям смотреть на футбол, в котором атлетические качества игроков озарены умной тактикой, комбинационным мышлением и такими техническими подробностями, которые и составляют красоту игры и могут доставить эстетическое удовольствие.

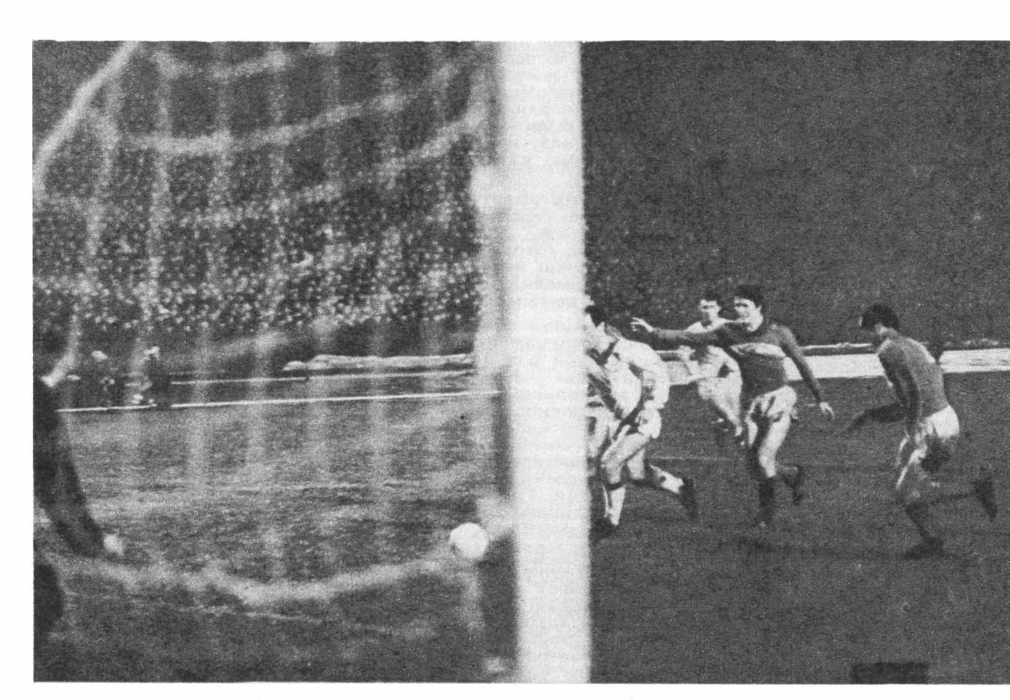
Французский кинорежиссер Рене Клер как-то сказал: «Маловероятно, чтобы зритель был всегда прав, но совершенно очевидно, что авторы, которые им пренебрегают всегда неправы».

Если слово «автор» заменить словом «тренер», то это высказывание вполне можно адресовать футболу. Но что это я все о молодых? Они не могли бы существовать и нормально развиваться, если бы не попали в хороший коллектив, если бы не было «отца команды» Николая Петровича Старостина, отличного мастера комбинационного футбола, старшего тренера Никиты Павловича Симоняна, его соратника тренера Анатолия Константиновича Исаева. Они не могли бы хорошо и красиво играть, если бы не чувствовали на поле локтя капитана, вездесущего Г. Хусаинова. Это он привил им чувство преданности к клубу, к коллективу, умение отдавать все силы без остатка. Они учатся у Николая Осянина, лучшего бомбардира страны. Все шестнадцать забитых им мячей — это, как говорят футболисты, «трудовые мячи», а многие из них заслуженно названы красавцами. Учится молодежь и у Г. Логофета, В. Иванова, а также у нового вратаря «Спартака» — А. Кавазашвили, который отлично защищает ворота. Сочетание великолепных мастеров с молодыми способными игроками помогло создать хорошо сыгранную команду вполне современного футбола.

Каковы же тактические особенности нового чемпиона?

Лучшим выразителем их является 51 забитый мяч, прочность обороны, комбинационный стиль, который создают не только форварды, но и хавбеки, защитники, вратарь.

Спартаковцы очень оригинально атакуют: крайние форварды пос-

Киев, 30 октября. На поле «Спартак» и киевское «Динамо».

Фото И. Маргулиса.

тоянно «держат ширину» фронта. В центре Н. Осянин — главная ударная сила. Иной раз он сознательно отходит в глубину поля, а вперед неожиданно врываются три хавбека, которых вполне можно назвать инсайдами. Они быстро маневрируют, меняются местами, создают, как сами говорят, «карусель» в штрафной площади, ставят в сложное положение защитников. Да, для этого необходимо техническое мастерство!

Спартаковцы научились читать такие сложные ноты, по которым играют Шестернев, Хурцилава, Капличный. Правда, у Киселева не поставлен еще удар, Папаев медлит в центре поля, Калинов увлекается «резаными» мячами, Силагадзе пугается близости ворот, торопится, нервничает. Сказывается отсутствие достаточного опыта.

Другой особенностью спартаковского стиля можно назвать переход на зональный метод обороны. Это не новость. Раньше других и с отличными показателями применили его киевские динамовцы. Теперь достаточно хорошо отработана игра в зоне у «Спартака». Ни Ловчев, ни Логофет не бегают по всему полю за определенным футболистом, а ждут его в своей зоне и помогают партнерам. Свободно играет во втором эшелоне центральный защитник Абрамов, и только Иванов, выдвинутый несколько вперед, имеет персональное задание, когда ему приходится играть против Бышовца, Метревели, Авруцкого, Нодия или Маркарова.

Так обстоит дело с чемпионом страны.

Вторым призером оказалась такая замечательная команда, как киевское «Динамо» — хороший ансамбль, созданный тренером В. Масловым. Что же, поток сносит иной раз и опытных пловцов.

В течение последних пяти лет киевляне трижды завоевывали золотые медали и дважды серебряные. Редкое достижение. В этом сезоне они играли хорошо: 19 раз уходили с поля победителями и только два раза терпели поражение — в обоих случаях от «Спартака».

У динамовцев по-прежнему вся игра конструируется в середине поля, где три или четыре полузащитника планируют и помогают двум или трем форвардам. В. Мунтян — основной нерв команды.

Обычно киевляне умели правильно распределять силы по всей дистанции сезона, к тому же они часто преподносили тактические новинки, которые озадачивали соперников. Теперь они застыли на своих тактических позициях, и этого было достаточно, чтобы их игру разгадали и изучили.

Команда по-прежнему имеет хороший резерв. В этом сезоне мы увидели А. Боговика, В. Кащея, В. Веремеева — игроков, готовых заменить ветеранов. Можно надеяться, что киевские динамовцы останутся первоклассной командой.

На третье место вышли тбилисцы — техничная, темпераментная команда, умеющая иной раз показать такой «спектакль» на поле, что помнишь его несколько лет. Но играют тбилисцы неровно: то берут высокий барьер, то цепляются за малый. От клуба, имеющего в своих рядах таких мастеров, как М. Хурцилава, С. Метревели, В. Дзодзуашвили, К. Асатиани, Г. Нодия, мы вправе ждать больших достижений.

Хочется еще сказать о московских динамовцах. Вот уже второй сезон весной они теряют очки по пустякам, а затем осенью с натугой финишируют. Эту «стратегическую загадку» пусть решают специалисты, нам же кажется, что команда имеет хорошего тренера и хороших футболистов, но не имеет спортивной дисциплины. Это-то ее и подводит...

В своем обозрении мы назвали только лидеров советского футбола. Но за ними стоят еще тринадцать команд. Среди них такие известные клубы, как «Торпедо», «ЦСКА», «Нефтчи», которые могли рассчитывать на более высокие места, и менее опытные, допустившие немало просчетов. Но счастливая особенность футбола заключается в том, что он возрождается каждую весну. Все команды имеют возможность, изучив ошибки прошлого сезона, рассчитывать на успех в новом году.

А пока мы с радостью отмечаем: наши ведущие команды сделали удачную попытку вернуть футболу Футбол!

М. ХРОМЧЕНКО

РАЗГ
НЕ ОКО

Очерк «Барокамеры Василия Кравченко» («Огонек» № 11, 1969 год) вызвал многочисленные отклики читателей журнала.

Естественно, что большинство авторов писем в редакцию — люди, заинтересованные в лечении баротерапией.

Отвечать на такие письма было очень трудно. Дело в том, что московский экспериментальный завод «Технолог» Министерства медицинской промышленности СССР выпустил около четырехсот аппаратов конструкции В. А. Кравченко. Нам же удалось установить лишь несколько адресов лечебных учреждений, получивших такие барокамеры. Поэтому, например, всем больным, проживающим на территории Дальнего Востока и Сибири, приходилось рекомендовать Омск, Череповец и Свердловск.

Впрочем, и четыреста барокамер — цифра для нашей страны крайне незначительная. Но и она, по-видимому, не отражает действительного положения вещей. В частности, как сообщает нам врач-физиотерапевт из Новороссийска А. Г. Анисимова: «В поликлинике барокамера есть, но ее не применяют: нет методических указаний». Или, как пишет А. А. Львова: «В г. Горьком есть барокамера в больнице № 7, но она не действует и действовать в этом году, очевидно, не будет из-за недостающих приборов».

«Прочитав статью в вашем журнале,— пишет Б. Б. Лялина,— я стала через своих учеников узнавать, нет ли барокамеры в Омске. Нашла в маленькой больнице завода имени Баранова. У человека, для которого я искала эту барокамеру, уже был ампутирован палец, и рана на ноге не заживала. А теперь, после 12 процедур, в ноге появился пульс, рана понемногу гранулируется. Значит, может больной надеяться, что останется с ногой... Передайте В. Кравченко: есть больные, которым помогает барокамера. Только очередь очень большая».

Но стоит ли удивляться очереди в маленькой заводской больнице Омска? Вот что пишет москвич Л. Н. Никитин:

«Не знаю, что было бы со мной, если бы не лечение методом баротерапии. За это время я убедился, с какими невероятными трудностями сопряжен доступ к этому лечению и само его получение: убогая комнатка, где стоят аппараты, громадные очереди, невозможность соблюдения необходимых правил до и после процедур... Это тот случай, когда ведомственные, чиновничьи соображения должны отступить перед страданиями и надеждами тысяч людей».

История «хождения по мукам» изобретателя В. А. Кравченко взволновала большинство авторов писем в редакцию.

«Напрашивается вывод, что Министерство здравоохранения СССР не заинтересовано во внедрении в медицинскую практику нового метода лечения только потому, что изобрел барокамеру не медработник с высшим образованием, а инженер-строитель» (Ф. Г. Акименко, Ф. В. Симоненко, И. Л. Кравцов, Т. Н. Шиянова, Г. И. Иванова и другие, Ростовская обл.).

Действительно, о странной позиции некоторых сотрудников министерства могут сказать хотя бы два письма. Их отправил двум адресатам один человек — главный специалист Главного управления лечебно-профилактической помощи МЗ СССР В. Соловьев. В конце января 1966 года он сообщает больному А. Н. Фесенко:

«В заключение необходимо отметить, что дальнейшая проверка лечения бароаппаратом и отдаленные результаты после него неутешительны. Не случайно в Институте клинической и экспериментальной хирургии и в Институте хирургии имени А. В. Вишневского от применения указанных аппаратов в настоящее время отказались. Поэтому возлагать надежды на лечение бароаппаратом можно только в редких случаях».

Второе письмо В. Соловьев отправил два месяца спустя:

«Уважаемый тов. Кравченко!
В ответ на Ваше письмо... Главное управление лечебно-профилактической помощи МЗ СССР сообщает, что первая партия бароаппаратов, изготовленная заводом «Технолог», отправлена различным лечебным учреждениям и наконец тысячи больных получат возможность пользоваться баротерапией при облитерирующем эндартериите. Благодарность многих больных будет Вам наибольшей наградой за большой труд, проделанный за многие годы!..»

Министерство здравоохранения СССР отозвалось на выступление журнала. В редакцию пришло письмо, подписанное заместителем председателя Ученого медицинского совета МЗ СССР профессором В. А. Галкиным.

Полностью игнорировать барокамеру активной гиперемии профессор В. А. Галкин не может: два изобретения В. А. Кравченко признаны Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР и запатентованы рядом стран. Однако заместитель председателя УМС МЗ СССР стремится всячески преуменьшить значение баротерапии, свести на нет эффективность предложенных изобретателем аппаратов.

Сначала он пишет, что баротерапия не является панацеей, универсальным методом лечения сосудистых заболеваний. Она не избавляет от необходимости использовать другие виды лечения. Ее можно применять только на ранних (I и II) стадиях заболевания и нельзя — при различных противопоказаниях. По ходу рассуждений профессор В. А. Галкин обвиняет автора статьи в безграмотности, сам при этом опровергая известные теоретические положения медицины, изложенные, в частности, в книгах профессора Г. Н. Кассиля «Гематоэнцефалический барьер» (изд. АН СССР, 1963 г.), Эдварда Ван Лира и Клиффорда Стикнея «Гипоксия» (1967 г.). И, как итог:

«Огульное применение баротерапии без знания патогенеза облитерирующих заболеваний привело у нас в стране ко многим ошибкам и тяжелым осложнениям, о которых в статье не упоминается».

Удивление, если не больше, способно здесь вызвать каждое положение письма в редакцию.

Во-первых, в статье нет ни слова о том, что баротерапия является панацеей. В статье нет ни слова и о других методах лечения, потому что речь в ней шла лишь о барокамере и об отношении к ней со стороны некоторых сотрудников министерства.

Имеются противопоказания к применению баротерапии? Конечно. Разве вообще существуют какие бы то ни было методы лечения каких угодно заболеваний, для которых не имелось бы противопоказаний? Но кто заставляет применять барокамеры «без знания патогенеза облитерирующих заболеваний»?

Баротерапия может быть использована только на ранних (I и II) стадиях заболевания? Прекрасно: успешное применение ее в начальных стадиях одновременно означает, что вслед за ними не наступят более тяжелые — III и IV — стадии и больным не будет угрожать ампутация конечностей.

Очередное обвинение автора статьи в том, что он не упоминает «многие ошибки и осложнения», к которым «привело у нас в стране огульное применение баротерапии», так же бездоказательно, как и все остальные. Прежде всего, откуда возникло «огульное применение»? Насколько известно, речь идет о вещах прямо противоположных; о том, что некоторые сотрудники Министерства здравоохранения СССР по совершенно непонятным и необъяснимым причинам тормозят внедрение барокамер в практику лечебных учреждений страны.

Всем ходом своих рассуждений профессор В. А. Галкин хочет убедить редакцию, что эффективность баротерапии не соответствует поднятому вокруг нее «шуму». Мало того. Заместитель председателя УМС МЗ СССР перечисляет фамилии иностранных авторов, которые впервые предложили и воплотили сам принцип барокамеры.

«Таким образом,— пишет про-

ОВОР
НЧЕН

фессор В. А. Галкин,— ничего принципиально нового в предложении тов. Кравченко В. А. нет, если говорить о методе лечения. Новизна и отличительная особенность изобретения тов. Кравченко В. А. заключаются в незначительном (!) видоизменении давно известных конструкций барокамеры... В. А. Кравченко не является автором или изобретателем баротерапии, его в лучшем случае можно считать пропагандистом давно известного метода лечения облитерирующего эндартериита».

Знание иностранного опыта обязательно. Но зачем упорно искать авторов только за границей, отказываясь от признанного за рубежом же приоритета нашей страны?! Не такой ли, мягко говоря, безразличный, пренебрежительный подход к отечественным талантам стоил нам многих изобретений и открытий? Ведь до предложений В. А. Кравченко с помощью существовавших аппаратов в конечности больного создавалась застойная гиперемия — застой крови. Именно этот застой крови и становился преградой на пути использования в медицине разности барометрических давлений.

Новая конструкция барокамеры воплощает совершенно иной принцип — активной гиперемии. В этом ее принципиальная новизна, признанная Комитетом по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР.

Но профессор В. А. Галкин все равно не хочет признавать изобретение В. А. Кравченко. В неудержимом стремлении его отвергнуть он готов даже — в нарушение всех традиций!—заранее признать другие конструкции, испытания которых еще далеки от завершения. Он так и пишет:

«Существуют в нашей стране и другие, более совершенные методы баротерапии. Так, в Институте хирургии имени А. В. Вишневского АМН СССР более успешно, чем аппарат Кравченко, испытывается новый оригинальный аппарат конструкции инженера С. Б. Шпильта».

Не будем подвергать сомнению эффективность новой конструкции. Итоги подведут и без нас. Но поблагодарим профессора В. А. Галкина хотя бы уже за то, что он признает — наконец-то! — конструкцию Кравченко совершенной (у Шпильта — более совершенная...). Нам же пора противопоставить позиции профессора В. А. Галкина результаты практического применения барокамеры В. А. Кравченко.

«Медицинская газета» от 8 октября 1968 года:

«...Таким образом, оксигенобаротерапия является новым эффективным методом искусственной оксигенации (насыщения кислородом.— М. Х.) конечности при облитерирующем эндартериите. В отличие от других методов она может применяться не только в стационаре, но и в амбулаторно-поликлинических условиях. Наиболее эффективен этот метод при начальных стадиях заболевания.— Кандидаты медицинских наук А. Выховская, Ж. Петровская, врач В. Шарфман».

Журнал «Советская медицина» № 4, 1969 год:

«Баротерапия является одним из методов консервативного лечения облитерирующих заболеваний сосудов конечностей; в комплексе с медикаментозными средствами она вызывает активную гиперемию конечности, стимулируя развитие коллатерального кровообращения при начальных формах эндартериита.— Врачи В. П. Коротких, Н. С. Жданова, В. Т. Новиков».

И еще выдержки из нескольких писем врачей в редакцию:

«Из 29 больных, принимавших баротерапию в амбулаторных условиях (в прошлом году.— М. Х.), получили хороший эффект у 23 человек, у которых исчезли боли, осциллограмма увеличилась с 0—1 мл до 8—12 мл. Больные работают в течение года и за медпомощью не обращаются. Баротерапию больные принимают по разработанной нами методике, которая значительно отличается от инструктивного письма, приложенного к барокамере.— Врач В. Г. Белоконь, Киев, больница «Медгородок».

«С января 1968 года сеансы баротерапии принимали около 200 больных. Наилучший эффект лечения достигнут при I и II стадиях заболевания — облитерирующего эндартериита и облитерирующего атеросклероза: исчезли боли в конечностях, зябкость стоп, перемежающаяся хромота. Несмотря на то, что удовлетворительный эффект после баротерапии нестоек (до 6 месяцев), мы положительно оцениваем этот метод лечения в связи с его простотой, возможностью многократного повторения в амбулаторных условиях и безопасностью.— Кандидат медицинских наук С. М. Чилая, Свердловск, клиника госпитальной хирургии медицинского института».

«Проведено консервативное лечение с применением барокамеры Кравченко на 125 больных. Улучшение состояния наблюдалось в 76%, без изменений — в 21,6%, ухудшение — 2,4% случаев.— Врач М. Л. Чхатарашвили, Тбилиси, кафедра госпитальной хирургии медицинского института».

Наконец, московский врач В. А. Шарфман, который начал применять барокамеру В. А. Кравченко одним из первых и за это время вместе с автором внес существенные изменения в методику лечения, за прошедшие годы успешно лечил более полутора тысяч больных. С помощью барокамеры были спасены от ампутации, избавлены от мучительной постоянной боли сотни больных в других столичных лечебных учреждениях. А в других городах страны? Редакции известно, что барокамеру конструкции В. А. Кравченко с переменным успехом (полноценной инструкции нет до сих пор, а та, что рассылается, составлена без участия автора) применяют, помимо уже упомянутых городов, в Баку и Алма-Ате, Ростове-на-Дону и в Риге, в Ташкенте и Ашхабаде, в Харькове, Запорожье, Кривом Роге, Днепропетровске, Кирове, Вологде, Туле.

Эти практические результаты подтверждают мнение академика Б. В. Петровского, одного из лучших советских специалистов в области хирургии сосудов. В прошлой статье мы привели маленькую выдержку из его заключения 1964 года. На сей раз приведем его полностью:

«Способ лечения разностью барометрических давлений и активной гиперемией в конечности при помощи барокамеры Кравченко является новым способом лечения сосудистых заболеваний. Благодаря разности барометрических давлений в камере и тканях конечности и наличию активной гиперемии (усиленный артериальный и венозный кровоток) в последней возникает разность парциальных давлений кислорода в крови и окружающей ткани, в результате чего усиливается газовый обмен в клетках гипоксической ткани.

В аппаратах других конструкций, работающих по принципу пассивной гиперемии (после нескольких минут работы аппарата наступает нарушение артериального и венозного кровотока), газовый обмен резко снижается во время сеанса уже через несколько минут — отсюда незначительный эффект этих барокамер.

С помощью данной барокамеры, работающей по предложенному способу, можно добиться значительных результатов в консервативном лечении заболеваний периферических сосудов, так как возможности способа лечения далеко не исчерпаны, а, наоборот, только начинают проявляться.

Проведенное предварительное лечение больных с разнообразной патологией периферических сосудов свидетельствует о широком диапазоне действия барокамеры и возможности применения ее для лечения начальных стадий заболеваний сосудов конечностей».

Особое негодование вызвало у профессора В. А. Галкина последнее предложение В. А. Кравченко, в котором изобретатель предлагает новый способ усиления газового обмена в клетках гипоксических тканей. Это предложение вместе с отзывами специалистов рассматривал Экспертный совет Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. Вот выдержка из его заключения:

«Указания на известность подобного сочетания режимов компрессии и декомпрессии при лечении заболеваний в литературе отсутствуют, и в этом может быть усмотрена существенная новизна предложения».

Ученых привлекает предложение В. А. Кравченко. Это явствует из заключений профессора Г. И. Косицкого, Ф. Н. Ромашова, а также академика АМН СССР А. А. Покровского.

«Рассуждения В. А. Кравченко ...основаны на косвенных данных и нуждаются в экспериментальной проверке. Основная же теоретическая предпосылка о том, что бóльший доступ кислорода в гипоксические ткани вследствие разности барометрических давлений, создаваемой между кровью и тканями, приведет к усилению интенсивности окислительных процессов, заслуживает внимания».

Предложения Кравченко удалось проверить, несмотря на отрицательную позицию министерства. Вот что пишет директор Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры и спорта, доктор медицинских наук профессор А. Коробков:

«Решение данного вопроса имеет большое научное и практическое значение по ускорению восстановления физической и умственной усталости после нагрузок у спортсменов и трудящихся, что уже подтверждается предварительными исследованиями нашей лаборатории биоэнергетики... Произведенные исследования «способа усиления газового обмена в клетках» показали положительные результаты на спортсменах различных специальностей, в связи с чем ВНИИФК запланировал на 1969 год дальнейшие исследования и внедрение этого способа в практику спортивной подготовки».

Так имеет ли заместитель председателя Ученого медицинского совета МЗ СССР моральное право писать о таком изобретении как о «не представляющем ни теоретической, ни практической ценности», если уже первые, предварительные исследования доказывают прямо противоположное?..

В январе 1963 года в ЦК КПСС и Совете Министров СССР было принято постановление «О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой», где были определены основные проблемы этой науки, направленные на развитие сельского хозяйства, медицины, легкой и пищевой промышленности. Одной из таких проблем является:

«— обмен веществ и энергии в организмах, определяющий рост и развитие растений и животных, способы управления процессом обмена».

Изобретения В. А. Кравченко пусть даже частично, пусть в малом объеме, но зато конкретно, практически отвечают на это постановление. Объективные показания контрольных приборов во время сеансов баротерапии с применением аппаратов конструкции В. А. Кравченко доказывают, что улучшение газового обмена в тканях рук или ног одновременно благотворно сказывается и на обмене веществ во всем организме.

Многие годы инженер-строитель В. А. Кравченко стучится в двери министерства, предлагая различные модификации своих аппаратов и способов их применения для профилактики и помощи больным в различных областях медицины. Что было сделано за эти годы? Была ли создана клиника баротерапии с подлинно научной лабораторной базой? Были ли проверены аппараты В. А. Кравченко, научены ли врачи применять их? Нет, и заместителя председателя Ученого медицинского совета МЗ СССР волнует совершенно иное:

«Не имея никакого медицинского образования,— пишет в заключение профессор В. А. Галкин,— тов. Кравченко стремится угрозами и жалобами заставить врачей и ученых поверить в полезность своих «изобретений». Голословны выпады автора статьи в адрес Министерства здравоохранения СССР, которое якобы имеет предвзятое отношение к предложениям В. А. Кравченко...»

Пусть непредвзятый читатель на основании приведенных здесь документов сам судит об отношении некоторых работников министерства к изобретениям Кравченко. Нам же остается сказать одно: разговор далеко не окончен. Только из области научных, медицинских проблем его пора перевести в плоскость этики, добросовестности, человеческой и профессиональной честности. Читатели журнала в своих письмах выражают надежду, что такой разговор состоится.

Турнир турниров

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер

Любители шахмат с трудом успевают следить за турнирами в разных странах, на разных континентах. Но ни один крупный турнир последнего времени по своему масштабу не может сравниться с XXXVII чемпионатом Советского Союза. Это турнир турниров! Три экс-чемпиона мира в составе пятнадцати гроссмейстеров и восемь мастеров встретились на сей раз в Центральном Доме культуры железнодорожников—на Комсомольской площади, чтобы определить не только чемпиона страны, но и четырех участников межзонального турнира в новом цикле борьбы за первенство мира.

Еще до начала чемпионата было много прогнозов относительно этих четырех счастливцев. Так, Тигран Петросян считал, что три путевки завоюют гроссмейстеры, а одну — мастер. И хотя этого не случилось, экс-чемпион мира не виноват: один из лучших наших мастеров, В. Савон, только на финише сам себя выпихнул из межзонального купе.

В нынешнем первенстве не повезло не только Савону: никто из мастеров не сумел взять гроссмейстерский барьер. Ведь для этого надо было успешно преодолеть поистине сверхдлинную дистанцию. Как известно, марафонский бег рассчитан на 42 километра, чемпионат СССР длился почти 42 дня! Только закаленные бойцы, обладающие огромным турнирным опытом и высоким мастерством, сумели попасть в заветную пятерку.

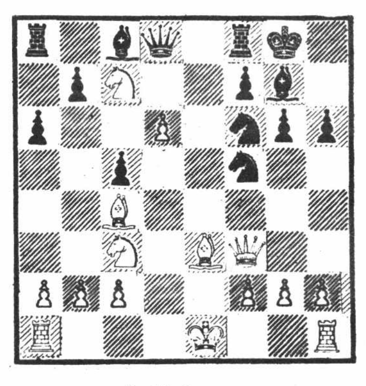
Про Т. Петросяна несколько лет писали так: он типичный матчевый боец, в турнирах он играет хуже или просто плохо. Как же теперь писать про Петросяна? Находчивый журналист, конечно, найдет выход: он напишет, что Петросян после матча со Спасским разучился играть матчи и поэтому срочно научился побеждать в турнирах. Хочется напомнить, что Петросян и раньше умел побеждать в чемпионатах СССР, причем даже с бо́льшим блеском, чем он это сделал на этот раз. Петросян в этом первенстве играл, если так можно сказать, вне конкурса (ему нет необходимости участвовать в межзональном турнире: место в турнире претендентов ему забронировано). Может быть, поэтому он провел турнир спокойно, уверенно и без поражений. Петросян единственный не проиграл ни одной партии. Конечно, ничьих у него многовато, но в этом нельзя винить его одного. Участники турнира знали, что шансов на выигрыш у Петросяна маловато, и поэтому почти каждый, придя на партию с экс-чемпионом мира, мечтал о том, чтобы оторвать у него хотя бы половину очка.

Среди сыгранных Петросяном партий можно встретить и короткометражные ничьи, и характерные для его стиля позиционные партии, и острые комбинационные схватки, в которых Петросян сурово наказывал противников за допущенные ими погрешности.

Приводим его партию с Э. Гуфельдом.

Э. Гуфельд — Т. Петросян
1. e2 — e4 e7 — e5 2. Kg1 — f3 Kb8—c6 3. Kb1—c3 g7—g6 4. d2—d4 e5 : d4 5. Kc3 — d5 Cf8 — g7 6. Cc1 — g5 Kc6 — e7 7. Kf3 : d4 c7 — c6 8. Kd5 — c3 h7 — h6 9. Cg5 — e3 Kg8 — f6 10. Cf1 — c4 O — O 11. Фd1 — f3...
(Петросян — шахматист с тончайшим чутьем. И если к тому добавить, что он играл матчи с М. Ботвинником и Б. Спасским, которые отлично умеют расположить боевые силы, то такой неестественный ход Гуфельда обязательно будет наказан. Лучше было 11. Фd2.)
11... d7 — d5! 12. e4 : d5 c6 — c5! 13. Kd4 — b5 a7 — a6 14. d5 — d6 Ke7 — f5 (Даже играя черными, парадом командует Петросян!)
15. Kb6 — c7.., (Гуфельд, вероятно, был доволен своей позицией. Но мог ли он думать, что уже через девять ходов ему придется капитулировать?)

Т. Петросян

Э. Гуфельд

15... Kf5 : d6! (Можно полагать, что в этот момент Петросян вспомнил про Театр эстрады, в котором неоднократно жертвовал качество.)
16. O — O — O (Оказывается, что на 16. K : a8 решает 16... Cg4 и с ферзем белых неблагополучно).
16... Фd8 : c7 17. Ce3 — f4 Cc8 — g4 18. Фf3 — d3 b7 — b5 19. Cc4 — d5 Лa8 — d8 20. f2 — f3 b5 — b4 21. Фd3 : g6... (Контратака? Нет, комариный укус!) 21... Kpg8—h8 22. Фg6 — d3 b4 : c3 23. f3 : g4 Фc7—b6 24. b2—b3 Фb6—b4. Белые сдались.

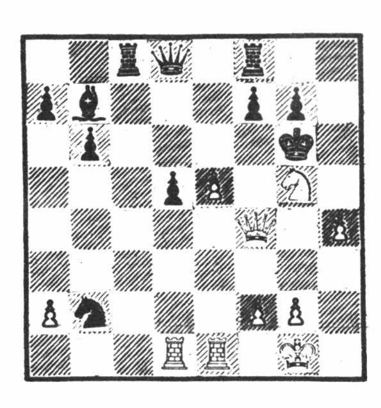
Интересно, что сам Петросян после турнира заявил: «Я не был бы особенно удивлен, если бы замкнул первую десятку победителей». Ведь он же не успел отдохнуть от напряженного матча со Спасским. Петросяну, наверное, просто хотелось окунуться в атмосферу чемпионата, что ему отлично удалось...

Лев Полугаевский начал турнир тяжелым поражением от С. Фурмана. Нет худа без добра! Лев стал сражаться как лев в каждой партии. У Полугаевского есть две медали чемпиона СССР; он побеждал в крупных международных турнирах, но еще ни разу не попадал в межзональный турнир. После окончания чемпионата страны Полугаевский заявил, что на этот раз ему не только хотелось попасть в межзональный турнир, но он был уверен, что ему это удастся. Может быть, поэтому гроссмейстер и готовился к чемпионату самым серьезным образом, уделял много времени физической тренировке: плавал, бегал, играл в волейбол. Ну и, конечно, не жалел времени на специальную шахматную подготовку. И Полугаевский легко выдержал физическое напряжение, несмотря на то, что вкладывал в каждую партию максимум усилий. В третий раз подряд Полугаевский делит первое, второе места — блестящий успех! Кому достанется золотая медаль чемпиона СССР, покажет лишь матч из шести партий между Петросяном и Полугаевским.

Приводим партию из второго тура, в котором Полугаевский прямо растерзал экс-чемпиона мира М. Таля, и притом еще в талевском стиле.

Л. Полугаевский — М. Таль
1. c2 — c4 Kg8 — f6 2. Kb1 — c3 e7 — e6 3. Kg1 — f3 d7 — d5 4. d2—d4 c7—c5 5. c4 : d5 Kf6 : d5 6. e2—e4 Kd5 : c3 7. b2 : c3 c5 : d4 8. c3 : d4 Cf8—b4+ 9. Cc1—d2 Cb4 : d2+ 10. Фd1 : d2 O—O 11. Cf1—c4 Kb8—c6 12. O—O b7—b6 13. Лa1— d1 Cc8—b7 14. Лf1—e1 Kc6 — a5 15. Cc4 — d3 Лa8 — c8 16. d4 — d5! e6 : d5 17. e4 — e5 Ka5 — c4 18. Фd2—f4 Kc4—b2 19. Cd3 : h7 + ! Kg8 : h7 20. Kf3 — g5 + Kph7 — g6 21. h2 — h4...

М. Таль

Л. Полугаевский

Очень любопытно примечание Полугаевского к этой позиции: «При домашнем анализе эта позиция оценивалась как трудная для черных». Что же получается? Неужели Полугаевский весь вариант изучал в тишине домашнего кабинета и поймал такого опытного бойца, как Таль? Да, да, именно так и было! Полугаевский после партии рассказал, что весной он готовился в Дубне к матчу с А. Зайцевым и там же находился Б. Спасский, который готовился к матчу с Т. Петросяном. В результате совместного анализа эта «шахматная ракета» должна была поразить Петросяна или А. Зайцева, но попала... в Таля!
21... Лc8 — c4. (Таль продумал больше часа, но спасения не нашел, ибо такого нет. Белые грозили 22. h5 + Kp : h5 23. g4 + Kpg6 24. Фf5+Kph6 25. Фh7+Kp : g5 26. Фh5 + и мат следующим ходом.)
22. h4—h5+ Kpg6—h6 23. Kg5 : f7 + Kph6 — h7 24. Фf4 — f5 + Kph7—g8 25. e5—e6 Фd8—f6 26. Фf5 : f6 g7 : f6 27. Лd1—d2... (Еще сильнее было, со слов Полугаевского, 27. Kd6!) 27... Лc4—c6 28. Лd2 : b2 Лf8—e8 29. Kf7—h6 + Kpg8 — h7 30. Kh6 — f5 Лe8 : e6 31. Лe1 : e6 Лc6 : e6 32. Лb2 — c2 Лe6—c6 33. Лc2—e2 Cb7—c8 34. Лe2 — e7 + Kph7 — h8 35. Kf5—h4 f6—f5 36. Kh4—g6+ Kph8—g8 37. Лe7 : a7. Черные сдались...

Экс-чемпион мира Василий Смыслов долгое время лидировал, но единственное поражение от И. Платонова явилось предупреждением для Смыслова, и он решил отказаться от борьбы за золотую медаль и наверняка обеспечить себе путевку в межзональный турнир. Смыслову 48 лет, и почему-то его постоянно стали называть ветераном. Какой же он

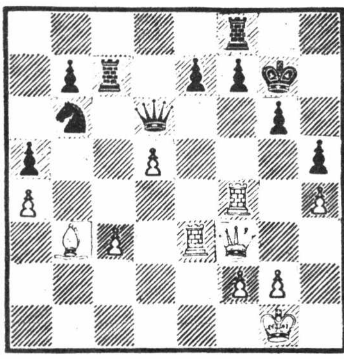
ветеран, если показывает отличную форму, высокие спортивные результаты?

Напомним, что М. Ботвинник в 50 лет выиграл матч-реванш у М. Таля и снова стал чемпионом мира. Можно не сомневаться, что и Смыслов собирается успешно отметить свое 50-летие!

В творческом отношении экс-чемпион дал нам на чемпионате несколько отличных произведений. Приводим одно из них:

В. Смыслов — В. Либерзон
1. c2 — c4 g7 — g6 2. Kb1 — c3 Cf8 — g7 3. d2 — d4 Kg8 — f6 4. Cc1 — g5 c7 — c5 5. e2 — e3 c5 : d4 6. e3 : d4 d7—d5 7. Cg5 : f6 Cg7 : f6 8. c4 : d5 0—0 9. Kg1—f3 Kb8—d7 10. Cf1 — c4 Kd7 — b6 11. Cc4 — b3 Cc8—g4 12. 0—0 Лa8—c8 13. Лf1 — e1 Cg4 : f3 14. Фd1 : f3 Cf6 : d4 15. Лa1 — d1 Cd4 : c3 16. b2 : c3 Фd8 — d6. (Черные отыграли пешку, но у них еще не все в порядке. На королевском фланге у Смыслова хорошие атакующие возможности. Лучше, чем ход в тексте, было 16... Лc7.) 17. h2—h4 h7—h5 18. Лd1—d4 Kpg8—g7 19. Лd4—f4 Лc8—c7 20. Лe1—e6 Фd6—d8 21. Лe6—e3 Фd8—d6. 22. Лf4—e4 a7—a5. (Лишь ослабляет позицию коня на b6. Лучше было 22... Kc8.) 23. a2—a4 Фd6—f6? 24. Лe4—f4 Фf6—d6. (Все остальное следует форсированно и конец королю черных наступает быстро.)

В. Либерзон

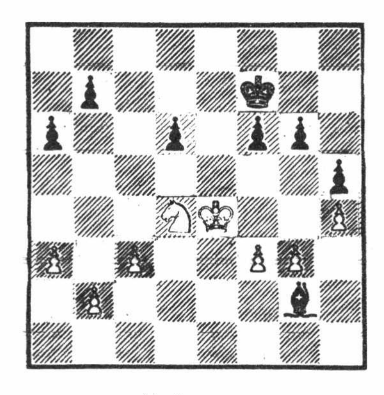
В. Смыслов

25. Лe3—e6! Фd6—c5. (Из-за плохого хода 22 ...a5 конь на b6 под ударом и черные не могут отступить ферзем на d8). 26. Лe6 : g6 +! f7 : g6 27. Лf4 : f8 Фc5 : c3 28. Фf3—f7 + Kpg7—h6 29. Фf7—f4 + Kph6—g7 30. Лf8—f7+ Kpg7—g8 31. d5—d6 Фc3 : b3 32. Лf7—f8 + Черные сдались...

Выполнил свой план и опытнейший Ефим Геллер. Он начал турнир мощно, затем слегка сдал, но на финише имел все шансы разделить первые три места. Есть шахматисты, такие, как, скажем, М. Таль, которые часто проигрывают в первом туре. У Е. Геллера другая дурная привычка: он предпочитает проигрывать в последнем. Как не вспомнить, что на этой же сцене ЦДКЖ совсем молодой Геллер в 1949 году в последнем туре всесоюзного чемпионата проиграл Р. Холмову, что отбросило Геллера с первого на 3—4 места! В теперешнем первенстве Геллер проиграл последнюю партию И. Платонову, партию, которую нетрудно было свести вничью. Но трагедия для Геллера не такая большая: в межзональный турнир он все же попал!

Если Геллер в молодые годы предпочитал тактические решения, то теперь он часто добивается победы техническим путем. Вот один пример:

С. Жуховицкий

Е. Геллер

У белых явное преимущество. Но все же поучительно, как Геллер реализует выгоды своей позиции. Последовало: 32. a3—a4 Cg2—h3 33. a4—a5 Kpf7—e7 34. Kpe4—f4 Ch3—f1 35. Kpf4—e3 Kpe7 — f7 36. Kpe3—e4 Kpf7—e7 37. g3—g4 h5 : g4 38. f3 : g4 Kpe7—f7 39. b2—b3 Cf1—g2+ 40. Kpe4—f4 Cg2—f1 41. Kpf4—e3 Cf1—h3 42. Kpe3—f3 Ch3—f1 43. Kd4—e2 Cf1 : e2 + (Пешечный эндшпиль проигран для черных, но спасти позицию было нельзя.) 44. Kpf3 : e2 Kpf7—e6 45. Kpe2—f3 f6—f5 46. c3—c4 Kpe6—e5 47. g4 : f5 Kpe5 : f5 48. Kpf3 — g3 Kpf5—e6 49. Kpg3—f4 Kpe6—f7 50. Kpf4—g5 Kpf7—g7 51. b3—b4... (Решающий темп!) 51... Kpg7—f7 52. Kpg5—h6 Kpf7—f6 53. b4—b5 Kpf6—f7 54. Kph6—h7. Черные сдались, ибо на 54... Kpf6 решает 55. Kpg8...

Если в очереди за путевками в межзональный турнир Л. Полугаевский, В. Смыслов и Е. Геллер относительно легко обеспечили себе места, то вокруг четвертой плацкарты разгорелась невероятно жестокая схватка, длящаяся до последнего дня. Шансы приобрести четвертую путевку одно время имел отлично играющий мастер В. Савон, но он, как мы уже отметили, неудачно финишировал. С Л. Штейном повторилась «трагедия пол-очка». Р. Холмов также испортил свои шансы под занавес. И. Платонов набрал с тремя экс-чемпионами мира 2,5 очка, но зацепиться за межзональный вагон также не сумел. Чуть-чуть больше турнирного счастья — и в Испанию мог попасть талантливый ученик М. Ботвинника, шахматист с большим будущим Юрий Балашов...

Кто же стал четвертым счастливцем? Марк Тайманов! Про него мы во время турнира часто говорили, что ему не везет. Так на самом деле и было. Но все хорошо, что хорошо кончается. А счастливый финал Марка Тайманова абсолютно заслужен. Он упорно, настойчиво сражался в каждой партии, особенно на финише, и выбил из конкурса своих конкурентов — Р. Холмова и В. Савона. Но особенно необходимо остановиться на одной встрече — с А. Лутиковым в последнем туре.

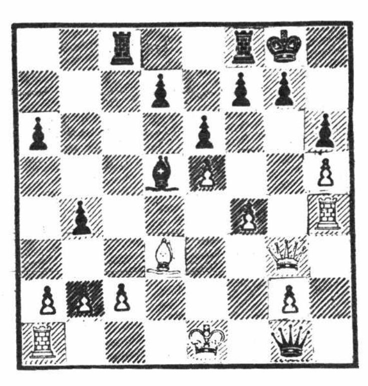
Даже видавшие виды старожилы ЦДКЖ не могли вспомнить такой накаленной атмосферы в шахматной партии. В чемпионате страны было сыграно 253 партии, но дуэль Лутиков — Тайманов является самой захватывающей. Шахматная доска превратилась в костер, в котором, казалось, должен был сгореть Тайманов. Но сколько находчивости, сколько изворотливости продемонстрировал он в труднейшей позиции! А когда было сделано 40 ходов, девятнадцатикратный участник чемпионатов СССР не только выкрутился, но и увидел, что выигрывает. И тогда он, человек некурящий, не выдержал, выхватил у кого-то из участников папиросу и закурил.

Когда все кончилось, зрители благодарили Марка Тайманова за доставленное наслаждение, его поздравляли, а он сам, мучительно уставший, говорил: «Если бы вы знали, сколько нервов стоила мне эта партия!» За 30 лет своей шахматной жизни Тайманову еще никогда не приходилось побеждать в такой захватывающей борьбе. Он сам назвал свое сражение с Лутиковым «партией жизни». Вот как она протекала:

А. Лутиков — М. Тайманов

1. e2—e4 c7—c5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. d2 — d4 c5 : d4 4. Kf3 : d4 e7—e6 5. Kb1—c3 Фd8—c7 6. Cc1—e3 a7—a6 7. Cf1—d3 b7—b5 8. Kd4 : c6 Фc7 : c6 9. Ce3—d4 Cc8—b7 10. Фd1—e2 Kg8—e7 11. f2—f4 b5—b4 12. Kc3—b1 Ke7—g6 13. Фe2—f2 Cf8—d6 14. Cd4—e3 0—0 15. Kb1—d2 Лa8—c8 16. h2—h4... (Только вперед! — так играет всегда Лутиков. После 16. 0—0 было бы спокойно.) 16... Фc6—c7 17. e4—e5 Cd6—c5 18. h4—h5 Cc5 : e3 19. Фf2 : e3 Kg6—e7 20. Kd2—c4 Ke7—f5 21. Фe3—d2 Cb7—d5 22. Kc4—e3 Kf5 : e3 23. Фd2 : e3 Фc7—c5 24. Фe3 — g3 h7 — h6 25. Лh1 — h4... (Из-за отсутствия места мы ограничиваемся примечаниями к этой партии лишь в заключительной части, в которой происходили основные события. Относительно первой части партии можно лишь отметить, что Лутиков играл остро, даже азартно. Если бы теперь Тайманов сделал бы еще один защитный ход — 25... Kph8,— то стратегия белых должна была рухнуть. В разгаре борьбы Тайманов импульсивно дал ошибочный шах, полагая, что испортит Лутикову рокировку и настроение. На самом деле настроение испортилось (во всяком случае, временно) у него самого!) 25... Фc5 — g1 + ?

М. Тайманов

А. Лутиков

26. Kpe1—d2... (Здесь Тайманов с грустным видом надолго задумался. Он тут же понял, что шах был ошибочный и что в случае 26... Ф : a1 27. Лg4 черные получают мат. Что делать? Самое главное в таком случае — сохранить хладнокровие, как бы это ни было трудно.) 26... Фg1—d4 27. f4—f5... (Самый опасный ход для черных. Ничего хорошего не сулит белым 27. Лg4 Ce4! и у черных отличная игра.) 27... Лc8 : c2+ (Поскольку под ударом черный ферзь и особенно из-за страшной угрозы 28. f6, тихие ходы уже не помогают. Надо только шаховать. В этот момент Тайманов, вероятно, вспомнил про одного ленинградского любителя, который говорил: «Пока я даю шах, я никого не боюсь!» Интересно отметить, что и во время игры и после партии некоторые участники считали, что если бы Лутиков отступил королем на e2, то в этом случае на межзональный турнир поехал бы не Тайманов, а Л. Штейн. На следующий день Тайманов опроверг это утверждение, показав, что после 26. Kpe2 Л : c2+ 27. C : c2 Cc4+ 28. Kpd2 Фd4+ 29. Kpc1 Фg1+ у черных есть вечный шах.) 28. Kpd2:c2 b4—b3+29. Kpc2—d1... (Возможно, было 29. ab C : b3+ 30. Kpd2 Ф : b2+ 31. Kpe3 Ф : a1 32. f6 Фg1+ и черным приходится дать вечный шах. Но можно ли удивляться Лутикову, что он отказался от ничьей, имея в кармане лишнюю ладью? Нет, конечно!) 29... Фd4—g1+ 30. Фg3—e1 Фg1 : g2 31. Фe1—f1... (П. Керес предложил лучший ход 31. Фe3!) 31... Cd5—f3+ 32. Kpd1—e1 Фg2:b2 33. Лa1—b1 Фb2 : e5+ 34. Kpe1—f2 b3 : a2 35. Лb1—e1 Фe5—f6 36. Kpf2—g3 Cf3—g2! (Тайманов играет очень находчиво. Сейчас Лутикову лучше было ответить 37. Ф : g2, но он по-прежнему не хочет вернуть завоеванный материал.) 37. Фf1—g1 e6:f5 38. Фg1—d4 Фf6—g5+ 39. Kpg3—h2 Cg2—e4. (Какая смена декораций! Теперь уже Тайманов угрожает матом, и белые теряют все на свете.) 40. Лh4 : e4 f5 : e4 41. Фd4 : e4 Фg5 : h5 + (Записанным ходом Тайманов уничтожил седьмую пешку противника. Лутиков немного подумал и решил партию не откладывать, а сдаться.)

Эта партия обойдет всю мировую шахматную литературу!..

Несколько слов о неудачниках чемпионата. Их, конечно, больше, чем победителей. Особенно огорчает результат экс-чемпиона мира М. Таля. Как это могло случиться, что такой крупный шахматист, как Таль, набрал меньше чем 50 процентов возможных очков? Ответ здесь один: болезнь. Прав Т. Петросян, который после турнира написал: «Больной Таль — это не Таль!» А сам М. Таль после окончания чемпионата, победив в блиц-турнире, заявил: «На пять минут сил еще хватает, но на пять часов явно нет». Трудно согласиться с теми уж слишком строгими критиками, которые ругали Таля за его решение участвовать в турнире (разве такому фанатику шахмат легко потерять три года?), но теперь действительно пора, очень пора Талю взяться за срочный ремонт своего здоровья...

Итак, чемпионат СССР окончен, точнее, почти окончен, ибо впереди еще заключительный аккорд — Петросян — Полугаевский. Но Борис Спасский уже может «разыгрывать варианты» предстоящего матча 1972 года. Мы уверены, что его партнером окажется один из советских гроссмейстеров, может быть, Петросян, может быть, Корчной, а может быть, Л. Полугаевский, Е. Геллер, В. Смыслов или М. Тайманов.

КОЕ-ЧТО О ЛИСАХ

Лисы всегда были самыми странными животными в природе. Изустная народная молва, а также дошедшие до нас исторические рукописные источники приписывают лисам необыкновенные душевные свойства. Утверждают, что складу характера лис свойственны хитрость, коварство, изворотливость и даже мудрость. Не случайно изображения лис мы находим не только в доисторических наскальных пещерных рисунках, но и в более поздних египетских рукописях, начертанных на папирусе. Поэты средневековья, воспевавшие войну и мир, любовь и коварство, упоминали лису. А немецкий поэт Гете посвятил ей целую поэму.

И все же отрицательные черты, приписываемые лисе, отвергаются естествоиспытателями, наблюдавшими обитательницу наших полей и лесов в привычной ей природной обстановке.

Альфред Брем в книге «Жизнь животных», словно не доверяя собственному опыту естествоиспытателя, приводит следующее высказывание известного охотника на лис:

«Каждый опытный охотник, которому приходилось иметь дело с лисицами, очень хорошо знает, что далеко не все лисицы отличаются сметливостью и увертливостью и что даже не только между молодыми, но и между старыми лисицами встречаются иногда простоватые и даже глупые экземпляры».

Итак, глупа лисица или умна? На самом ли деле это собранное, обладающее быстрой реакцией животное или обычная, медлительная бестолочь? И приписываемые ей качества не больше, чем сказки и басни, в которых, собственно говоря, чаще всего прославляется лиса как средоточие ума и сноровки?

Автор не хочет ни возводить лисицу на высокий пьедестал, ни ниспровергать ее оттуда. Он намерен охарактеризовать лис такими, какими он их видел сам...

НЕ БУДЬ ЗАЗНАЙКОЙ!

Утка плавала посреди пруда, а лиса сидела на берегу.

— Эй, утка!— крикнула лиса.— А ты брассом можешь плавать?

— Кря-кря, могу,— сказала утка и продемонстрировала такой великолепный брасс, что ни один даже самый взыскательный тренер не смог бы к ней придраться.

— Молодец!— похвалила лиса.— А баттерфляем можешь?

— Кря-кря, это я делаю запросто,— ответила утка. И показала отличный баттерфляй.

— Ты просто талант,— восхитилась лиса,— и рождена для рекордов! А сможешь ли у того берега нырнуть, а у этого вынырнуть?

Не говоря ни слова, утка ушла под воду и вынырнула перед самым носом лисицы.

Плотно позавтракав и очищая мордочку от утиных перьев, лиса мудро заметила:

— Зазнайство в спорте еще никого не доводило до добра.

НЕОБХОДИМАЯ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЬ

Глухариный заповедник объявил набор егерей. От кандидатов отбоя не было. Но странное дело: на должности егерей претендовали только лисы.

Отделу кадров пришлось дополнить обычную анкету для поступающих еще одним вопросом:

«Занимали ли вы или ваши ближайшие родственники руководящие посты в птицеводческих хозяйствах?»

БЫЛА БЫ ОПОРА...

В лесу строили новую здравницу. Здание заложили на вершине холма, где воздух был особенно чистым и целебным. Но доставлять тяжелые бревна наверх было очень трудно. Работа не клеилась. Тогда было решено назначить начальником строительства лисицу.

— Мы дадим вам высшую ставку, каждый квартал будете получать премии. У подножия отроем для вашей семьи четырехкомнатную нору, поставим телефон, чтобы вы могли поддерживать оперативную связь со строительством. Согласны?

— Согласна,— ответила лиса,— если вы еще дадите мне заместителя.

— Что за вопрос! Будет заместитель. Только назовите его сами. Кого бы вы хотели?

— Вола!

Теперь лисица целыми днями болтает по телефону, а вол, обливаясь потом, таскает бревна.

В СВОЕМ РЕПЕРТУАРЕ

Волк, рысь и барс решили напасть на колхозную овцеферму. Выбрав ночку потемнее, они отправились на рискованное дело. И вдруг барс заметил, что рядом с ними идет лиса.

— А лису ты зачем позвал?— спросил он волка.

— Следы заметать!— ответил волк.

ЦЕНА ГОСТЕПРИИМСТВА

В магазин, которым заведовала лисица, доставили большую партию живых кур.

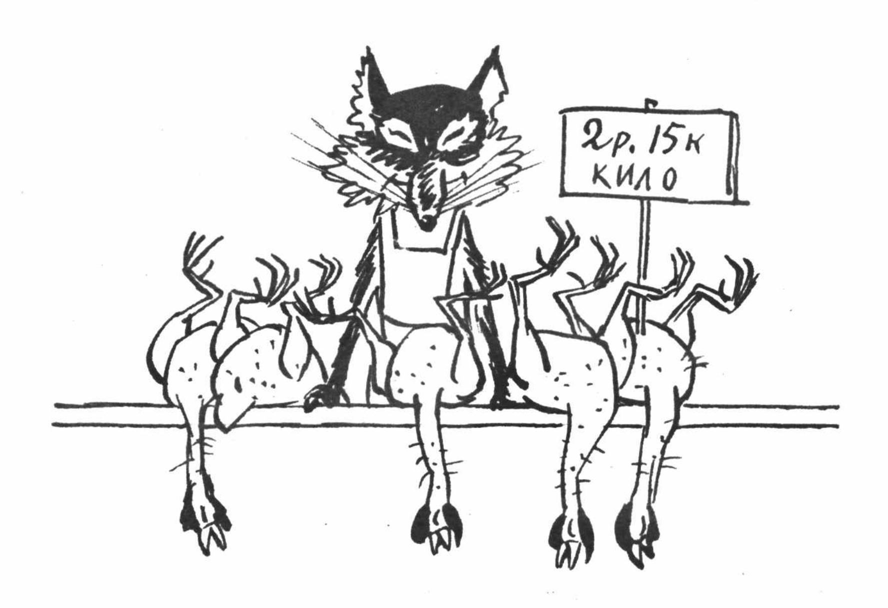
— Будем рубить головы и на прилавок?— спросил лисицу ее заместитель барсук.

— Фи, как грубо!— поморщилась лисица.— Ну кто же так поступает с гостями? Курочки устали, проголодались в дороге... Накормите их!

Курам высыпали несколько мешков дешевой кукурузы.

— Ну как гостьюшки?— через некоторое время спросила лиса.

— Клюют!— ответил барсук.

— Вот и чудесно. А теперь дайте им водички. Недаром говорят, что сухая ложка рот дерет.

Куры жадно набросились на воду...

Продавали их на следующий день. Прибавка в весе всей партии хохлаток составила ровно одну тонну. По 2 рубля 15 копеек за килограмм.

К ЧЕМУ ЭТА МИШУРА!

Лису-чернобурку пригласили участвовать в Ленинградском международном пушном аукционе, обещая ей большой успех.

— Ой, мама, поезжай!— закричали лисенята.— Исаакиевский собор посмотришь, игрушек нам новых привезешь!

Однако лиса, поняв, что это мероприятие не сулит ей ничего хорошего, сказала устроителям аукциона:

— Ваше предложение льстит мне. Но, признаться, я уже отвыкла от шумных столиц. К тому же как раз сегодня я звана на дружескую встречу с мышами. Не хотелось бы обижать этих милых зверьков отказом...

И с наступлением вечера лисица отправилась мышковать на ближайший луг.

А КАК ТАМ ЗА МОРЕМ!

Лисица вернулась из длительной заграничной поездки.

— Ну как там?— спросили ее подружки-лисицы.

— Восхитительно! — ответила лиса.— Я просто не ожидала увидеть так много птиц. Птичьи гнезда на каждом шагу.

— А есть ли там кролики, зайчишки?

— Этого добра хоть отбавляй!

— И рыбкой можно полакомиться?

— Рыба любая: морская, озерная, речная...

Подружки-кумушки заахали:

— Вот это жизнь! Не то что у нас!

Тогда одна старая, видавшая виды лиса спросила путешественницу:

— Скажи, милая, а тебе не приходилось там встречать собак?

Лиса замялась:

— Приходилось.

— Ну и как же ты в таких случаях поступала?

— Что значит «как»? Убегала!

ЯВНЫЙ ДИССОНАНС

Лиса пришла в охотничий магазин.

— Порох есть?

— Есть.

— Дробь есть?

— Есть.

— А ружья?

— Имеются и ружья: ижевские и тульские.

Лиса вышла из магазина и позвонила из ближайшего автомата корреспонденту агентства «Найт-Тайм».

— Говорит доброжелатель. Если вы хотите получить лишнее подтверждение, что Советский Союз вопреки его заявлениям не намерен разоружаться, советую посетить наш крупнейший арсенал.

И назвала адрес охотничьего магазина, где она минуту назад взяла интервью у продавца.

АВТОМАТ ДЛЯ УМЕРЕННЫХ

В шведском городе Лунде появился специальный автомат, торгующий спиртными напитками. Посетитель произносит в микрофон название нужного ему напитка и нажимает на кнопку. Слово это должно быть произнесено ясно и отчетливо, если же человек уже пьян и говорит заплетающимся языком, автомат не включается.

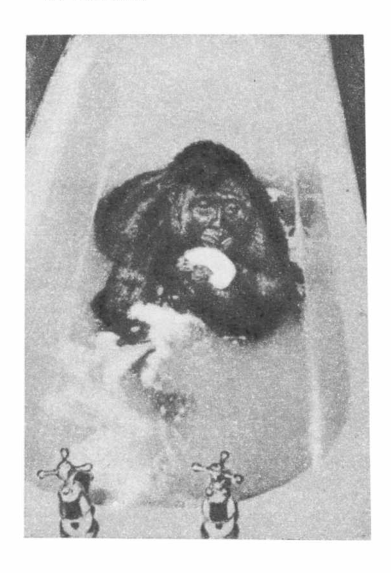
РЕКЛАМА ПОД ОХРАНОЙ

На платьях этих девушек по семидесяти часов разной величины. Так одна японская фирма рекламирует свой товар. Манекенщицы ходят по улицам в сопровождении полицейских.

ЛЮБИТЕЛЬ КУПАНИЯ

Горилла по имени Джо, живущая в зоопарке английского города Йорка, очень любит купаться в ванне. Джо отлично орудует мылом и мочалкой.

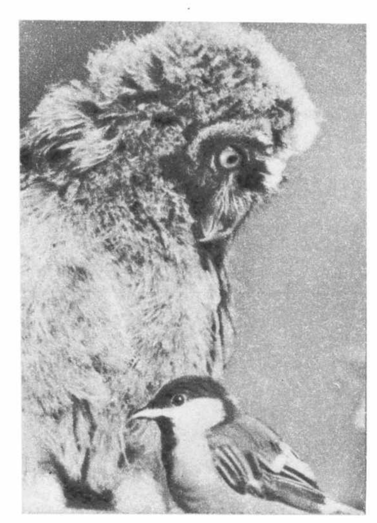
ДРЕВНИЕ САНДАЛИИ

В одной пещере американского штата Орегон обнаружен склад веревочных сандалий, изготовленных, как определили археологи, девять тысяч лет назад.

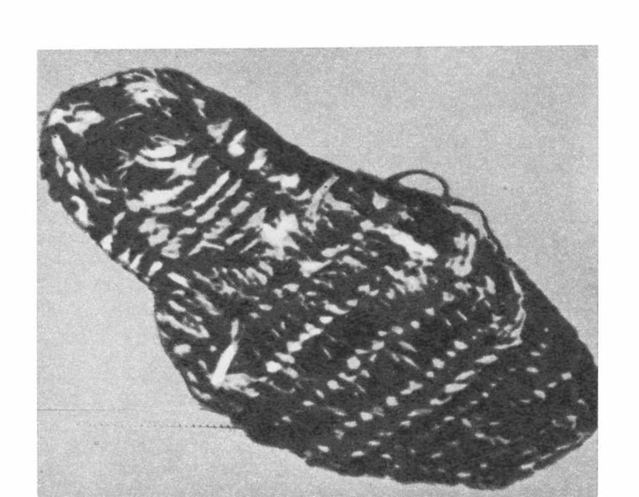
НА СЧАСТЬЕ!

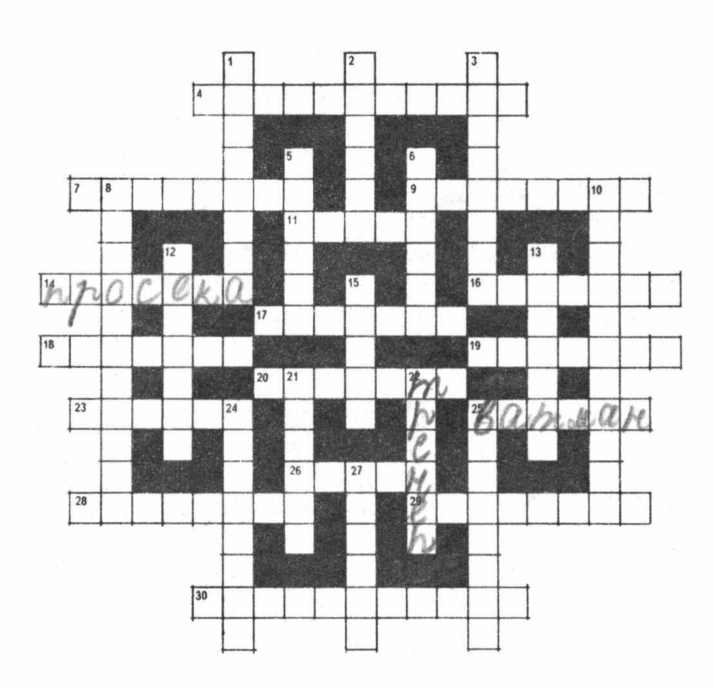
Футболист одного миланского клуба женился в день, когда должна была играть его команда. Друзья молодоженов попросили невесту сделать первый удар по мячу.

ОПАСНОЕ ЗНАКОМСТВО.

Фото Н. Шавши.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Русский композитор. 7. Подводное заграждение из свай. 9. Соотношение двух тонов по высоте. 11. Река в Иране. 14. Дорога в лесу. 16. Персонаж романа М. Шолохова «Тихий Дон». 17. Наиболее яркая звезда в созвездии Возничего. 18. Населенный пункт в Древней Руси. 19. Медицинский препарат. 20. Настольная игра. 23. Пряность. 25. Толстая бумага. 26. Город в Якутии. 28. Повозка. 29. Актриса МХАТа. 30. Наука об общих закономерностях процессов управления и связи в организованных системах.

По вертикали: 1. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 2. Очертания предмета. 3. Научное предположение. 5. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Черевички». 6. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 8. Птица с пестрым оперением. 10. Переложение музыкального произведения. 12. Славянский просветитель. 13. Черный тополь. 15. Областной центр в РСФСР. 21. Опера А. А. Спендиарова. 22. Специалист, готовящий спортсменов к соревнованиям. 24. Наука о строении живого организма. 25. Изделия из глины. 27. Приток Роны.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 3. Маяковский. 4. Амазонка. 9. Сортавала. 10. Костяника. 11. «Илиада». 13. Ластик. 15. Мастерок. 17. Раствор. 18. Номинал. 19. Сентябрь. 22. Климов. 24. Статуя. 28. Андромеда. 29. «Хованщина». 30. Скафандр. 31. Мадагаскар.

По вертикали: 1. Магадан. 2. Пикассо. 5. Анабас. 6. Нектар. 7. Горлица. 8. Скрипка. 12. Древко. 14. Азимут. 15. Морс. 16. Конь. 20. Невада. 21. Бархан. 23. Линза. 25. «Узник». 26. Реостат. 27. Квартал.

На первой странице обложки: Председатель колхоза «Большевик» Аким Васильевич Горшков с колхозниками третьего поколения (см. в номере интервью с А. В. Горшковым).

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

А 00445. Сдано в набор 4/XI-69 г. Подп. к печ. 18/XI-69 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 100 000 экз. Изд. № 2310. Заказ № 3043.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЗДРАВСТВУЙ, ДАНКОВСКАЯ „ТРЕТЬЯКОВКА"

Вот она — Данковская «Малая Третьяковка». Разве и внешним видом не напоминает она прославленную старшую сестру!

Стоит на высоком берегу Дона древний русский город Данков, или Дóнков, как некогда произносили имя его наши предки. Ныне это один из районных центров Липецкой области. А когда-то Данков стоял на страже южных русских границ крепким звеном в великой Белгородской защитной черте... И сегодня в увлекательный рассказ о прошлом города сложилась экспозиция Данковского краеведческого музея, лет десять как созданного заботами и трудами городских старожилов-энтузиастов, коммунистов В. П. Соседова, В. Л. Лукина, И. А. Прасолова, В. А. Смирнова и многих других. Знакомясь почти с пятью тысячами разнообразных экспонатов музея, узнаем мы и о том, как с той поры, когда при Петре Великом отодвинулась к морю русская граница, стал мирный Данков городом хлебным. Ведь черноземы в здешних местах щедрые.

Теперь в Данкове семь школ. А еще — спросите там сегодня любого жителя — хоть юного, хоть старожила: «Что за светлое здание виднеется на самой вершине холма, омытого излучиной Дона?» Услышите в ответ: «Наша галерея! Наша «Малая Данковская «Третьяковка»...»

Гордость данковцев справедлива: ведь из всех районных центров страны один их Данков может похвалиться такой богатой художественной сокровищницей.

Даже жители областных городов завидуют данковчанам.

«Завидую, радуюсь, верю: когда-нибудь и у нас в Липецке будет такая прекрасная галерея», — записано в книге отзывов. Рязанцы восклицают: «Отличная галерея! С нашей вполне может соперничать». А хозяева новорожденной галереи надеются, что их «Третьяковка» станет еще лучше, еще богаче, что, кроме произведений советских мастеров, появятся в ней и полотна дореволюционных русских художников.

Сейчас в экспозиции Данковской «Малой Третьяковки» более ста произведений советского искусства — живопись, скульптура, графика. На обратной стороне многих картин можно прочесть: «В дар Народному музею города Данкова от художника Ю. П. Кугача»; «Данковскому Народному музею дарю от души» — Виктор Цыплаков; «Желаю создать в городе Малую Третьяковскую галерею» — Степан Дудник; «Данковской картинной галерее» — Георгий Нисский...

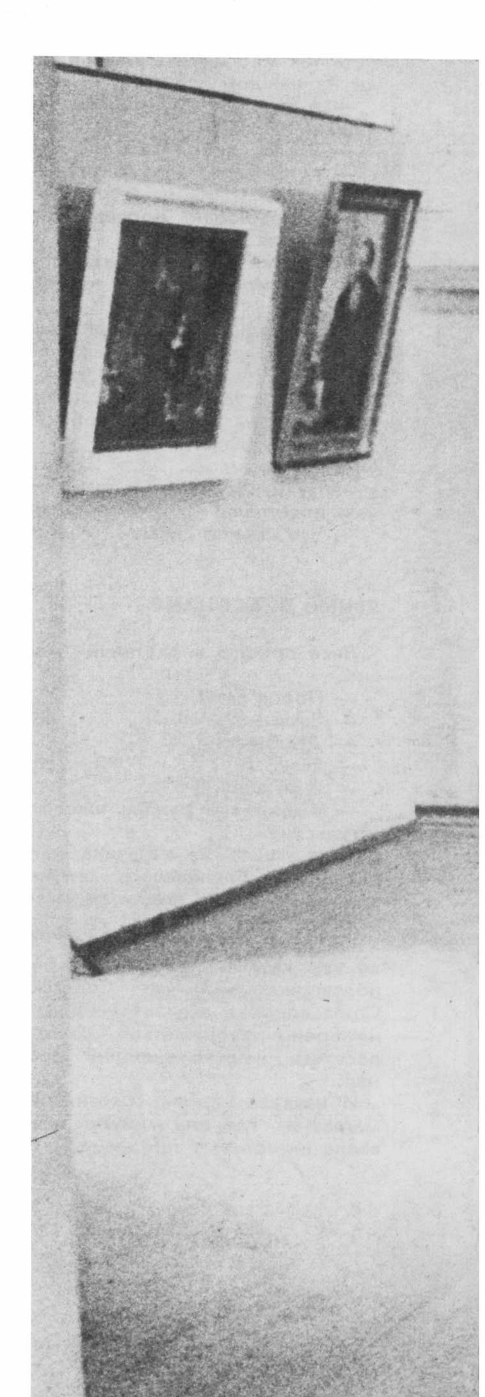
Эти автографы художников напоминают об истории создания новой галереи. Особенно вот этот: «Моему родному городу Данкову, моим дорогим землякам! С радостью и надеждой на большое будущее Картинной галереи» — 28 марта 1968 года, Андрей Плотнов.

Тогда, немногим более года назад, оставляя эту дарственную надпись на обороте эскиза к своей большой картине «Зимний взят», Андрей Иванович уже знал: Данковской «Третьяковке» быть! Задумали они ее вместе со школьным учителем художника Василием Павловичем Соседовым, страстным краеведом, в год 50-летия Советской власти. Василий Павлович пригласил своего бывшего ученика в небольшой еще тогда Данковский краеведческий музей...

— Вот этот стенд рассказывает, как Лев Толстой устраивал в неурожайные годы бесплатные столовые для голодающих крестьян соседних деревень... Здесь — найденные нами сведения, что посещал наш город И. Е. Репин, что понравился он Илье Ефимовичу живописностью, уютом. А вот картин у нас нет! Ни одной!

— А давайте попробуем! Быть может, даже картинную галерею в Данкове удастся основать.

Через несколько дней Андрей Плотнов уже в Москве — убеждает товарищей из Художественного фонда РСФСР: очень нужны Данкову картины; рассказывает друзьям-художникам, какой замеча-

тельный это город — Данков! Какую прекрасную галерею можно там открыть! Как она нужна там: рабочим химического завода и доломитового комбината, колхозникам, выращивающим на окрестных полях хлеба, школьникам...

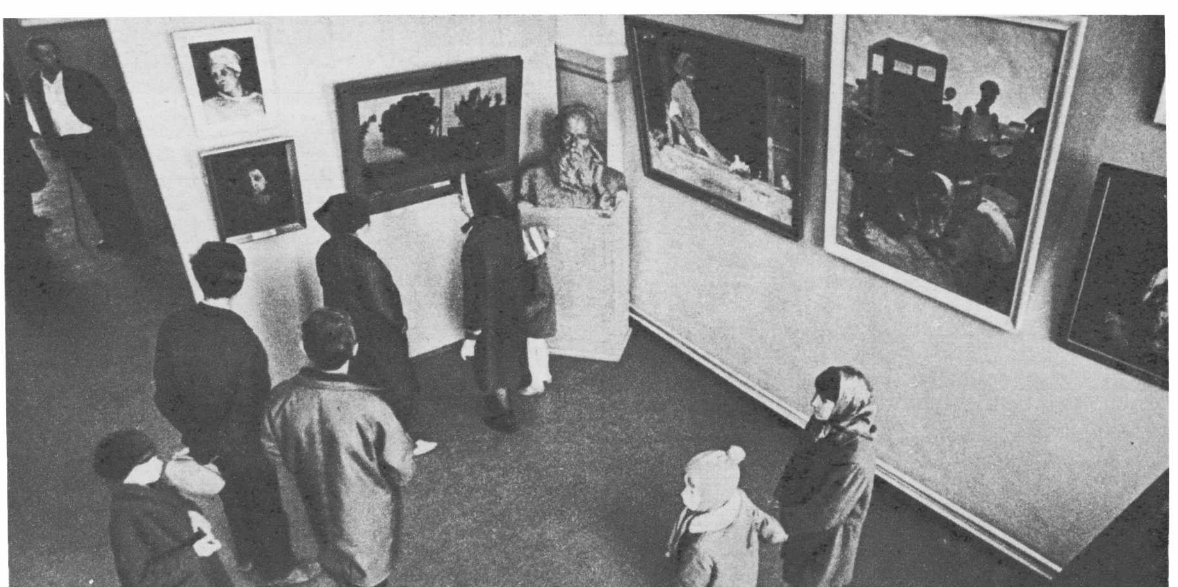
В поддержку земляку-художнику в его добрых хлопотах летели в те дни из Данкова художественным организациям Москвы письма — от краеведов, пионеров, комсомольцев, из партийных и советских органов района — с призывом помочь, содействовать, откликнуться... Тогда-то и стали появляться на картинах дарственные автографы художников-москвичей, а из запасников Художественного фонда РСФСР было передано в дар Данкову более сорока лучших произведений.

И вот наконец в мае 1968 года в фойе городского Дома культуры была развернута первая экспозиция. А скоро, в один из августовских дней нынешнего года, «Малая Третьяковка» справила свое новоселье в отремонтированном старинном здании на центральной площади, что видно со всех самых далеких окраин города. И теперь дивятся даже москвичи богатству галереи. Ведь не каждой столичной выставке случается собрать такие интересные произведения, похвалиться столь разнообразным списком авторских имен: Сергей Герасимов, В. Ефанов, Н. Жуков, В. Загонек, Л. Кербель, Кукрыниксы, отец и сын Кугачи, А. Лактионов, Д. Мочальский, Г. Нисский, Ю. Подляский, В. Серов, Н. Томский, В. Цигаль, В. Цыплаков, В. Штраних...

И кто знает, может быть, через несколько лет рядом с золотым колосом, химической ретортой, стальной фермой и алыми, древнего начертания буквами ДАНКОВ, сложившимися в эмблему города, появится еще и силуэт здания галереи. Нового здания, проект которого на общественных началах уже разрабатывают архитекторы в КБ Данковского химзавода.

Е. СТЕПАНОВА

Третьеклассники Женя Зямин, Сережа Луговой и Володя Зубов успели прослыть в родном городе любителями живописи.

Правы данковцы: широко и многообразно отражает их галерея жизнь Родины.

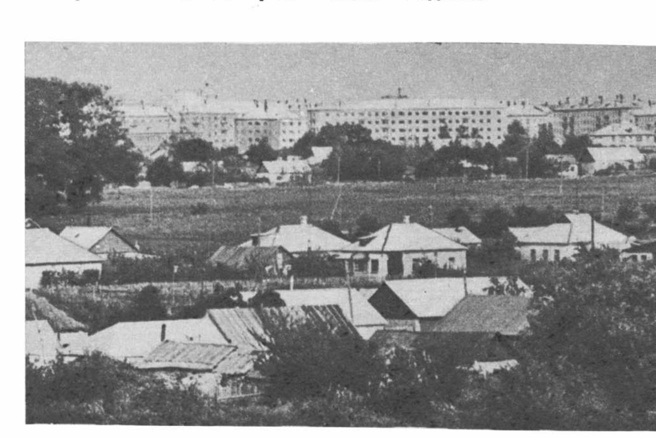

Николай Николаевич Малыхин еще помнит времена, когда в Данкове куда легче было купить колоду карт, нежели книгу...

Генеральная уборка идет к концу.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Отступает старый Данков...

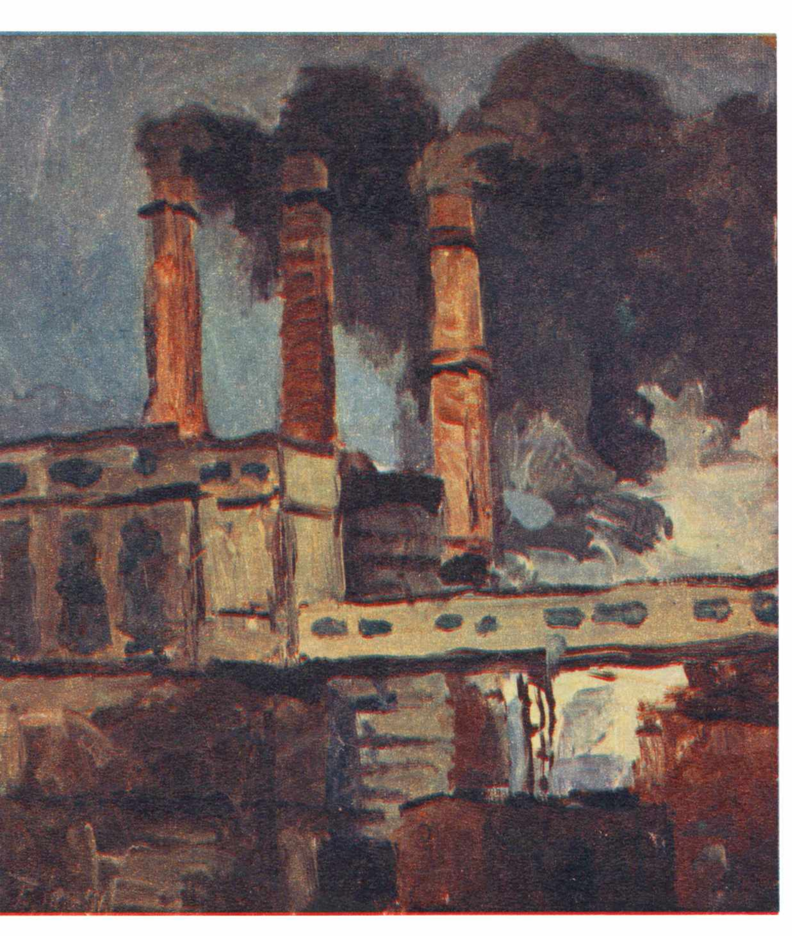

ПОГРУЗКА ЛЕСА.

СПЛАВНАЯ ПРИСТАНЬ.

КАРЕЛЬСКИЕ ЭТЮДЫ СУЛО ЮНТУНЕНА

В СЕГЕЖЕ.

ВОДОПАД КИВАЧ.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

ВЕСЕННИЙ ДЕНЬ.

НАД ЛОГМОЗЕРОМ.

